

история / география / этнография

Московия при Иване Грозном
глазами иноземцев

М

ОСКОВИЯ
при Иване Грозном
глазами иноземцев

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

М

ОСКОВИЯ
при Иване Грозном
глазами иноземцев

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2014

УДК 94(47).043
ББК 63.3(2)44
М82

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибилевой

Генрих Штаден

Записки немца-опричника
о Московии

Печатается по изданию:

Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного.
М., Издательство М. и С. Сабашниковых, 1925.

Сергей Бахрушин¹

Из предисловия
к первому изданию «Записок»
Генриха Штадена на русском языке

Вестфалец по происхождению, игрою судьбы заброшенный в Московию и записанный в опричнину, автор близко видел описываемые им явления и порядки, а автобиографическая форма, которую он придал своим запискам даже в той их части, которая посвящена описанию страны, делает их особенно ценными, вскрывая конкретно и безыскусно те мелкие детали повседневной жизни служилого человека XVI века, которые вряд ли возможно найти в каком-либо ином современном памятнике. Сочинение Штадена лишено литературной обработки, местами представляет собою ряд разрозненных отрывков, не всегда объединяемых какой-нибудь общей мыслью. Зато в этих отрывках необычайно рельефно выступают «дела и дни» русского помещика того времени, взаимные отношения опричнины и земщины — землевладельцев и крестьян, положение и быт иноземной колонии в Москве, торговая роль Поморья — словом, разнообразные стороны московской жизни в наиболее характерных ее проявлениях. Большой свежестью отличаются те чисто географические сведения о Московском государстве и особенно о его северных и северо-восточных окраинах, которые мы находим в этом сочинении.

¹ Бахрушин Сергей Владимирович (1882—1950) — историк, член-корреспондент АН СССР. Под его (совместно с М. А. Цявловским) редакцией выходила в издательстве М. и С. Сабашниковых серия «Записки прошлого», в которой были опубликованы «Записки» Г. Штадена. — *Примеч. редактора.*

Но материалом бытовым и географическим не ограничивается научное значение печатаемых записок. Бесхитрый рассказ Штадена дает нам богатый материал и для общего суждения о таком далеко не выясненном явлении в истории XVI века, как опричнина. Разбросанные по запискам отдельные намеки рисуют это учреждение в новом освещении. Из общего контекста разрозненных эпизодов и замечаний — общая картина опричнины выступает более конкретно, чем в других источниках, и ее история приобретает большую определенность.

Немецкий оригинал рукописи, издаваемый ныне в свет в русском переводе, хранится в Государственном архиве в Ганновере. Рукопись объемлет 188 страниц in f° и на первом листе имеет заголовок — «*Moscowiter Land und Regierung Beschriben durch Henrichen v. Staden*». Заголовок относится, впрочем, только к первой половине рукописи (л. 1—50). Другая половина ее распадается на три части и составляется из: 1) Проекта (*Anschlag*) военной оккупации Москвы (л. 50 об. — 66), 2) Прощения (*Supplication*) автора на имя Рудольфа II (л. 66 об. — 69) и 3) Автобиографии Генриха Штадена (л. 69 об. — 97).

Вся рукопись написана одной и той же рукой; в начале довольно тщательно, чем ближе к концу — тем менее аккуратно.

Список относится к XVI веку. Более точная его датировка невозможна без специального обследования рукописи.

Записки о Московии

Извлечения

I Прошение императору Рудольфу II

Его римско-кесарскому величеству королю венгерскому и чешскому, нашему всемилостивейшему государю всеподданнейшее и всепокорнейшее прошение от меня, Генриха Штадена.

Всепресветлейший, вельможнейший, непобедимейший римский император, король венгерский и чешский, наш всемилостивейший государь!

Каким образом Русская земля до сих пор управлялась; как князья владели собственными уделами, вотчинами и поместьями; как вели они войну против крымского царя — извечного врага их государства; где они с ним обычно сходились; как далеко опустошил он их страну; как выжег он Москву и как неуклонно стремится к тому, чтобы присоединить к се-

Перевод с немецкого И. И. Полосина.

Полосин Иван Иванович (1891—1956) — историк, библиограф, доктор исторических наук.

бе Русскую землю, а великого князя с обоими его сыновьями увести с собой в Крым и завладеть [великокняжеской] казной — в этом моем послании найдете, ваше римско-кесарское величество, письменное изложение этого. Еще сообщил я о том, как великий князь без пощады и сожаления убивал правителей своей собственной земли; и как все это было и как происходило. Как всемогущий Бог покарал страну чумой и голодом и как много еще других в ней бывало бед. Я имею в виду при этом намерение крымского царя [захватить Русскую землю] при помощи турецкого султана, казанских, астраханских и ногайских татар и князя Михаила из Черкасской земли. <...>

Милосердый Бог так часто и чудесно охранял меня в тех странах и — как это достоверно рассказано в моем послании — невредимым спас меня из рук русских, что, может быть, такова была Божья воля, чтобы я открыл это вашему римско-кесарскому величеству; как то теперь мною и написано, не мудрствуя, и вкратце, — по требованию и желанию вашего римско-кесарского величества. Но в услугу вашему римско-кесарскому величеству по вашему желанию я готов в случае необходимости представить более пространный устный или письменный доклад. <...>

А теперь, ваше римско-кесарское величество, я всенижайше прошу милостиво поднять и принять от меня это мое послание. Я писал его всем сердцем моим, и великую радость испытал я, когда Бог удостоил меня лицезреть ваше римско-кесарское величество. А больше ни о чем я и не забочусь! Душу свою я посвятил только Богу, а очи мои и сердце мое все время моей жизни устремлены на то, как бы послужить во славу вашего римско-кесарского величества, что вы и увидите на деле.

Покорнейшая моя просьба: оставить это мое послание при вашем римско-кесарском величестве, а мой проект хорошо обдумать и выполнить его, не упустив благоприятных обстоятельств. Но только — чтобы это мое описание не переписывалось и не стало общеизвестным! Причина: великий князь не жалеет денег, чтобы узнавать, что творится в иных королевствах и землях. И все это делается в глубокой тайне: наверное, у него есть связи при императорском, королевских и княжеских дворах через купцов, которые туда приезжают; он хорошо

снабжает их деньгами для подкупа, чтобы предвидеть все [возможные] обстоятельства и предотвратить опасность.

Если он узнает об этом, он прикажет укрепить острогами и занять гарнизоном устья рек на описанном морском берегу. <...>

II

План обращения Московии в имперскую провинцию

Всепресветлейший, вельможнейший, непобедимейший римский император, король венгерский и чешский, наш всемилостивейший государь!

Ваше римско-кесарское величество усмотрите из этого моего послания, как сильно и жестоко — и не без основания — воюет крымский царь землю великого князя. Все прежние великие князья ежегодно давали крымскому царю определенную дань. А теперешний великий князь за несколько прошедших лет не давал своей обычной дани крымскому царю.

Ваше римско-кесарское величество усмотрите также, какие огромные убытки причинил крымский царь великому князю и его стране. И если великий князь правил бы еще сотню лет и даже более того — что, конечно, невозможно, — то и тогда он не мог бы преодолеть того разорения, какое крымский царь причинил Москве и Рязанской земле.

Ежегодно в течение всего лета великий князь должен держать своих воинских людей на реке Оке в 14 милях от Москвы.

Прежде войско великого князя выходило обычно навстречу крымскому царю за Великий Дон и Донец, до дикого поля, между Крымом и Рязанской землей. Рязанскую землю крымский царь опустошил; великий князь держит [там] по деревянным острогам или замкам лишь некоторое количество стрельцов. Все князья и бояре вместе с их крестьянами уведены из Рязанской земли в Крым в полон.

Крымский царь так жаждет захватить Русскую землю, что я не могу ни описать, ни рассказать того вашему римско-кесарскому величеству в полной мере. <...>

Что из этого произойдет и насколько это важно для всего христианства — это я представляю обдумать вашему римско-кесарскому величеству, ибо ваше римско-кесарское величество — глава всего христианского мира.

Чтобы все это предупредить; чтобы не повело это к посрамлению всемогущего Бога и Сына Его Иисуса Христа и Святого Духа, к умалению вашего римско-кесарского величества и погибели всего христианского мира; но — напротив — чтобы случилось все во славу и хвалу всемогущего Бога, вашему римско-кесарскому величеству к величайшей и высочайшей славе и богатству, а всему христианству, главой которого являетесь вы, ваше римско-кесарское величество, пошло это в пользу и назидание — я и представляю вашему римско-кесарскому величеству следующий совет и план.

Неизвестный путь

или дорога водою и сушею на Москву

<...> Итак, до этой страны, во-первых, можно плыть по морю из Испании, Франции, Германии, от Гамбурга, Эмдена, Бремена, из Голландии, Зеландии, Антверпена. Затем по реке Онеге и Двине по воде и по суше <...>. Также водой можно идти и дальше до Москвы: от Белоозера по реке Шексне, которая вытекает из Белоозера, этого стоячего озера, и впадает в большую реку Волгу. По реке Шексне нет городов или замков, но по дну забиты забои из бревен: на них ловится осетр, который идет из Каспийского моря и направляется к Белоозеру. Осетр этот поедается при дворе великого князя. Там, где река Шексна впадает в Волгу, лежит на мысу незащищенный посад по названию Устье; вверх по Волге¹ лежит еще один большой посад по названию Холопий, где круглый год бывал обычно торг; на нем встречались турки, персы, армяне, бухарцы, шемаханцы, кизильбаши, сибирцы, ногаи, черкасы, немецкие и польские торговые люди. Из 70 городов русские торговые люди были приписаны к этой ярмарке и должны были приходить к ней ежегодно. Здесь великий князь собирал из года в год большие

¹ Правильнее — «по Мологе». — *Здесь и далее, если не оговорено особо, примеч. переводчика И. И. Полосина.*

таможенные доходы; теперь же этот посад совсем запустел. Далее водой можно идти до города Углича; город совсем пуст. Далее лежит город Дмитров; и этот город также пуст. До сих пор можно плыть по воде. А там до Москвы остается еще 12 миль.

<...> Ростов — незащищенный город, а в нем монастырь. Когда крымский царь жег Москву, великий князь скрылся [именно] в этот монастырь, так как монахи отыскивали в своих писаниях, что ни один неверный враг, который не верует во Христа, не придет на это место. Потом — на Ярославль; Ярославль — город и кремль деревянный, без артиллерии. Дальше лежит Переяславль Залесский: город и кремль достаточно запустели. Далее лежит Александра слобода; срублена она так: стены сложены из бревен, врезанных одно в другое и доверху засыпанных землей. Снаружи поверх бревен во избежание пожара выложена стена толщиной в один кирпич — от земли до стрельниц. Здесь лежит много денег и добра, что награбил великий князь по городам: в Твери, в Торжке, Великом Новгороде и Пскове. Дальше лежит монастырь, наибогатейший монастырь по всей стране, по названию Троица. Дальше лежит город Москва. Она теперь отстроена так: ворота, как и цитадель, сделаны из бревен и снаружи вокруг обложены землей и дерном; между воротами проложен вал в три сажени ширины¹. Перед валом снаружи рва нету. В городе живут только торговые люди, набранные из других городов; самые богатые противу их воли должны были пустить свои деньги в постройку домов и дворов. На восток течет река [Москва], впадающая в Оку; Ока впадает в Волгу; Волга — в Каспийское море. По другую сторону Яузы на Болванке живут все немецкие воинские люди, которыми великий князь пользуется против крымского царя.

На юге лежит выжженный Девичий монастырь. На западе — живут охотники и конюха. На севере — немецкие стрелки и русские стрельцы. В городе у речки Неглинной, бывшей пограничной черты между земщиной и опричниной, живет большая часть немецких торговых людей, которые были вывезены из городов Лифляндии.

¹ Земляной вал, шедший при Иване Грозном по линии теперешних бульваров, составлял третью внешнюю линию укреплений Москвы; следующие линии составляли стены Китай-города и Кремля.

Чтобы захватить, занять и удержать страну [великого князя] — достаточно [иметь] 200 кораблей, хорошо снабженных провиантом; 200 штук полевых орудий или железных мортир и 100 000 человек: так много надо не для борьбы с врагом, а для того, чтобы занять и удержать всю страну.

Для этого христианского предприятия вашему римско-кесарскому величеству датский король одолжит 100 кораблей, хорошо обеспеченных продовольствием и снаряжением. Причина: великий князь отобрал у него несколько замков и еще намеревается, как только заключит мир с Польшей, отобрать от него [то есть датского короля] всю Норвегию. И еще: с его братом, герцогом Магнусом, великий князь обошелся не по-христиански.

Другие 100 кораблей охотно одолжит вашему римско-кесарскому величеству Ганза, или поморские города.

Ваше римско-кесарское величество могли бы договориться и с принцем Оранским, чтобы он одолжил вашему римско-кесарскому величеству 100 кораблей на один рейс. А не то — те же 100 кораблей ваше римско-кесарское величество могли бы получить от Испании или Франции.

Вашему римско-кесарскому величеству Гамбург охотно одолжит на один рейс несколько кораблей. Город Бремен также сделает что-нибудь для этого [предприятия], равно как и город Любек.

Потребная для того первоначальная сумма равна 100 000 талерам. И воинские люди должны быть снаряжены так, что, когда они придут в страну [великого князя], они могли бы служить и в коннице. Это должны быть такие воинские люди, которые ничего не оставляли бы в христианском мире: ни кола, ни двора. Таких ведь много найдется в христианском мире. Я видел, что такое великое множество воинских людей побиралось, что с ними можно было бы взять и не одну страну. И если бы великий князь имел в своей стране всех побирох из военных, которые шатаются по христианскому миру — причем некоторые из них поворовывают, за что кое-кого и вешают, — то он захватил бы все окрестные страны, у которых нет государей и которые стоят пустыми, и овладел бы ими.

Необходимо еще несколько тяжелых пушек и мортир, чтобы разбивать ворота деревянных городов, а мортирами в слу-

чае надобности зажигать пожар в деревянных городах и монастырях.

Шкипера и лоцманы найдутся в Голландии, Зеландии, в Гамбурге и в Антверпене. В Голландии, в Бриле, есть шкипера и лоцманы; найдутся они и в Дордрехте. В Схидаме живет шкипер по имени Яков Гейне: он плавал в эти места несколько лет. В Антверпене живет шкипер по имени Иоганн Яков: он долгое время ездил к этим же местам. В Гамбурге живет некто по имени Симон Салинген, который давно знает все эти места: и Онега, и описанное Поморье ему хорошо известны. В Бергене, в Норвегии, живет Северин [и] Михаэль Фальке; они отыскиали это место за 4 года до того, как я там был.

Они могут плыть на кораблях датского короля, которые вашему римско-кесарскому величеству король одолжит на один рейс. По моему предположению и мнению, гамбургцы также одолжат вашему римско-кесарскому величеству 100 кораблей, за что они получили бы право плаванья в эти страны, ибо датский король не соглашается, чтобы гамбургцы впредь плавали бы в Исландию и норвежский Берген.

Ваше римско-кесарское величество должны выбрать одного из братьев вашего римско-кесарского величества в качестве государя, который взял бы эту страну и управлял бы ею.

Прежде всего он не должен быть суровым. И с бедными, и с богатыми должен беседовать охотно и каждому давать благожелательные аудиенции — [впрочем] до тех пор, пока страна не будет занята. При войске на первый раз должна быть по меньшей мере сотня проповедников: в укреплениях и городах, которые будут укреплены, они проповедовали бы слово Божие воинским людям. Таких [проповедников] достаточно можно найти по университетам.

И все это должно быть налажено в течение года, чтобы все было готово, когда решили бы отплыть из Германии, — Гамбурга, Бремена или Эмдена. [Отправляться следует] 1 апреля и плыть сначала к заливу и реке Коле в Лапландии.

Кола сама по себе защищена, ибо она лежит между двумя реками; одна вытекает из Ilmen Osogga¹, другая из Нотозера и здесь у Колы впадает в Западное море. Колу можно взять

¹ Может быть, в Имандра-озеро?

и укрепить с отрядом в 800 человек, из них половина — мореходцы, другая половина — стрелки.

Затем должно занять и укрепить Кильдин-остров с отрядом в 500 человек, из которых половина — мореходцы.

Таким образом будет защищена и укреплена вся Лапландия на 100 миль в глубь материка и вдоль по берегу.

Далее с отрядом в 500 человек — половина мореходцев — следует занять Соловецкий монастырь.

Пленных, взятых с оружием в руках, надо увезти в империю на тех же кораблях.

Они должны быть закованы в кандалы и заключены по тюрьмам в замках и городах; их можно будет отпускать и на работу, но не иначе, как в железных кандалах, залитых у ног свинцом: за то, что наших пленных они продают турку.

Так следует держать их до тех пор, пока не будет взята вся земля. Что с ними будет после — это будет изложено ниже.

Здесь [в Соловецком монастыре] можно устроить складочный пункт.

Далее у Поморья на реке Двине лежат Холмогоры — незащищенный город. Сюда приезжают англичане. Холмогоры можно занять и укрепить с отрядом в 800 человек.

Затем отряд в 1000 человек должен занять и укрепить остров в устье реки Онеги — по названию Кий-остров или первое вверх по Онеге село Пречистое — в 1 миле от морского побережья. Для блокады Поморья половина воинских людей должна быть из мореходцев.

С захватом названных пунктов будет занято свыше 300 миль пути вдоль по морскому берегу и в глубь материка. В Поморье следует назначить комиссаров, которые следили бы за доставкой на кораблях различных товаров и в страну, и из страны и быстро доставляли бы в Каргополь на перевал все, что ни потребовалось бы военачальнику. Тогда ежегодно можно будет получать достаточные подкрепления из христианского мира. А великий князь ни откуда не получит подкреплений, разве только привлечет он к войне своих крестьян, у которых — не то что у крестьян христианских стран! — нет вооружения и которые ничего не знают о войне.

Дальше надо идти в стругах и лодьях или — если угодно — сушей. На реке Онеге будет Порог-Холм; река идет там по-

рогами; до них доходит с моря семга за пресной водой. Этот Порог надо занять и укрепить с отрядом наполовину конным, наполовину пешим.

Убивать не надо никого, кроме тех, кого захватят с оружием в руках. Здесь живут только крестьяне и торговые люди; раньше в этих местах и войны-то никогда не бывало; никто не имеет здесь и оружия.

Отсюда до московского дворца — 300 миль пути.

К каждому укреплению необходимо приписывать крестьян и торговых людей — на 10 или 20 миль вокруг, — с тем чтобы они выплачивали жалованье воинским людям и доставляли бы все необходимое.

А начальные люди должны хорошо смотреть за тем, чтобы все укрепления были достаточно обеспечены хлебом, солью, мясом и рыбой.

У русских надо будет отобрать прежде всего их лучших лошадей, а затем все наличные струги и лодьи — маленькие корабли — и свезти их к укреплениям, чтобы при случае защитить их артиллерией.

Далее подходят к Турчасову, где впервые взвешивается соль, идущая с Поморья. Этот незащищенный город или поса́д надо занять и укрепить с отрядом в 1000 человек.

Отсюда быстро доходят до незащищенного города Каргополя — на высоком перевале. Пушки и все, что нужно для войны, можно везти с собой на кораблях до реки Онеги, по Онеге до Каргополя. В мирное время русские ходят обычно стругами от города Каргополя вниз по реке до Норвегии или Финмаркена и обратно вверх — в стругах же — до Каргополя. И в этот город надо назначить комиссара, который будет отпускать товары в Поморье и получать оттуда все, что потребует для войны военачальник. Этот город должен быть занят и укреплен отрядом в 3000 человек. До сих пор можно не бояться появления врага.

Далее следует идти под Вологду, где хранится казна. Если будет невозможно быстро захватить город, то пусть останется под ним одна треть воинских людей: они смогут взять и занять город, защитить все, что занято и укреплено, так, чтобы с тылу, с Поморья, русские не смогли взять обратно ни одного укрепления и чтобы проезд из страны и в страну для нас не был закрыт.

Надо распорядиться насчет казны, которая хранится там в каменных палатах: как бы поступить с нею так, чтобы из нее ничего не исчезло.

Монастыри и церкви должны быть закрыты. Города и деревни должны стать свободной добычей воинских людей. <...>

Белоозеро должно быть занято отрядом в 3000 человек, наполовину, как и обычно, конных, наполовину пеших.

Устье — посад, который лежит на мысу там, где река Шексна впадает в Волгу; его следует также укрепить: здесь сливаются течения трех рек и, укрепив это место, можно легко перехватить всякое движение вниз или вверх по Волге. Занимай его отрядом в 2000 человек! Отправляйся дальше и грабь Александрову слободу, заняв ее с отрядом в 2000 человек! За ней грабь Троицкий монастырь! Его занять надо отрядом в 1000 человек, наполовину пеших, наполовину конных.

Если подойдет враг, надо выступить в боевом порядке. Необходимо позаботиться и о том, как бы завести с русскими переговоры. Можно подослать к ним пленного, который завел бы с ними разговор на их языке и изложил бы им всю великую тиранию великого князя.

Наш военачальник должен говорить с ними [служилыми людьми] дружеским тоном и предложить каждому из них — прислать или принести грамоты на их поместья: если они выполнят это по доброй воле, то военачальник собственной рукой подпишет-де им их грамоты — тут же в их присутствии, и после будет их [всячески] охранять.

Когда русские узнают, что им предстоит долгая и упорная война, посредством которой великий князь только и сможет их защитить, и, с другой стороны, увидят, как благодетелен и дружелюбен к ним наш военачальник, то они не будут больше отклонять его предложений и сами же будут просить об их выполнении.

Ибо из этого моего послания ваше римско-кесарское величество усмотрите, в какой большой беде находится теперь Русская земля!

Так жестока и ужасна тирания великого князя, что к нему не чувствуют расположения ни духовные, ни миряне; ему враждебны все окрестные государи. Да, как язычники, так и христиане — и так, что и описать невозможно! <...>

Я твердо знаю, что кровопролитие будет излишне: войско великого князя не в состоянии более выдержать битву в открытом поле.

Потом следует занять Волок Ламский — в 15 милях от Москвы — с отрядом в 1000 человек. Волок Ламский — незащищенный город, запустел. В кремле же стоит каменная церковь; ее надо будет хорошо снабдить продовольствием и всяким воинским снаряжением.

В одной миле от него лежит Иосифов монастырь, богатый деньгами и добром. Его можно будет пограбить, а награбленное увезти в кремль.

Далее следует занять Звенигород; после взятия Казани он был отдан в кормление казанскому хану — царю Шигалею¹. И город, и кремль стоят беззащитные; их должно занять отрядом в 2000 человек. Этот город лежит в 8 милях от Москвы.

Потом с отрядом в 1500 человек надо занять маленький город Коломну; далее — также с полутора тысячами — выжженный Девичий монастырь, расположенный в полумиле от Москвы. Потом — также с отрядом в 1500 человек — также выжженный увеселительный дворец Коломенское — в миле от Москвы на восток.

Затем надо обложить и занять с отрядом в 2000 человек Болвановку, где живут немецкие воинские люди. Потом с отрядом в 1500 человек [Стрелецкую слободу?], где живут немецкие и русские стрелки. Эти слободы находятся в 1/4 мили от Москвы. В них можно расположиться лагерем и кругом со всех сторон одновременно обложить город. Тогда никто не сможет ничего ни вывезти из Москвы, ни подвезти в Москву. И Москва может быть взята без единого выстрела.

Но всего этого — я полагаю — и не понадобится для осады. Когда русские увидят, что наше войско пребывает в стране и зиму, и лето, они поймут, что мы сумеем их защитить от великого князя. А великий князь тотчас же укроется, конечно, в какой-нибудь город. Но ясно, что в его стране нет ни одного укрепленного города. Все они мне хорошо известны. У монастырей большей частью — во всяком случае, у богатей-

¹ Ошибка: Звенигород был дан в кормление не казанскому Шигалею, а астраханскому Дербыш-Али.

ших — [действительно] имеются каменные стены. Но города и остроги выстроены из бревен, закиданных затем землей. В центре государства все они [то есть остроги] упали и запустили. Великий князь приказывает охранять города и остроги лишь по границе — с Польшей, Лифляндией и Швецией, равно как с Казанью и Астраханью. О местах вышеописанных великий князь совершенно не помышляет. И все, кто только ни бывал на Москве или у великого князя из наших стран, их также не видали и о них не слыхали.

Как только великий князь засядет в каком-нибудь городе, его нужно тотчас же осадить. И когда русские увидят, что дело касается только великого князя, то [они же] его собственные русские, немедля окажут [нам] поддержку. Настоящие воеводы великого князя все перебиты.

Когда будет пойман великий князь, необходимо захватить его казну: вся она — из чистого золота и год от года умножалась стараниями прежде бывших князей; [захватить ее] со всеми великокняжескими коронами, скипетрами, одеяниями и своеобразными сокровищами, что собирали прежние великие князья, и с той великой казной, которую всеми правдами и неправдами собрал теперешний великий князь; [всю ее] захватить и вывезти в священную Римскую империю римского императора Рудольфа и сложить в его сокровищнице. Серебряные же деньги, артиллерию и все, что надо для войны, необходимо оставить на месте.

А великого князя вместе с его сыновьями, связанных, как пленников, необходимо увести в христианскую землю. Когда великий князь будет доставлен на ее границу, его необходимо встретить с конным отрядом в несколько тысяч всадников, а затем отправить его в горы, где Рейн или Эльба берут свое начало. Туда же тем временем надо свезти всех пленных из его страны и там в присутствии его и обоих его сыновей убить их так, чтобы они [то есть великий князь и его сыновья] видели все своими собственными глазами. Затем у трупов надо перевязать ноги около щиколоток и, взяв длинное бревно, насадить на него мертвецов так, чтобы на каждом бревне висело по 30, по 40, а то и по 50 трупов: одним словом столько, сколько могло бы удержать на воде одно бревно, чтобы вместе с трупами не пойти ко дну; бревна с трупами надо сбросить

затем в реку и пустить вниз по течению. Пусть великий князь убедится, что никто не может надеяться на собственные силы и что все его просьбы и молитвы — лишь грех один! Великий князь будет тогда взывать к Богу через посредство [св.] Николая¹ и других усопших святых. А наши будут укрепляться этим и поучаться и скажут, что они-то и суть подлинные христиане, ибо они крепки своей верой в Бога Отца и Сына и Святого Духа; веру и надежду свою возлагают только на Иисуса Христа, Сына всемогущего Бога и Бога Духа Святого; в Него только верят, Его почитают, на Него надеются.

Великому князю и его сыновьям надо предоставить в империи подходящую область — в качестве графства. Туда его следует отвезти после того, как он посмотрит на вышеупомянутую казнь; там их надо держать под охраной, однако позволяя им в пределах графства свободно ездить, ходить или пребывать на месте. При них должны быть два или три проповедника, которые ежедневно учили бы их слову Божию. Отлично можно сличить и перетолмачить русское и наше Священное Писание, и великий князь убедится тогда, что истинно наше [писание], хотя он и думает, что он служит Богу праведно, ибо Бог помог ему взять Лифляндию.

В Русской земле не знают и не употребляют ни латинского, ни еврейского, ни греческого языков, ни митрополит, епископы, монахи или священники, ни князья или бояре, ни дьяки или подьячие. Все они пользуются только своим собственным языком. Однако и самый последний крестьянин так сведущ во всяких шельмовских штуках, что превзойдет и наших докторов-ученых, юристов во всяческих казусах и вывертах. Если кто-нибудь из наших всеученейших докторов попадет в Москву — придется ему учиться заново! <...>

Русскую землю, если угодно, чтобы лучше ею управлять, можно разделить на две или на три части, ибо она очень обширна: 600 миль в длину и столько же в ширину. Кто проедет от Колы из Лапландии до Астрахани к Каспийскому морю, тот узнает, что это так. Поезжай от Полоцка или Озериша из Польши до Пустоозера, где самоеды сходятся с русскими и торгуют салом и толокном, — найдешь то же самое.

¹ Автор, как протестант, упоминает о св. Николае с иронией.

Тотчас же по занятии Русской земли необходимо закрепить за служилыми людьми их поместья, с которых они служат и будут служить, если только это окажется нужным.

Правитель страны должен устроить проповедь слова Божия и для наших людей. Повсюду рядом с русскими церквями, из которых маленькие выстроены из дерева, необходимо поставить церкви по нашему закону — каменные или деревянные. В дальнейшем наши церкви останутся, а русские разрушатся. По моему расчету в Русской земле около 10 000 церквей стоят пустыми, может быть, даже и больше, но [во всяком случае] не меньше: в них русского богослужения не совершается. Несколькими тысячами церквей [уже] сгнило.

Правитель страны не должен упускать из виду, как бы, по добрав людей, вновь заселить Рязанскую землю: область эта — ворота Русской земли и Москвы. Рязанская земля такая прекрасная страна, что подобной ей я и не видывал. Если крестьянин высеивает 3—4 четверика, то ему еле-еле хватает сил, чтобы убрать урожай. Земля тучна. Весь навоз свозится к рекам: когда сходит снег и прибывает вода, то навоз весь сносится водой. В этой стране много лип, а в них пчел и меду. Одним словом: это — прекрасная страна. Большая часть дворов и островов стоят [в ней] пустыми, остальные сожжены.

Затем правитель Русской земли может присоединить еще окрестные земли, у которых нет государей, и занять пустые земли. Но это должно сделать так, чтобы Священной Римской империи императору Рудольфу ежегодно высылалась бы со всех присоединенных земель особливая сумма денег. Тогда Священной Римской империи императору Рудольфу должны будут ежегодно выплачивать определенную сумму денег и король шведский, и датский король, равно как и королева английская и шотландская. Причина: Русская земля лежит далеко на северо-восток за Англией, а Испания — на юг от нее; коли королева не захочет платить, то ни России, ни Испании ей не видать и ничем от них не пользоваться.

Когда Русская земля вместе с окрестными странами, у которых нет государей и которые лежат пустыми, будет взята, тогда границы [империи] сойдутся с границами персидского шаха.

Тогда только турецкий султан увидит, как Бог Вседержитель ратует за тех, кто истинно верует в Сына Его — Иисуса Христа и надеется на Него всем сердцем своим.

Затем через окрестные страны можно будет пройти до Америки и [проникнуть] внутрь нее.

И, наконец, с помощью персидского шаха можно будет совсем легко справиться с турецким султаном.

III

Страна и правление московитов

<...> В Русской земле на Москве у великого князя было много фюрстов или князей, у которых были особые, им выделенные области, города, дворы и деревни. А именно: князь Владимир Андреевич, князь [Иван] Дмитриевич Бельский, князь Михаил Воротынский, князь Никита Одоевский, князь Андрей Курбский, князь Василий Темкин, князь Петр Шуйский и еще много других князей; еще Иван Шереметев, а также Турунтай, Алексей и его сын Федор Басмановы, Иван Мстиславский и много других таких же начальников высокого чина.

Они постоянно ходили войной — особенно против извечного врага Русской земли, царя крымского. Для того ежегодно из их среды избирались пять особых начальников, и каждый начальник имел отделенные ему поместья, уезды и города. Остальные князья и бояре владели поместьями по смотренному списку.

Пятый [полк] в середине был главным над четырьмя остальными, и этот большой полк представлял собою особу великого князя. Когда на них нападал враг, то каждый из этих пяти полков оставался при своем начальнике. Выступая против врага, один полк становился впереди; другой — по правую; третий — по левую руку. Четвертый полк был последним или самым задним. Какой бы из этих полков ни наткнулся на врага, он становился передовым — по приказу воеводы, посылавшего туда голову. А все остальные, посылая начальнику [передового полка], буде нужно, помощь людьми, сохраняли свои места, чтобы враг не смог сломить боевого порядка с флангов или с тыла или чтобы воевода большого полка не потерпел обиды.

Как эти военачальники, так и другие им подобные бывали правителями, воеводами или наместниками в особых областях с городами — «уездах» и сменялись каждые два года. И все их прегрешения, преступления, постыдные дела, всякое людодержство и насилие — все, что причинили они купцам и мужикам, да и забыли! — все это выносили наружу те, кто приходили им на смену.

У них были писанные судебники, по которым они должны были судить. Но это забывалось!

Были затем бояре высоких родов, которые судили, сидя на Москве; в своих руках они держали все управление. В каждом судебном приказе и во всех других приказах сидел тот или иной князь или боярин, и что приказывал он дьяку писать, тот так и писал.

Иван Петрович Челяднин был первым боярином и судьей на Москве в отсутствие великого князя. Он один имел обыкновение судить праведно, почему простой люд был к нему расположен.

На Казенном дворе сидели Микита Фуников, Хозяин Юрьевич (?) Тютин и дьяк Григорий Локуров. Они получали все деньги — доходы страны — из других приказов и опять пускали их из казны, каждый по своему усмотрению. Всячески утягивали они от простонародья третью деньгу и хорошо набили свою кошницу. Однако отчеты представляли великому князю в полном порядке.

Микита Романович сидел в приказе подклетных сел: это те села, которые служили для содержания дворца. Как он там хозяйничал, о том не толковали. Причина: он был шурином великого князя.

В поместном приказе сидели Путило Михайлович и Василий Степанович. Оба они хорошо набили свою кошницу, ибо им одним была приказана раздача поместий: половину нужно было у них выкупать, а кто не имел, что дать, тот ничего и не получал.

Иван Григорьевич был в Разряде. Те князья и бояре, которые давали денег в этот приказ, не записывались в воинские смотренные списки, а кто не мог дать денег, тот должен был отправляться [в поход], даже если ничего, кроме палки, не мог принести на смотр. В этом приказе ведались все польские дела.

Иван Булгаков сидел в приказе Большой Казны. Деньги, поступавшие из других городов и уездов, здесь уплачивались и взвешивались так, что всякий раз 1/50 часть оказывалась в утечке еще до записки. При выплате же из приказа не хватало уже 1/10 части.

В Разбойном приказе сидел Григорий Шапкин. Если [где-либо] в стране — по уездам, городам, деревням и по большим дорогам — слоят убийцу, а тот откупится, — так его подускивали, чтобы он оговаривал торговых людей и богатых крестьян, будто и они ему помогали. Так эти «великие господа» добывали себе деньги.

В общей судной избе <...> сидели Иван Долгоруков и Иван Мятлев. Сюда приводились на суд все те, кого пьяными находили и хватали ночью по улицам. Штраф был в 10 алтын, что составляет 30 мариенгрошей¹ или польских грошей. Если где-нибудь в тайных корчмах находили пиво, мед или вино — все это отбиралось и доставлялось на этот двор. Виновный должен был выплатить тогда установленный штраф в 2 рубля, что составляет 6 талеров, и к тому же бывал бит публично на торгу батогами. Было много приказчиков или чиновников, которые за этим надзирали. И прежде, чем приведут они кого-нибудь на [Земский] двор, еще на улице, могут они дело неправое сделать правым, а правое, наоборот, неправым. К кому из купцов или торговых людей эти приказные не были расположены, к тем в дом подсылали они бродягу, который как бы по дружбе приносил стопочку вина. За ним тотчас же являлись приказные с целовальниками и в присутствии целовальников хватали парня вместе с хозяином, хозяйкой и всей челядью. Хозяину приходилось тогда растрясать свою кошину, коли он хотел сохранить свою шкуру.

Было также много недельщиков², которые всякого высылали на суд за деньги, [причем сумма определялась] в зависимо-

¹ Мариенгрош — серебряная монета, чеканившаяся в Ганновере с начала XVI века до 1700 года; по ценности равна примерно 8 пфенигам. В мариенталере считали 36 мариенгрошей; в рейхсталере — 50; 1 мариенгрош = 1 коп. = 2 деньгам.

² Неделщик — слугитель при судной избе, обязанный доставлять на суд обвиняемых, за что получал с них по таксе известное вознаграждение.

сти от расстояния. Они ставили на суд всякого в стране. Обвиняемому назначался первый срок явки соразмерно с тем, жил ли он далеко или близко. Недельщик же, придя на место, брал с собой с ближайшей таможни, но не с поместий и не из уездов двух или трех целовальников и бросал память в дом или во двор к обвиняемому. Так [повторялось] до третьего раза. Если обвиняемый давал деньги, то он выигрывал дело, даже если действительно был виноват. Если же он не приходил, то жалобщик мог, словив и связав его, взять и бить на торгу публично до тех пор, пока тот не заплатит. Можно было также, по желанию истца, сделать человека холопом, если только у него не было защиты: нужно было либо уплатить все с процентами, либо всю свою жизнь вертеть ручную мельницу. Иного лихого человека подготавливали, чтобы он оговорил напрасно богатого купца или крестьянина в уезде: кривду все равно делали правдой. <...>

В Ямском приказе обычно, когда приказывали отправлять грамоты, устраивали так: копили ребята все грамоты вместе и отправляли их на ямских все зараз. А затем представляли полный счет — сколько раз и когда лошади [будто бы] были наняты, и оставляли себе деньги, которые должны бы лежать в казне.

В приказе, где прочитывались все челобитья, пожалованные и подписанные великим князем, получал свою подписную челобитную тот, у кого были деньги. А если какой-нибудь посадский или простой человек не имел денег, то не мог он найти и управы прежде, чем не заплатит. Только тогда челобитья подписывались и вычитывались. <...>

В Рязанском приказе они хозяйничали столь же бессовестно. Но теперь им это запрещено. Причина: крымский царь управлялся с этой землей так, как великий князь с Лифляндией¹.

Андрей Васильевич сидел в Посольском приказе. Здесь велились все немецкие и татарские дела, и сюда же поступали сборы с Карельской земли. Там повседневно бывали толмачи различных народов. У них были поместья, и они же получали годовое жалованье. Здесь проделывались такие же штуки, как и в других приказах.

¹ Автор намекает на жестокое разорение Ливонии войсками Ивана Грозного.

На Jamme¹ или на дворе, где все иноземцы получают изо дня в день свои кормовые деньги, сидел Иван Тарасович Соимонов и один дяк. Ежели кто из иноземцев не брал своего меда и кормовых денег за 10, 20 или 30 дней, с того постоянно удерживали 1/10 часть, когда [потом] он хотел их получить. Каждый иноземец имел на руках память: она была так искусно изготовлена, что никто не мог, подделав почерк, незаметно что-либо в ней приписать. Из погребов мед приносился теми, кто был к тому приставлен. Они отмеривали мед в погребе по своему желанию и потом уже выносили его наружу и наливали иноземцу в его бочку. Соглашался тот его принять — хорошо, а коли нет, то не получал ничего. Варился хороший и плохой мед, и на этом сберегалась третья часть меда-сырца. А если иноземец одаривал этих ребят, то сам мог идти в погреб и цедить мед [на пробу] изо всех бочек. Какой мед более других приходился ему по вкусу, того он и приказывал тогда нацедить и получал [конечно] свою полную меру. Если иноземец умирал или его убивали, то эти куманьки целый год все продолжали заносить в отчет полностью все «выдачи»!

Таковы, коротко говоря, были знатнейшие приказы. В других дело шло тем же порядком.

Денежные сборы с государства распределялись так, что в каждый приказ поступали деньги; в том же приказе производился и суд [соответственной] области страны. Из приказа в приказ деньги не передавались; один получал тогда от другого подписную память, которая подписывалась дяком. Памяти склеивались вместе и наматывались в столбцы.

В каждом приказе или судных избах были два сторожа. Они открывали двери тем, кто давал деньги, а кому нечего было дать, перед тем двери закрывались. Кто хотел влезть насильно, того сильно били по голове палкой в локоть длиной. <...>

Во всех приказах все дела — и малые, и большие — записывались в книги. В приказах были еще сливяные и вишневые косточки, при помощи которых производился счет.

¹ Что означает Jamme — неясно. Из контекста видно, что дело идет об учреждении, из которого выдавался иноземцам мед; таковым мог быть Сытенный двор или Кормовой. Может быть, Jamme есть название урочища в Москве?

По всем приказам были подьячие — помощники дьяков — в числе 20, 30, 40, 50: то больше, то меньше. Они переписывали грамоты набело. Дьяк брал грамоту в левую руку и под числом писал свое имя мелким шрифтом. Потом он оборачивал грамоту и писал на всех местах, где приходились сставы¹, так что половинки букв бывали на обоих концах бумаги. Если даже клей держался недостаточно крепко, никто не мог подделывать грамоты и не мог приписать в ней что-нибудь еще. Так скреплялась грамота. Потом наверху на обратной стороне на первой склейке грамоты дьяк писал от себя титул великого князя крупными буквами так, чтобы каждый мог видеть: «Царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси». Перед дьяком на столе стояла чернильница с перьями. Помощники дьяков или подьячие держали свои чернильницы с перьями и бумагой в левой руке и на коленке переписывали грамоту набело.

Летом ходит много парней или «малых» с деревянными чашками и каменными кувшинами; в них лежит лед. Если кто-нибудь пожелает пить, тот дважды или трижды может напиться за один чешский пфенниг. Ходят [еще] по приказам с продажным питьем, которое называется сладкий морс. Изготавливается он так: русские берут из ручья свежую проточную воду и можжевелевую ягоду и кладут ее в эту воду; оттого вода становится кислой. Затем берут мед, подмешивают его в воду и процеживают сквозь волосяное сито. Вода делается тогда сладкой. Сколько кто захочет выпить, столько и должен заплатить.

Если кто-нибудь в стране или по городам Московского государства не найдет управы, то он идет в тот или иной приказ.

Когда сойдутся обе стороны и правый поцелует крест, то он выигрывает дело и получает деньги. Но виноватый мог, не выплачивая денег, вызвать правого на бой, даже и после присяги. На Москве было много бойцов, которые за деньги бились за каждого. И кто выигрывал дело присягой, а противная сторона [судебным] решением была недовольна, тот должен был биться на бою со своим соперником или же нанять за себя бойца. Постоянно так и бывало, что тот, кто был прав и присягал, тот оказывался затем неправым. Если у неправого было больше денег, чем у правого — и пусть он действительно

¹ Склейки.

неправ, — он все же оказывался благодаря этому [то есть деньгам] правым, а правый неправым. Когда бились бойцы, то тот, который получал большую сумму денег от противника, падал во всем своем вооружении ниц перед своим соперником и говорил: «Виноват, казни!» Вследствие этих слов правый [нередко] проигрывал и неправый выигрывал, ибо неправый мог дать больше, чем правый.

Кто получал свою подписную грамоту, должен был идти к Ивану Висковатову, который хранил печать. Человек он гордый, счастлив мог почитать себя тот, кто получал от него свою грамоту в течение месяца. Висковатый был не прочь, чтобы крымский царь забрал Русскую землю, потому что он был расположен ко всем татарам и помогал им. К христианам¹ же он был очень враждебен.

Рядом с ними [князьями и боярами высокого чина] были князья и бояре низшего ранга. Они бывали чиновниками в подклетных селах, которые принадлежали Дворцу. Обычно их слушались купцы и крестьяне согласно приговору князей и бояр.

За тем, кто пожелал бы пожаловаться великому князю, внимательно следили и [потом] сажали его в тюрьму. Коли были у него деньги, он мог выйти вон, если же нет, он оставался сидеть, пока волосы не вырастали у него от головы до пупка.

Все эти князья, великие бояре-правители, дьяки, подьячие, чиновники и все приказчики были связаны и сплетены один с другим, как звенья одной цепи. И если кто-нибудь из них так тяжко грешил, что заслуживал смерти, то митрополит мощной [своей] мог освободить его и пустить на все четыре стороны. Если кто разбойничал, убивал и грабил, а потом с добром и деньгами бежал в монастырь, то в монастыре был он свободен от преследования, что на небе, даже если он покрал казну великого князя или в разбое на большой дороге взял то, что принадлежало казне великого князя. Одним словом, все духовные и мирские господа, всяческой неправдой собравшие добро, говорили, ухмыляясь: «Бог дал!», *id est Deus dedit*².

Так управляли они при всех прежних уже умерших великих князьях. Некоторые [из последних] заводили было оприч-

¹ То есть к западноевропейцам.

² То, что Бог дал (*лат.*). — *Примеч. редактора.*

ные порядки, но из этого ничего не выходило. Также повелось и при нынешнем великом князе, пока не взял он себе в жены княжну, дочь князя Михаила¹ Темрюковича из Черкасской земли. Она-то и подала великому князю совет, чтобы отобрал он для себя из своего народа 500 стрелков и щедро пожаловал их одеждой и деньгами и чтобы повседневно и днем, и ночью они ездили за ним и охраняли его. С этого и начал великий князь Иван Васильевич всея Руси и отобрал из своего народа, а также и из иноземцев особый избранный отряд. И так устроил опричных и земских. «Опричные» — это были люди великого князя, земские же — весь остальной народ. Вот что делал [далее] великий князь. Он перебирал один за другим города и уезды и отписывал имения у тех, кто по смотренным спискам не служил со своих вотчин его предкам на войне; эти имения раздавались опричным.

Князья и бояре, взятые в опричину, распределялись по степеням не по богатству, а по породе. Они целовали крест, что не будут заодно с земскими и дружбы водить с ними не будут. Кроме того, опричные должны были носить черные кафтаны и шапки и у колчана, куда прятались стрелы, что-то вроде кисти или метлы, привязанной к палке. По этому узнавали опричников.

<...> Любой из опричных мог, например, обвинить любого из земских в том, что этот должен ему будто бы некую сумму денег. И хотя бы до того опричник совсем не знал и не видал обвиняемого им земского, земский все же должен был уплатить опричнику, иначе его ежедневно били публично на торгу кнутом или батогами до тех пор, пока не заплатит. И тут никому не было пощады: ни духовному, ни мирянину. Опричники устраивали с земскими такие штуки, чтобы получить от них деньги или добро, что и описать невозможно. <...>

Великий князь приезжал из Александровой слободы в Москву и убил одного из первых бояр в земщине, а именно Ивана Петровича Челяднина: на Москве в отсутствие великого князя он был первым боярином и судьей, охотно помогал бедному люду добиваться скорого и правого суда; несколько лет он

¹ Михаил Темрюкович был братом царицы Марии. Ее отцом был Темрюк.

был наместником и воеводой в Лифляндии — в Дерпте и Полоцке. Пока он был наместником в Дерпте, немцы не знали беды, чтобы, например, великий князь приказал перевести их из Нарвы, Феллина и Дерпта [куда-нибудь] в Русскую землю¹.

После него наместником и воеводой был князь Андрей Курбский. Как только понял этот штуку с опричниной, пристроил он свою жену и детей, а сам отъехал к королю польскому Сигизмунду Августу. На его место прибыл боярин Михаил Морозов. Этот оболгал лифляндцев перед великим князем так, что великий князь приказал вывести всех немцев с женами и детьми из Лифляндии, из Дерпта, Феллина и Нарвы в свою землю, в 4 города: Кострому, Владимир, Углич и Кашин.

[Челяднин] был вызван на Москву; [здесь] в Москве он был убит и брошен у речки Неглинной в навозную яму. А великий князь вместе со своими опричниками поехал и пожег по всей стране все вотчины, принадлежавшие упомянутому Ивану Петровичу. Села вместе с церквями и всем, что в них было, с иконами и церковными украшениями — были спалены. Женщин и девушек раздевали донага и в таком виде заставляли ловить по полю кур. <...>

У земских лопнуло терпение! Они начали совещаться, чтобы избрать великим князем князя Володимира Андреевича, на дочери которого был женат герцог Магнус; а великого князя с его опричниками убить и извести. <...>

Первыми [боярами] и князьями в земщине были следующие: князь Володими́р Андреевич, князь Иван Дмитриевич Бельский, Микита Романович, митрополит Филипп с его епископами² — Казанским и Астраханским, Рязанским, Владимирским, Вологодским, Ростовским [и] Суздальским, Тверским, Полоцким, Новгородским, Нижегородским, Псковским и в Лифляндии Дерптским. <...>

При великом князе в опричнине, говоря коротко, были: князь Афанасий Вяземский, Малюта Скуратов, Алексей Басманов и его сын Федор.

¹ Не выводить дворян и горожан в Россию — было одним из условий сдачи Дерпта в 1558 году.

² Написано по зачеркнутому «монахами».

Великий князь <...> не знал ничего об этом сговоре и шел к литовской границе в Порхов. План его был таков: забрать Вильну в Литве, а если нет, так Ригу в Лифляндии. <...>

Князь Володимир Андреевич открыл великому князю договор и все, что замышляли и готовили земские. Тогда великий князь распустил слух, что он вовсе не хотел идти в Литву или под Ригу, а что он ездил «прохладиться» и осмотреть прародительскую вотчину.

На ямских вернулся он обратно в Александрову слободу и приказал переписать земских бояр, которых он хотел убить и истребить при первой же казни. <...>

Митрополит Филипп не мог долее молчать в виду этого. Он добром увещевал великого князя жить и править подобно своим предкам. И благодаря этим речам добрый митрополит попал в опалу и до самой смерти должен был сидеть в железных, очень тяжелых цепях. А великий князь вновь избрал митрополита — по своему желанию.

Затем великий князь отправился из Александровской слободы вместе со всеми опричниками. Все города, большие дороги и монастыри от Слободы до Лифляндии были заняты опричными заставами, как будто бы из-за чумы; так что один город или монастырь ничего не знал о другом.

Как только опричники подошли к яму или почтовому двору Черная, так принялись грабить. Где великий князь оставался на ночь, поутру там все поджигалось и опаливалось.

И если кто-нибудь из его собственных избранных людей, из князей, бояр или их слуг, приходил из Москвы на заставу и хотел [проникнуть] в лагерь, того приводили от заставы связанным и убивали тотчас же. Некоторых приволакивали к великому князю нагими и гоняли по снегу до смерти. То же самое было и с теми, кто хотел [уйти] из лагеря в Москву и был схвачен стражей.

Затем великий князь пришел в Тверь и приказал грабить все — и церкви, и монастыри; пленных убивать, равно как и тех русских людей, которые породнились и сдружились с иностранцами. Всем убитым отрубали ноги — устрашения ради; а потом трупы их спускали под лед в Волгу. То же было и в Торжке; здесь не было пощады ни одному монастырю, ни одной церкви.

Великий князь вернулся под Великий Новгород и расположился в 3 верстах пути от него; в город он послал разведчиком воеводу со своими людьми. В городе прошел слух, что великий князь пошел в Лифляндию. А между тем он вошел в Великий Новгород, во двор к [архи] епископу и отобрал у него все его [имущество]. Были сняты также самые большие колокола, а из церквей забрано все, что ему полюбилось. Так-то пошадил великий князь этот город! Купцам он приказал торговать и от его людей — опричников брать [награбленное] лишь по доброй уплате. Каждый день он поднимался и переезжал в другой монастырь, где [снова] давал простор своему озорству. Он приказывал истязать и монахов, и многие из них были убиты. Таких монастырей внутри и вне города было до 300, и ни один из них не был пощажен. Потом начали грабить город. По утрам, когда великий князь подъезжал из лагеря к городу, ему навстречу выезжал начальник города, и великий князь узнавал таким образом, что происходило в городе за ночь.

Целых шесть недель без перерыва длились ужас и несчастье в этом городе! <...>

Ни в городе, ни в монастырях ничего не должно было оставаться; все, что воинские люди не могли увезти с собой, то кидалось в воду или сжигалось. Если кто-нибудь из земских пытался вытащить что-либо из воды, того вешали.

Затем были казнены все пленные иноземцы; большую часть их составляли поляки с их женами и детьми и те из русских, которые поженились на чужой стороне.

Были снесены все высокие постройки; было иссечено все красивое: ворота, лестницы, окна.

Опричники увели также несколько тысяч посадских девушек. <...>

После того великий князь открыто опоил отравой князя Володимира Андреевича; а женщин велел раздеть донага и позорно расстрелять стрельцам. Из его [то есть Владимира Андреевича] бояр никто не был оставлен в живых.

Великий князь снова приехал из Александровой слободы на Москву и приказал перехватать всех приказных и правителей в земщине и всех дьяков.

Иван Висковатый держал в земщине печать; Микита Фуников был казначеем, Иван Булгаков был в приказе Большой

Казны. Тогда великий князь умертвил до 130 начальников, из которых каждый судил и рядил по стране. Ивану Висковатову отрезали сперва нос и уши, потом отсекали руки. Микита Фуников был привязан к столбу на торгу и облит кипятком; так его сварили живьем¹.

Был тогда великий голод; из-за кусочка хлеба человек убивал человека. А у великого князя по дворам в его подклетных селах, доставлявших содержание дворцу, стояло много тысяч скирд необмолоченного хлеба в снопах. Но он не хотел продавать его своим подданным, и много тысяч людей умерло в стране от голода, а собаки пожирали [их трупы].

К тому же всемогущий Бог наслал еще великий мор. Дом или двор, куда заглядывала чума, тотчас же заколачивался, и всякого, кто в нем умирал, в нем же и хоронили; многие умирали от голода в своих собственных домах или дворах.

И все города в государстве, все монастыри, посады и деревни, все проселки и большие дороги были заняты заставами, чтобы ни один не мог пройти к другому. А если стража кого-нибудь хватала, его сейчас же тут же у заставы бросали в огонь со всем, что при нем было — с повозкой, седлом и уздечкой.

Многие тысячи умерших в этой стране от чумы пожирались собаками.

Чума усиливалась, а потому в поле вокруг Москвы были вырыты большие ямы, и трупы сбрасывались туда без гробов по 200, по 300, 400, 500 штук в одну кучу. В Московском государстве по большим дорогам были построены особые церкви; в них ежедневно молились, чтобы Господь смилостивился и отвратил от них чуму.

Великому князю был подарен слон² вместе с арабом, который за этим слоном ухаживал. Араб получал в Москве большое жалованье. Это подметили русские бражники, то есть

¹ После казней 1570–1571 годов очередному посольству в Литву царь Иван дал наказ: если спросят — зачем государь ваш казнил казначея Фуникова, печатника Висковатова, дьяков, детей боярских и подьячих многих — отвечать: «О чем государской изменник Курбский и вы, паны радные, с этими государскими изменниками ссылались, о том Бог нашему государю объявил; потому они и казнены».

² Слона подарил царю Ивану персидский шах Тахмасп.

беспутные люди, пропойцы, которые в корчмах пьют и [зерную] играют. Из-за денег они тайно убили жену араба. Вот этот-то араб был оклеветан и оговорен русскими вместе со своим слоном, что будто бы чума, о которой в Москве и не думали, произошла от него и его слона. Тогда араба и его слона сослали в опале в посад Городецкой. Араб умер там, и великий князь послал дворянина с наказом умертвить слона при помощи [крестьян] окрестных сох¹ и посадских. Слон стоял [обычно] в сарае, а кругом сарая был тын. Неподалеку от него схоронили араба. Тогда слон проломил тын и улегся на могиле. Там его и добили; выбили у него клыки и доставили великому князю в доказательство того, что слон действительно околел.

Согласно присяге опричники не должны были говорить ни слова с земскими, ни сочетаться с ними браком. А если у опричника были в земщине отец или мать, он не смел никогда их навещать.

Великий князь разделил Москву на две части. [Себе] он взял совсем незначительную часть: город и кремль он оставил земским.

Всякий раз, когда великий князь брал в опричину какой-либо город или уезд, он отписывал себе в опричину одну или две улицы из пригородных [московских] слобод.

Так убывали в числе земские — бояре и простой люд. А великий князь — сильный своими опричниками — усиливался еще более.

Князь или боярин, не включенный в [опричный] список, заносился в особый список, который пересылался князю [Ивану] Дмитриевичу Вольскому и прочим земским боярам, с тем чтобы взамен его вотчины ему было дано поместье где-нибудь в другом уезде. Это случалось редко. А когда это

¹ Соха — окладная единица Московского государства, служившая для определения окладов податей и для раскладки государственных и местных сборов и повинностей. Большая московская соха считалась для посадов и черных дворцовых, поместных, вотчинных и некоторых монастырских земель в 800 четей доброй земли, 1000 четей — средней и 1200 — худой. Для большинства монастырских земель — в 600 четей доброй земли.

случалось и великий князь «перебирал» уезды, а опричники отбирали от земских их вотчины, то отбирали они все, что в этих вотчинах находили, не оставляя ничего, если им что полюбится.

Через Москву протекает ручей Неглинная в один фут шириной и глубиной. Ручей этот и был границей опричнины и земщины. На нем великий князь приказал отстроить такой большой двор, какого в Русской земле еще и не видавали. Он так дорого обошелся стране, что земские желали, чтобы он сгорел. Великий князь узнал об этом и сказал своим опричникам, что он задаст земским такой пожар, что они не скоро его потушат. И своим опричникам он дал волю всячески обижать земских. Многие рыскали шайками по стране и разъезжали, якобы из опричнины, убивали по большим дорогам всякого, кто им попадался навстречу, грабили многие города и посады, били насмерть людей и жгли дома. Захватили они много денег, которые везли к Москве из других городов, чтобы сдать в казну. За этими делами присмотра тогда не было. <...>

Многие отправились из опричнины и, придя на остзейское поморье с подложными наказами, принялись переписывать по посадам всех богатых купцов и [девушек] — дочерей как богатых купцов, так и крестьян, будто бы великий князь требовал их на Москву. Если какой крестьянин или купец давал денег, дочь его выключалась из списка, будто бы она некрасива. А та [что и в самом деле] была дурнушкой, должна была идти за красивую. Так заполучали они деньги. <...>

Много, много богатых торговых людей, много бояр и богатых гостей из земских — те, что не служили на войне, — закладывались — вместе с вотчинами, женами и детьми и всем, что у них было — за тех опричников, которых они знали; продавали им свои вотчины, думая, что этим они будут ограждены от других опричников. Но опричники, пограбив их, говорили им: «Мы не можем держать вас дольше; вы же знаете, что мы не можем общаться с земскими; что это противно нашей присяге. Уходите, откуда пришли!» И [земские] должны были еще Бога благодарить, что ушли непобитые!

Опричники обшарили всю страну, все города и деревни в земщине, на что великий князь не давал им своего согласия. Они сами составляли себе наказы; [говорили] будто бы вели-

кий князь указал убить того или другого из знати или купца, если только они думали, что у него есть деньги, — убить вместе с женой и детьми, а деньги и добро забрать в казну великого князя.

Тут начались многочисленные душегубства и убийства в земщине. И описать того невозможно! Кто не хотел убивать, те ночью приходили туда, где можно было предполагать деньги, хватали людей и мучили их долго и жестоко, пока не получали всей их наличности и всего, что приходилось им по вкусу. Из-за денег земских оговаривали все: и их слуги, работники и служанки, и простолюдин из опричнины — посадский или крестьянин. Я умалчиваю о том, что позволяли себе слуги, служанки и малые [опричных] князей и дворян! В силу указа все считалось правильным.

По своей прихоти и воле опричники так истязали всю русскую земщину, что сам великий князь объявил: «Довольно!» <...>

Тогда великий князь принялся расправляться с начальными людьми из опричнины.

Князь Афанасий Вяземский умер в посаде Городецком в железных оковах. Алексей [Басманов] и его сын [Федор], с которым великий князь предавался разврату, были убиты. Малюта Скуратов был убит в Лифляндии под Вейссенштейном: этот был первым в курятнике! По указу великого князя его поминают в церквах и доднесь.

Князь Михаил сын [Темрюка] из Черкасской земли, шурин великого князя, стрельцами был насмерть зарублен топорами и алебардами. Князь Василий Темкин был утоплен. Иван Зобатый был убит. Петр Suisse¹ — повешен на своих собственных воротах перед спальней. Князь Андрей Овцын — повешен в опричнине на Арбатской улице; вместе с ним была повешена живая овца. Маршалк Булат хотел сосватать свою сестру за великого князя и был убит, а сестра его изнасилована 500 стрельцами. Стрелецкий голова Курака Унковский был убит и спущен под лед <...>.

Григорий Грязной был убит, а его сын Микита сожжен. Его брат Василий был взят в плен татарами. Писец и дьяк Посник

¹ Может быть Щенятев?

Суворов был убит в Поместном приказе. Осип Ильин был позорно казнен во Дворовом приказе.

Всех опричников и земских, всех тех, кого должны были казнить, били сначала публично на торгу батогами до тех пор, пока те, у кого было добро или деньги, не передавали их в казну великого князя. А у кого не было ни денег, ни добра, тех [сразу] убивали [где ни попадя] и у церквей, и на улицах, и в домах — во время сна или бодрствования, а потом выбрасывали на улицу. При этом писалась цидула, в ней указывалась причина казни. Записка эта прищипливалась к одежде мертвеца, и труп должен был лежать в острастку народа — все равно, был ли [казненный] прав или виноват. <...>

Были обижены также и торговые люди [как] русские, [так] и из других государств, постоянно торгующие в его стране. <...>

Что касается до торговых людей чужих стран, то турчанин купец Чилибей был отослан из Москвы; за товары, которые взял от него великий князь, ему ничего не было уплачено; он должен был удалиться в опале без снисхождения, хотя люди [его] страны пользуются правом покупки всех пленных, которых русские приводили из Литвы или Польши, а также и из Швеции, равно как из Лифляндии и других окрестных стран; [турки] вольны разводить их по своим и чужим странам¹.

Некоторые торговые люди из Сибири были убиты, а их соболи удержаны в казне великого князя.

Из Персии шли англичане, которые приезжают к Холмогорам. Как только подошли они к Волге, явился русский станичный голова со своими стрелками, якобы в качестве провожатых и охраны от черкасских татар и ногаев, от луговой и нагорной черемисы. Это предложение пришлось англичанам по душе. И голова со стрельцами вступили на английский корабль, нагруженный пряностями и дорогими шелковыми тканями; ранили нескольких англичан, но оставили шкипе-

¹ После того как был арестован в Любеке саксонец Ганс Шлитте (1547 год), набравший для царя Ивана мастеров, техников, оружейников и ученых, царь Иван запрещал продавать военнопленных немцев в Германию и Польшу: их продавали туркам, и пленные расходились по азиатским рынкам.

ра и корабельщиков и повернули с кораблем и товарами обратно. <...>

Со всех описанных сох великий князь собирал прежде дань полностью, хотя много, много тысяч сох стояли пустыми; ибо когда находили хотя бы одного человека — безразлично, духовного или мирского, — в землях митрополичьих, епископских или монастырских, равно как и служилых — одного на целую соху, [все равно] платилось за всю соху. [И это] несмотря на то, что [служилые люди] с их земель должны были лично служить военную службу. Если даже на их землях не было ни одного крестьянина, они все же должны были платить за все те сохи, которые были за ними, и тем не менее лично служить военную службу. У того, кто не объявлялся на смотру, отписывались имения, [а его самого] били публично на торгу или в лагере кнутом или плетью. Того, кто болел смертельной болезнью, на смотру проносили или провозили [на носилках или в повозке].

Где отыскивалась пустая соха, ее причисляли к другим уездным сохам, в которых жили люди. Они-то и платили за пустые и за запустелые сохи. В Русской земле теперь больше пустых, нежели населенных сох.

Целовальники или присяжные, которые сидят на таможене, [податей] не платят. За них должны уплачивать [крестьяне] посадских и уездных сох.

Повсюду имеются еще почтовые двory, где живут охочие люди с очень хорошими лошадьми; на этих лошадях в шесть дней можно доехать из Москвы до какой-нибудь окрестной границы или [обратно] от границы до Москвы; один ям или почтовый двор отстоит от другого на 20, 30, 40 или 50 верст. Содержание их обходилось очень дорого великому князю. Теперь же их должны содержать сохи.

Точно так же и с варкой селитры для заготовки пороха: все, что для того было нужно, шло из казны. Теперь же все это полностью должны справлять сохи. <...>

Монастыри должны теперь ставить в поход воинских людей для великого князя со своих имений.

Все окрестные границы были закрыты, и во время голода и чумы никто не мог убежать из опричнины в другую страну;

а кого хватали на польской границе, тех сажали на кол, некоторых вешали.

У великого князя ни в чем не может быть недостатка: ведь у русских обычна поговорка: «Господарское не изгорит, на море не утонет». Говорят они еще и так: «Ведает Бог да господарь», что соответствует «*cor domini in manu dei*¹».

До того как великий князь устроил опричнину, Москва с ее Кремлем и слободами была отстроена так.

На восток город² имел двойные ворота; на север он широко раскинулся по реке; на юге лежал Кремль; на запад были также двойные ворота. [В Кремле] было трое ворот: одни ворота Кремля были на запад и двое ворот на север. От восточных ворот города до западных город — весь насквозь — представлял собою площадь³ и рынок — и только! На этой площади под Кремлем стояла круглая церковь⁴ с переходами; постройка была красива изнутри и над первым переходом расписана многочисленными священными изображениями, изукрашенными золотом, драгоценными камнями, жемчугом и серебром. Митрополичий выезд со всеми епископами на Вербную субботу происходил ежегодно именно к этому храму. Под переходом похоронено несколько человек; на их могилах горели день и ночь восковые свечи; они [то есть мертвые] не тлеют, как говорят русские, а посему они считают их очень святыми и молятся им днем и ночью. У этого храма висело много колоколов.

Там, где стоит храм, площадь сама по себе расположена высоко, как маленькая гора. Неподдалеку от храма стоят несколько пушек, [из них] можно стрелять поверх восточных ворот через стену и Москву-реку.

На этой-то площади умерщвляли и убивали господ из земщины. Тогда вся площадь — от западных ворот и до этого храма — бывала окружена и занята опричными стрелками. Трупы оставались обнаженные на площади и днем, и но-

¹ Все в руке Божьей (лат.). — Примеч. редактора.

² Китай-город.

³ Красная площадь.

⁴ Собор Покрова на Рву (церковь Василия Блаженного).

чью — народу в назидание. Потом их сбрасывали в одну кучу в поле, в яму.

Около храма есть ворота¹ в Кремль. На восточной [его] стороне — тоже церковь², [ничем] не отличающаяся от других русских церквей. Затем идут знатнейшие приказы, все деревянной постройки и только один из камня. А именно: Казанский, Разбойный, Разрядный, Поместный, Приказ Большой Казны, Дворцовый приказ, приказ [Челобитенный], где вычитывались все челобитья, которые сходили от великого князя и были подписаны.

Дальше стоит церковь³, где похоронены покойные великие князья.

Далее Казенный двор. Перед этой церковью и Казенным двором ставили на правез всех, кто был должен в казну.

Дальше — еще одна двухэтажная церковь⁴ с лестницей сверху, со сводами. Свод и одна стена по левой стороне до дверей и входа в нижнюю церковь расписаны изображениями святых в образе человеческого.

Дальше — сводчатым же проходом — можно пройти до четырехугольной площадки перед палатой⁵ великого князя, в которой он обычно обедает. Эта площадка покоится на сводах; она выложена камнями; не перекрыта.

Каждое утро великий князь ходил в эту церковь; главы ее были покрыты позолоченной медью.

Палата великого князя была деревянной постройки. Против этой палаты — на востоке стояла [другая] палата⁶, которая была пуста.

С площади на юг — вниз к погребам, поварням и хлебням — шла лестница. С площади на запад был переход к Большой палате⁷, которая была перекрыта медью и все время стояла открытой.

¹ Фроловские; с 1658 года Спасские.

² Св. Константина и Елены.

³ Архангельский собор.

⁴ Благовещенский собор.

⁵ Большая набережная палата.

⁶ Малая набережная палата.

⁷ Средняя, или Большая Золотая, палата.

Здесь от перехода в середине было четырехугольное крыльцо¹; через это крыльцо в большие праздники проходил обычно великий князь в своем одеянии в сопровождении многочисленных князей и бояр в бриллиантах и золоте. Великий князь держал в руке прекрасный драгоценный посох с тремя огромными драгоценными камнями. Все князья и бояре также держали в руках по посоху; по этим посохам отличали правителей. Теперь с великим князем ходят новодельные господа, которые должны бы быть холопами тем — прежним!

К другим кремлевским церквам от этого крыльца вели двустворчатые решетчатые ворота. За ним были ворота, которые переходом вели к площади, где расположены погребца, поварни и хлебни.

Дальше была еще церковь² с пятью главами; четыре из них были перекрыты жостью, а пятая — внутри их или в середине — была позолочена. Над церковным входом была изображена и расписана с позолотой икона Богородицы. За ней митрополичий двор³ со всеми его приказами. За ними были ворота⁴, которые вели к опричному двору. Здесь можно было переехать через речку Неглинную: через эту речку был каменный мост. Вот и все каменные мосты, которые только видел я в этой стране!

Вдоль западных стен с внутренней их стороны до ворот, которые ведут в город⁵, было несколько сотен житных дворов: они принадлежали опричному двору.

[В Кремле] было еще несколько монастырей, где погребались великие князья и иные великие господа.

Посреди Кремля стояла церковь⁶ с круглой красной башней⁷; на этой башне висели все большие колокола, что великий князь привез из Лифляндии.

¹ Красное крыльцо.

² Успенский собор.

³ Позже «Патриарший двор» и еще позже — синодальный дом.

⁴ Троицкие ворота.

⁵ Никольские ворота.

⁶ Иоанна Лествичника — постройки итальянца Бона-Фрязина 1505 года. На ее месте в 1600 году отстроен Иван Великий.

⁷ Звонница Петра Малого, выстроенная в 1532 году для 1000-пудового колокола.

Около башни стояла лифляндская артиллерия, которую великий князь добыл в Феллине вместе с магистром Вильгельмом Фюрстенбергом; стояла она неприкрытая, только напоказ.

У этой башни сидели все подьячие, которые всем и каждому ежедневно писали за деньги челобитные, кабалы или расписки; все они приносили присягу. По всей стране челобитья писались на имя великого князя. Около этой башни или церкви ставили на правеж всех должников из простонародья. И повсюду должники стояли на правеже до тех пор, пока священник не вознесет даров и не зазвонят в колокола.

Между башней и церковью висел еще один колокол: самый большой по всей стране. Когда звонили в него по большим праздникам, великий князь в своем одеянии направлялся в церковь в сопровождении священников, несших перед ним крест и иконы, и князей и бояр.

В день Симона Иуды на этой площади великий князь вместе с князьями и боярами, с митрополитом, епископами и священниками, в облачениях, с крестами и хоругвями, прощались с летом или провожали его и встречали зиму. У русских это — день Нового года¹; кто из иноземцев не имел поместья, тот должен был требовать себе новую «кормовую память».

Затем идут другие ворота² из Кремля в город.

Городские³ и кремлевские стены выстроены все из красного обожженного кирпича и по всему кругу снабжены бойницами.

Ворота эти двойные. [Около них] во рву под стенами находились львы: их прислала великому князю английская королева. У этих же ворот стоял слон, прибывший из Аравии.

Дальше общий судный двор или Земский двор и цейхгауз; за ним друкарня или печатный двор. Далее была башня или цитадель, полная зелья. Затем — северные ворота⁴. Около них — много княжеских и боярских дворов, [протянувших-

¹ Автор имеет в виду 1 сентября — день Симеона Столпника — «Летопроводца». С 1700 года новый год считается с 1 января.

² Упоминаемые выше Никольские ворота.

³ То есть Китай-города.

⁴ Владимирские ворота.

ся] до других или средних ворот¹. Здесь была выстроена большая тюрьма, совсем как замок; в ней сидели пленники, взятые в плен на поле битвы в Лифляндии. На день тюремный сторож выпускал их по городу, а на ночь ковал в железа. Здесь же был и застенок. Дальше до третьих северных ворот² тянулись различные дома и дворы. На этой улице был выстроен еще большой двор с женской половиной: когда великий князь захватил и добыл Полоцк, здесь были заключены привезенные на Москву Довойна и некоторые другие поляки и их жены.

Далее³ был двор англичан, которые приезжают к Холмограм. Еще дальше — Денежный двор.

За всем этим находились торговые ряды. В каждом ряду торговали одним товаром. Ряды тянулись вдоль площади перед Кремлем.

На площади изо дня в день стояло несколько «малых» с лошадьми: всякий мог их нанять за деньги и быстро доставить из подгородных слобод что-нибудь — как-то: рукописания, грамоты, расписки — и затем опять идти в Кремль по приказам.

Посредине города был заново отстроенный двор, в нем должны были лить пушки.

По всем улицам были устроены «решетки», так что вечером или ночью никто не мог через них ни пройти, ни проехать — разве что по знакомству со сторожем. А если хватали кого-нибудь под хмельком, того держали в караульной избе до утра, а затем приговаривали к телесному наказанию.

<...> В этом городе [Москве] все епископы страны имеют свои особые дворы — в городе и слободах, равно как и все знатнейшие монастыри; священники и дьячки, воеводы и начальные люди; все приказы и дьяки; все воротники, до 2000 человек из мелкой знати, также имеют здесь свои дворы; изо дня в день они выжидали по приказам [какой-нибудь посылки]; как только в стране что-либо случалось, им давались наказания и их отсылали в тот же час. Также были дворы у охотников, коныхов, садовников, чашников и поваров. Были посольские дворы и много других дворов иноземцев, которые все служат

¹ Ильинские ворота.

² Варварские ворота.

³ На Варварке.

великому князю. Все эти дворы были свободны от государственной службы.

Но когда была учреждена опричнина, все те, кто жил по западному берегу речки Неглинной, безо всякого снисхождения должны были покинуть свои дворы и бежать в окрестные слободы, еще не взятые в опричнину. Это относилось одинаково и к духовным, и к мирянам. А кто жил в городе или слободах и был взят в опричнину, тот мог легко перейти из земщины в опричнину, а свои дворы в земщине или продать, или, разобрав, увезти в опричнину.

Строения опричного двора¹ были таковы: великий князь приказал разломать дворы многих князей, бояр и торговых людей на запад от Кремля на самом высоком месте в расстоянии ружейного выстрела; очистить четырехугольную площадь и обвести эту площадь стеной; на 1 сажень от земли [выложить ее] из тесаного камня, а еще на 2 сажени вверх — из обожженных кирпичей; наверху стены были сведены остроконечно, без крыши и бойниц; [протянулись они] приблизительно на 130 саженей в длину и на столько же в ширину, с тремя воротами: одни выходили на восток, другие — на юг, третьи — на север. Северные ворота находились против кремля и были окованы железными полосами, покрытыми оловом. Изнутри — там, где ворота открывались и закрывались, — были вбиты в землю два огромных толстых бревна и в них [проделаны] большие отверстия, чтобы через них мог пройти засов; засов этот [когда ворота были открыты] уходил в стену, а когда ворота закрывались, его протаскивали через отверстия бревен до противоположной стены. Ворота были обиты жостью. На них было два резных разрисованных льва — вместо глаз у них были пристроены зеркала; и еще — резной из дерева черный двуглавый орел с распростертыми крыльями. Один [лев] стоял с раскрытой пастью и смотрел к земщине, другой такой же

¹ Посольству Умного Колычева, отправлявшемуся в Литву в 1566 году, был дан наказ: если спросят, для чего государь ваш велел поставить двор за городом, отвечать — для своего государского прохладу! Литовскому гонцу Федору Юршу (апрель 1566 года) было разъяснено — «волен государь: где похочет дворы и хоромы ставить, туто ставит. От кого ся государю отделивати?»

смотрел во двор. Между этими двумя львами стоял двуглавый черный орел с распростертыми крыльями и грудью в сторону земщины.

На этом дворе были выстроены три мощных постройки, и над каждой наверху на шпиге стоял двуглавый черного цвета орел из дерева, с грудью, обращенной к земщине.

От этих главных построек шел переход через двор до юго-восточного угла.

Там, перед избой и палатой, были выстроены низкие хоромы с клетью вровень с землей. На протяжении хором и клетки стена была сделана на полсажени ниже для [доступа] воздуха и солнца. Здесь великий князь обычно завтракал или обедал. Перед хорамами был погреб, полный больших кругов воску.

Такова была особная площадь великого князя. Ввиду сырости она была засыпана белым песком на локоть в высоту. Южные ворота были малы: только один и мог в них въехать или выехать.

Здесь были выстроены все приказы и ставились на правех должники, которых били батогами или плетью, пока священник не вознесет за обедней даров и не прозвонит колокол. Здесь подписывались все челобитья опричников и отсылались в земщину, и что было здесь подписано, то было уж справедливо и в силу указа в земщине тому не перечили. <...>

Снаружи слуги князей и бояр держали их лошадей: когда великий князь отправлялся в земщину, то [верхом] они могли следовать за ним только вне двора.

Через восточные ворота князя и бояре не могли следовать за великим князем — ни во двор, ни из двора: [эти ворота были] исключительно для великого князя, его лошадей и саней.

Так далеко простирались постройки на юг. Дальше была калитка, изнутри забитая гвоздями. На западной стороне ворот не было; [там была] большая площадь, ничем не застроенная.

На севере были большие ворота, обитые железными полосами, покрытыми оловом. Здесь находились все поварни, погреба, хлебни и мыльни. Над погребами, где хранился разных сортов мед, а в некоторых лежал лед, были сверху надстроены большие сараи с каменными подпорами из досок, прозрачно прорезанных в виде листвы. В них подвешивалась всякая дичь и рыба, которая шла главным образом из Каспийского моря,

как то: белуга, осетр, севрюга и стерляди. Здесь была калитка, чтобы с поварен, погребов и хлебен можно было доставлять еду и питье на правый [великокняжеский] двор. Хлеб, который он [великий князь] ест сам, — несоленый.

Здесь были две лестницы [крыльца]; по ним можно было подняться к большой палате. Одна из них была против восточных ворот. Перед ними находился маленький помост, подобный четырехугольному столу: на него всходит великий князь, чтобы сесть на коня или слезть с него. Эти лестницы поддерживались двумя столбами, на них покоилась крыша и стропила. Столбы и свод были украшены резьбой под листву.

Переход шел кругом всех покоев и до самых стен. Этим переходом великий князь мог пройти сверху от покоев по стенам в церковь, которая стояла вне ограды перед двором на востоке. Церковь эта была выстроена крестообразно, и фундамент ее шел вглубь на 8 дубовых сваях; три года она стояла непокрытой. У этой церкви висели колокола, которые великий князь награбил и отобрал в Великом Новгороде.

Другая лестница [крыльцо] была по правую руку от восточных ворот.

Под этими двумя лестницами и переходами держали караул 500 стрелков; [они же несли] и все ночные караулы в покоях или палате, где великий князь обычно ел. На южной стороне ночью держали караулы князя и бояре.

Все эти постройки были из прекрасного елового леса; вырубался он в так называемом Клинском лесу, около которого лежит посад того же имени и ям — в 18 милях от Москвы по большой дороге в Тверь и Великий Новгород.

Палатные мастера или плотники для этих прекрасных построек пользуются только топором, долотом, скобелем и одним инструментом в виде кривого железного ножа, вставленного в ручку.

Тогда же подоспели великий голод и чума. Многие села и монастыри от того запустили. Многие торговые люди из-за указа, который пришел от великого князя из опричнины в земщину, покидали свои дворы и метались по стране туда и сюда.

Так велика была беда, что земский поглядывал [только] — куда бы убежать!

Об этой игре узнал крымский царь и пошел к Москве с Темрюком из Черкасской земли — собственником великого князя. А великий князь вместе с воинскими людьми — опричниками — убежал в незащищенный город Ростов.

Поначалу татарский хан приказал подпалить увеселительный двор великого князя — Коломенское — в 1 миле от города.

Все, кто жил вне [города] в окрестных слободах, — все бежали и укрылись в одном месте: духовные из монастырей и миряне, опричники и земские.

На другой день он поджег земляной город — целиком все предместье; в нем было также много монастырей и церквей.

За шесть часов выгорели начисто и город¹, и кремль, и опричный двор, и слободы.

Была такая великая напасть, что никто не мог ее избежать!

В живых не осталось и 300 боеспособных людей. Колокола у храма и колокольня, на которой они висели [упали], и все те, кто вздумал здесь укрыться, были задавлены камнями. Храм вместе с украшениями и иконами был снаружи и изнутри спален огнем; колокольни также. И остались только стены, разбитые и раздробленные. Колокола, висевшие на колокольне посередине Кремля, упали на землю, и некоторые разбились. Большой колокол упал и треснул. На опричном дворе колокола упали и врезались в землю. Также и все [другие] колокола, которые висели в городе и вне его на деревянных [звонницах], церквей и монастырей. Башни или цитадели, где лежало зелье, взорвались от пожара — с теми, кто был в погребах; в дыму задохлось много татар, которые грабили монастыри и церкви вне Кремля, в опричнине и земщине.

Одним словом, беда, постигшая тогда Москву, была такова, что ни один человек в мире не смог бы того себе и представить.

Татарский хан приказал поджечь и весь тот хлеб, который еще необмолоченным стоял по селам великого князя.

Татарский царь Девлет-Гирей повернул обратно в Крым со множеством денег и добра и многим множеством полоняников и положил в пуге у великого князя всю Рязанскую землю.

Когда татарский царь Девлет-Гирей приказал запалить слободы и подгородные монастыри и один монастырь [действительно] был подожжен, тогда трижды ударили в колокол, еще

¹ Китай-город.

и еще раз... — пока огонь не подступил к этому крепкому двору и церкви. Отсюда огонь перекинулся на весь город Москву и Кремль. Прекратился звон колоколов. Все колокола этой церкви расплавились и стекли в землю. Никто не мог спастись от этого пожара. Львы, которые были под стенами в яме, были найдены мертвыми на торгу. После пожара ничего не осталось в городе — ни кошки, ни собаки.

Так осуществились пожелания земских и угроза великого князя. Земские желали, чтобы этот двор сгорел, а великий князь грозился земским, что он устроит им такой пожар, что они не сумеют его и потушить. Великий князь рассчитывал, что и дальше он будет играть с земскими так же, как начал. Он хотел искоренить неправду правителей и приказных страны, а у тех, кто не служил его предкам верой и правдой, не должно было оставаться в стране [ни] роду, [ни племени]. Он хотел устроить так, чтобы новые правители, которых он посадит, судили бы по судебникам без подарков, дач и приносов. Земские господа вздумали этому противиться и препятствовать и желали, чтобы двор сгорел, чтобы опричнине пришел конец, а великий князь управлял бы по их воле и пожеланиям. Тогда всемогущий Бог послал эту кару, которая приключилась через посредство крымского царя Девлет-Гирея. <...>

На следующий год, после того как была сожжена Москва, опять пришел крымский царь полонить Русскую землю. Воинские люди великого князя встретили его на Оке, в 70 верстах или по-русски в «днище» от Москвы.

Ока была укреплена более чем на 50 миль вдоль по берегу: один против другого были набиты два частокола в 4 фута высотой, один от другого на расстоянии 2 футов, и это расстояние между ними было заполнено землей, выкопанной за задним частоколом. Частоколы эти сооружались людьми князей и бояр с их поместий. Стрелки могли таким образом укрываться за обоими частоколами или шанцами и стрелять [из-за них] по татарам, когда те переплывали реку.

На этой реке и за этими укреплениями русские рассчитывали оказать сопротивление крымскому царю. Однако им это не удалось.

Крымский царь держался против нас на другом берегу Оки. Главный же военачальник крымского царя Дивей-мурза с большим отрядом переправился далеко от нас через реку,

так что все укрепления оказались напрасными. Он подошел к нам с тыла от Серпухова.

Тут пошла потеха. И продолжалась она 14 дней и ночей. Один воевода за другим непрерывно бились с ханскими людьми. Если бы у русских не было гуляй-города¹, то крымский царь побил бы нас, взял бы в плен и связанными увел бы всех в Крым, а Русская земля была бы его землей.

Мы захватили в плен главного военачальника крымского царя Дивей-мурзу и Хаз-булата. Но никто не знал их языка. Мы [думали], что это был какой-нибудь мелкий мурза. На другой день в плен был взят татарин, бывший слуга Дивей-мурзы. Его спросили — как долго простоит [крымский] царь? Татарин отвечал: «Что же вы спрашиваете об этом меня! Спросите моего господина Дивей-мурзу, которого вы вчера захватили». Тогда было приказано всем привести своих полоняников. Татарин указал на Дивей-мурзу и сказал: «Вот он — Дивей-мурза!» Когда спросили Дивей-мурзу: «Ты ли Дивей-мурза?», тот отвечал: «Нет! Я мурза невеликий!» И вскоре Дивей-мурза дерзко и нахально сказал князю Михаилу Воротыньскому и всем воеводам: «Эх, вы, мужичье! Как вы, жалкие, осмелились тягаться с вашим господином, с крымским царем!» Они отвечали: «Ты [сам] в плену, а еще грозишься». На это Дивей-мурза возразил: «Если бы крымский царь был взят в плен вместо меня, я освободил бы его, а [вас], мужиков, всех согнал бы полоняниками в Крым!». Воеводы спросили: «Как бы ты это сделал?» Дивей-мурза отвечал: «Я выморил бы вас голодом в вашем гуляй-городе в пять-шесть дней». Ибо он хорошо знал, что русские били и ели своих лошадей, на которых они должны выезжать против врага. Русские пали тогда духом.

Города и уезды Русской земли — все уже были расписаны и разделены между мурзами, бывшими при крымском царе; [было определено] — какой кто должен держать. При крымском царе было несколько знатных турок, которые должны были наблюдать за этим: они были посланы турецким султаном по желанию крымского царя. Крымский царь похвалялся перед турецким султаном, что он возьмет всю Русскую зем-

¹ Гуляй-город — подвижное деревянное укрепление, двигавшееся посредством лошадей.

лю в течение года, великого князя пленником уведет в Крым и своими мурзами займет Русскую землю.

Ногаи, которые были в войске [крымского] царя, были недовольны тем, что добыча поделена не поровну, потому что они помогали царю жечь [Москву] в прошлом году.

Как и в прошлом году, когда спалили Москву, великий князь опять обратился в бегство — [на этот раз] в Великий Новгород, в 100 милях от Москвы, а свое войско и всю страну бросил на произвол судьбы.

Из Великого Новгорода великий князь отправил нашему воеводе, князю Михаилу Воротынскому, лживую грамоту: пусть-де он держится крепко, великий князь хочет послать ему в помощь короля Магнуса и 40 000 конницы. Грамоту эту перехватил крымский царь, испугался и оробел и пошел назад в Крым.

Все тела, у которых были кресты на шее, были погребены у монастыря, что около Серпухова. А остальные были брошены на съедение птицам.

Все русские служилые люди получали придачу к их поместьям, если были прострелены, посечены или ранены спереди. А у тех, которые были ранены сзади, убавляли поместий, и на долгое время они попадали в опалу. А те, которые были совершенно искалечены от ран так, что становились калеками, те назначались чиновниками в города и уезды и вычеркивались из воинских смотренных списков. А здоровые приказные из городов и уездов расписывались на места калек. Княжеским или боярским сыновьям, достигшим 12-летнего возраста, также раздавались поместья, и они также записывались в смотренные списки. Если лично они не объявлялись на смотру, их наказывали так же, как и их отцов. Никто по всей стране не свободен от [службы], даже и тот, кто ничего не получает от великого князя.

Затем были убиты два военачальника — князь Михаил Воротынский и Микита Одоевский.

Хотя всемогущий Бог и наказал Русскую землю так тяжело и жестоко, что никто и описать не сумеет, все же нынешний великий князь достиг того, что по всей Русской земле, по всей его державе — одна вера, один вес, одна мера! Только он один и правит! Все, что ни прикажет он, — все исполняется, и все,

что запретит, — действительно остается под запретом. Никто ему не перечит: ни духовные, ни миряне.

И как долго продержится это правление — ведомо Богу Вседержителю!

Как великий князь
завоевал и добыл Казань и Астрахань

Великий князь приказал срубить город с деревянными стенами, башнями, воротами, как настоящий город; а балки и бревна переметить все сверху донизу. Затем этот город был разобран, сложен на плоты и сплавлен вниз по Волге, вместе с воинскими людьми и крупной артиллерией. Когда он подошел под Казань, он приказал возвести этот город и заполнить все [укрепления] землей; сам он возвратился на Москву, а город этот занял русскими людьми и артиллерией и назвал его Свияжском.

Так казанцы лишились свободного пути и постоянно должны были биться и сражаться с русскими.

Великий князь вновь собрал великую силу и подошел опять к Казани; вел подкопы и взорвал их. Так взял он город, а [казанского] хана-царя Шигалея¹ взял в плен и отдал воинским людям город, как добычу.

Город был разграблен. Жителей убивали, выволакивали и обнаженные трупы складывали в большие кучи. Затем убитым связывали вместе ноги внизу у щиколоток; брали длинное бревно, насаживали на него трупы ногами и бросали в Волгу по 20, 30, 40 или 50 [трупов] на одном бревне. Так и спускались вниз по реке эти бревна с трупами. Они висели на бревне под водой, и только ноги оттуда, где они были связаны вместе, торчали вверх над бревнами.

Это видел астраханский царь и опасался, как бы и астраханцам не были связаны так же ноги. Он испугался и ушел к крым-

¹ Последним казанским царем был Едигей, взятый в плен при завоевании Казани. Шигалей был его предшественником на казанском престоле, на котором он сидел в качестве московского вассала; не будучи в состоянии удержаться у власти, Шигалей бежал из Казани в Москву.

скому царю, а Астрахань оставил незащищенной. Русские пришли и заняли Астрахань воинскими людьми и артиллерией.

Великий князь вернулся в Москву, оставив в Казани и Астрахани у своих воевод много золотых вещей, серебра и золота и различных шелковых материй.

Хотя эти два царства и были взяты, но оставалось еще много мурз, князей или фюрстов, живших в этих царствах, которые [по-прежнему] были [независимы] в своих землях. Этим не легко было покорить, ибо страна раскинулась далеко и широко, как [например] луговые и нагорные черемисы.

В обоих городах — в Казани и в Астрахани — русские воеводы завязывали дружбу с некоторыми татарами, звали их в гости и дарили их золотыми вещами и серебряными чарками, как если бы [эти татары] были высокого рода или чина, и отпускали их обратно в их земли, с тем чтобы они показывали другим подарки великого князя — [тем], которые не думали даже и подчиняться великому князю, а не то чтобы служить [ему]. Видя, однако, что их людям даже и много более низкого происхождения, нежели они, выпали такая великая честь и подарки от воеводы и начальных людей, [знатные татары] думали, что они [получат еще больше]. На это-то и рассчитывали начальные люди в Казани и Астрахани. Они послали просить к себе всех знатнейших мурз-князей, то есть фюрстов: пусть те придут и получают милость и подарки великого князя. Знатнейшие мурзы пришли в Казань, были хорошо приняты и думали, что им будет то же, что и их предшественникам, что, получив подарки, они смогут вернуться домой. Но когда они, выпив слишком много вина и меда — к чему не так они были привычны, как русские, — достаточно опьянели, пришло несколько сот стрелков и перестреляли этих татарских гостей, которые [у себя] были самыми знатными.

Так великий князь привел в послушание оба царства, пока крымский царь не пришел и не спалил ему Москвы.

Тогда поднялся народ из обоих царств и отправился в страну великого князя, пожег много незащищенных городов и увел с собой великое множество русских полоняников, не считая тех, которые были убиты насмерть. Думают, что это удалось им только потому, что крымский хан спалил великому князю Москву.

На другой год хан опять пришел из Крыма, чтоб захватить Русскую землю. Он дал своим купцам и многим другим грамоту, чтобы ездили они со своими товарами в Казань и Астрахань и торговали там беспошлинно, ибо он царь и государь всея Руси.

Но так как татарский царь ошибся [в своих расчетах], то все эти купцы были ограблены [русскими] в Казани и Астрахани. У них было найдено так много товаров и [столь] различных, что русские даже и не знали, что это за товары! Да так и не узнали.

Хотя войско его величества короля шведского стояло тогда под Везенбергом, великий князь все же отправился сам [против татар] со своими воинскими людьми. Приехав на границу, он послал в Казань и Астрахань спросить, что же думают они делать и хотят ли они быть у него в послушании или нет. Если они хотят быть ему послушными, то пусть захватят всех начальных людей, которые начали эту игру. А коли нет — он пойдет на них со всем своим войском и уничтожит их. И пусть они отпустят еще на свободу всех русских.

Тогда пришли [к нему] многие из начальных людей, которые не участвовали в этом замысле и заявили от имени своей земли, что они готовы захватить главарей, и пусть великий князь пошлет за своими русскими пленниками и всех их выведет.

Великий князь послал вывести обратно на Русскую землю всех русских полоняников и приказал перебить татар. Начальных же людей он приказал разорвать на согнутых деревьях, а иных посадить на кол. Это было в назидание всей земле. <...>

Если кто-нибудь — безразлично кто, но только не еврей — приходит на русскую границу, его тотчас же опрашивают — зачем он пришел. Скажет он, что хочет служить великому князю, его опять спрашивают о различных обстоятельствах. Все его сообщения и речи тайно записываются и запечатываются. А его самого немедленно отправляют на ямских с дворянином к Москве, [куда доставляют его] в шесть или семь дней. В Москве его снова тайно и подробно спрашивают обо всех обстоятельствах, и если его показания согласуются с тем, что он говорил на границе, ему дают тем большую веру и жалуют

его. Не смотрят ни на лицо, ни на одежду, ни на знатность, но ко всем его речам относятся с большим вниманием. В тот самый день, когда он приходит на границу, ему выдаются еще деньги на корм до Москвы. В Москве также в день приезда выдают ему кормовую память, то есть записку о кормовых деньгах. <...>

Ему же выдается память в Поместную избу или приказ о том, что великий князь пожаловал ему 100, 200, 300 или 400 четвертей поместья¹. И [уже сам иноземец] должен приискивать [себе поместье] и расспрашивать там и здесь, где какой дворянин умер без наследников или убит на войне. В таких случаях вдовам давалось немного на прожиток. Затем иноземцу отделялось по книгам по его указанию. Озимое он получает в земле, а для покупки семян на яровое ему даются деньги. Еще некая сумма денег жалуются ему на обзаведение. Вместе с тем [жалуются ему] платье, сукно и шелковая одежда, несколько золотых, кафтаны, подбитые беличьим мехом или соболями. А когда иноземец снимал жатву, с него вычитывали кормовые деньги.

До пожара Москвы великий князь давал обычно иноземцу двор на Москве; теперь же ему дают [дворовое место в] 40 сажень длины и ширины на Болвановке за городом, если только он из конных немецких воинских людей: пешие в счет не идут. Это место ему огораживается, и иноземец волен здесь строиться, как ему угодно. Если же он попросит у великого князя на постройку дома, ему по его ходатайству выдается еще кое-что. Во дворе он волен держать и кабак: русским это запрещено, у них это считается большим позором.

[Иноземец] имеет еще годовое жалованье и по всей стране свободен от таможенных пошлин вместе со своими слугами.

Раньше некоторым иноземцам великий князь нередко выдавал грамоты в том, что они имеют право не являться на суд по искам русских, хотя бы те и обвиняли их, кроме двух сроков в году: дня Рождества Христова и Петра и Павла. В грамоте писалось еще имя особого пристава, который [только] и мог вызывать на суд иноземца в эти два праздника. А если приходил другой пристав, имени которого не значилось в грамоте,

¹ Русская «четь» (четверть) равна 1/2 десятины.

и требовал иноземца на суд, то иноземец был волен на своем дворе пристава этого бить, [одним словом] обойтись с ним по своему желанию. Если пристав жаловался на иноземца, то сам же и бывал бит или [как-нибудь] иначе наказан.

Иноземец [же] имел право [хоть] каждый день жаловаться на русских. <...>

Когда пустело поместье иноземца, великий князь до трех раз давал [ему] другое, в котором жили бы крестьяне. Теперь же с великим трудом и то однажды иноземец может получить населенное крестьянами поместье. Причина: в большей своей части страна запустела.

Большая часть иноземцев на Москве теперь немцы, черкасские татары и литовцы. Те, что были русской веры и дружили с великим князем, те убиты; крещеных великий князь использует против некрещеных; некрещеных же против крещеных землевладельцев и их людей.

Иноземец — кем бы он ни был — волен в своей вере; он не может только принуждать своих русских слуг и служанок есть мясо Великим постом, по средам и по пятницам.

Чтобы дойти до смертной казни, иноземцу не так-то легко провиниться. Только когда уличат его, будто он хотел бежать за рубеж, — тогда — да поможет ему Бог! Его мастерство тогда ему не поможет, не помогут ему ни деньги, ни добро. И редко бывает, чтобы иноземец дерзнул бежать из страны, ибо дорога в страну широка и просторна, а из страны — узкая-преузкая. <...>

Доктор Елисей Бомелий пришел к великому князю во время великой чумы из Англии; получил много денег и добра и туго набил свой кошель. Затем, будто бы для отправки своего слуги в Ригу за некоторыми лекарственными травами, которых он не мог найти в казне, он просил у великого князя проезжую. Проезжую взял он себе и под видом слуги пустился в путь, обратив в золото все свои деньги и добро и зашив его в одежду. Приехав в город Псков на ям, он хотел купить рыбы на торгу, где его узнали поговору, хотя он и был с остриженной [небритой] бородой. Русские отыскиали его гульдены, а самого милейшего доктора повезли обратно в Москву, в железах, залитых свинцом.

Когда на границу приходит торговый человек, его товары осматриваются наместником и дьяком. И если они полага-

ют, что великий князь то-то и то-то купит, то они отправляют к нему на ямских и пишут, что из такой-то страны идет торговый человек и что он имеет при себе такие-то товары и предлагает их по такой-то цене. И если эти товары нужны великому князю, то торгового человека вместе с товарами отводят на ям и приставляют к нему пристава, как будто бы для охраны его, чтобы не уташили у него его добра. Но [в действительности] охраняют его так для того, чтобы не мог он попасть во все закоулки и осмотреть все, что [ему] нужно в городах и по дорогам.

Если приходит посол, ему навстречу высылают на границу много народу. До того места, где великий князь пожелает дать послу аудиенцию, посла везут кружным путем и там, где живут крестьяне, чтобы он не узнал прямого пути и того, что страна [великого князя] так опустела. Посол и его слуги охраняются так тщательно, что ни один иноземец не может к нему пройти. Часто два, три посла приходят в одно и то же место — туда, где великий князь захочет их выслушать. Но они охраняются так строго, что один посол ничего не знает о другом. И ни одного посла великий князь не выслушает до того, пока не будет знать, что сказать в ответ [не только этому первому], но и второму, и третьему, и четвертому послу. Так великий князь умеет узнавать положение всех окрестных государей и их стран. Но его и его страны состояние не может правильно узнать ни один соседний государь.

IV

Автобиография Генриха Штадена

Я, Генрих Штаден, сын бюргера, родился в Алене, который лежит в округе Мюнстер, в одной миле от Бекума, в 3 милях от Мюнстера, в одной миле от Гамма и в двух — от Варендорфа. В Алене и других окрестных городах живет много моих родных, из рода Штаденов.

Мой отец был хорошим, благочестивым, честным человеком; звали его — Вальтер Штаден Старый, ибо мой двоюродный брат, теперешний бургомистр в Алене, носит имя Вальтера Штадена Младшего. Мой отец скончался тихо в мире

с бодрой уверенной улыбкой и радостным взглядом, обращенным ко всемогущему Богу. Имя моей матери Катерина Оссенбах; она умерла во время чумы.

Родители мои жили около восточных ворот, в первом доме по правую руку, если идти в город; там три дома пристроены один к другому; в них-то и жили мои покойные родители, как и подобает благочестивым супругам-христианам. Теперь в том доме живет моя сестра вместе со своим мужем дворянином Иоганном Галеном.

Мой брат, Штаден Бернгард, служит пастором в Уэнтропе и викарием в Алене.

Когда в Алене я настолько выучился, что мог подумать о выборе профессии и намеревался стать пастором, разразилось неожиданное несчастье: меня оклеветали, будто я ранил в школе одного ученика в руку шилом, из-за чего родители наши друг на друга подали в суд.

Между тем из Лифляндии прибыл мой двоюродный брат Стефан Говенер, бюргер из Риги. «Братец! — сказал он мне, — поезжай со мной в Лифляндию; тогда тебя никто не тронет!» <...>

В Любеке я попал в дом моего двоюродного брата Ганса Говенера. Этот отправил меня с тачкой возить землю на городской вал. А по вечерам я должен был приносить полученные мною расчетные марки, с тем чтобы все они были налицо, когда он потребует вознаграждения.

Шесть недель спустя вместе с моим двоюродным братом я отплыл на Ригу в Лифляндию. Там я поступил на службу к Филлиппу Гландорфу — суровому господину — члену городского совета. И я опять должен был работать на городском валу. Здесь пришлось мне совсем горько.

Ввиду наступления великого князя с постройкой вала очень спешили. А раздатчик марок заболел и поручил мне раздавать марки. Тут я так снабдил себя марками, что мне не пришлось уже больше работать на валу, и я мог спокойно прогуливаться по валу и осматривать его. Так я изучил, как следует насыпать или соорудить вал. Но мой двоюродный брат Стефан Говенер заметил: «Не хорошо ты это делаешь!» И я сбежал тогда и пришел в замок Вольмар.

Здесь я поступил на службу к амтману Генриху Мюллеру и принялся за изучение сельских ливонских порядков: меня так часто секли, что я сбежал и пришел в мызу Вольгартен.

Там хозяйка замка спросила меня: «Умеешь ли ты читать и писать?» — «Я умею читать и писать по-латыни и по-немецки», — ответил я. Ее приказчик Георг Юнге обманывал ее, а потому она предложила мне: «Я доверю тебе все мои имения; мои фогты научат тебя. Только будь честен, а я тебя не оставлю». <...> Так я стал приказчиком в мызах Вольгартен, Паткуль, Меллупёнен и Юдрен. Но муж хозяйки, самый богатый человек в стране, Иоганн Бокхорст скончался. Взамен него появился Георг Гохрозен: он женился на вдове и увез ее с собой в Гохрозен. Тогда же из Германии пришел родственник Иоганна Бокхорста и получил в наследство все имения последнего.

Я же отправился дальше...

Стал я купцом и пришел к замку Каркус, где начальником был тогда Георг Вельсдорф. В то время Каркус, Гельмет, Эрмес, Трикатен, Руэн и Буртнек принадлежали Иоганну — герцогу финляндскому, теперешнему королю Швеции. Но вот под Каркус подошли воинские люди с подложными грамотами на этот замок и выгнали оттуда Георга Вельсдорфа. Тогда-то отобрали и у меня мое добро, и я пошел к Гельмету.

Здесь держал свой двор граф Иоган Арццкий. Герцог [финляндский] посадил его управлять этими шестью замками. Но граф заключил союз с великим князем, был за это арестован и в Риге казнен: растерзан раскаленными клещами. Я сам видел, как совершилась эта казнь.

Затем с одной только лошадейю я пришел в Вольмар к коменданту Александру Полубенскому. С польскими воинскими людьми он постоянно производил набеги на дерптский округ, и к нам постоянно попадали в плен русские бояре с деньгами и [всяким] добром. Добыча делилась не поровну, а потому я и не хотел доплачивать из того, что получил раньше. Как-то они захватили меня в городе, бросили в тюрьму и грозили повесить.

Вскоре, вдоволь насмотревшись на лифляндские порядки, которыми Лифляндия и была погублена, и видя, как хит-

ро и коварно великий князь забирал эту страну, я собрался и ушел на рубеж.

Здесь опять пришлось мне подумать о виселице. Ибо всякого, кто бежал, изменив великому князю, и кого ловили на границе, того убивали со всей его родней; равно как и тех, кто из Лифляндии хотел бежать тогда к великому князю, также ловили и вешали. А из Лифляндии бегут теперь на Москву «великие роды» и [там] поступают на службу к великому князю.

Придя на границу, я заткнул перо для письма за шнур моей шляпы, за пазуху сунул кусок чистой бумаги и чернильницу, чтобы отговориться, таким образом, когда меня схватят.

Когда я перешел границу — реку Эмбах — и пришел в укромное местечко, я написал Иоахиму Шрётеру в Дерпт, чтобы тот запросил великого князя; и если великий князь даст мне содержание, то я готов ему служить, а коли нет, то я иду в Швецию; ответ я должен получить тотчас же.

Наместник выслал за мной одного дворянина Аталыка Квашнина с восемью всадниками. Он встретил меня приветливо и сказал: «Великий князь даст тебе все, что ты ни попросишь».

Когда я пришел в Дерпт в крепость к наместнику князю Михаилу Морозову, последний жестами выказывал мне свое расположение и сказал: «От имени великого князя мы дадим тебе здесь поместья, если ты пожелаешь служить здесь великому князю. Ты ведь знаешь лифляндские дела и знаешь языки их». Но я возразил: «Нет! Я хочу видеть самого великого князя!» Тогда наместник расспрашивал меня, где теперь польский король. «В Польше я не бывал», — отвечал я на это.

Тем временем ямские лошади и с ними один дворянин были уже наготове, и в шесть дней я доехал на ямских от Дерпта до Москвы, что составляет 200 миль пути.

Там я был доставлен в Посольский приказ, и дьяк Андрей Васильевич расспрашивал меня о разных делах. И все это тотчас же записывалось для великого князя. Тогда же мне немедленно выдали память или памятную записку: на основании ее каждый день я мог требовать и получать <...> 1 1/2 ведра меда и 4 деньги кормовых денег. Тогда же мне выдали в подарок шелковый кафтан, сукно на платье, а также золотой.

По возвращении великого князя на Москву я был ему представлен, когда он шел из церкви в палату. Великий князь

улыбнулся и сказал: «Хлеба есть», — этими словами приглашая меня ко столу. Тогда же мне была дана память или памятная записка в Поместный приказ, и я получил село Тесмино со всеми приписными к нему деревнями<...>.

Итак, я делал большую карьеру: великий князь знал меня, а я его.

Тогда я принялся за учение; русский язык я знал уже изрядно.

Из наших при дворе великого князя в опричнине были только четыре немца: два лифляндских дворянина: Иоганн Таубе и Еларт Крузе, я — Генрих Штаден и Каспар Эльферфельд; этот последний был в Германии в Петерсгагене [ланд] дростом и доктором прав. Сердца обоих лифляндских дворян лежали к польскому королевству. В конце концов они ухитрились со всем своим добром, с женами и детьми добраться до короля Сигизмунда Августа. <...>

Каспар Эльферфельд и я — мы обратили наши сердца к Римской империи. Первый еще до меня был при опричном дворе великого князя. Он видел, как, живя в земщине, я наживал большие деньги корчемством, а потому он решил отнять их от меня и устроил следующее. Взял ларь или сундук; снизу в дне прорезал отверстие, положил туда несколько платьев и других вещей, взвалил все это на сани, запряг лошадей и послал с санями на мой двор двух своих слуг. Они остановились у меня и стали пить. Тем временем Каспар Эльферфельд поехал на Судный двор и бил челом судье, будто бы люди его, выкравши у него несколько тысяч талеров, сбежали со двора. А теперь-де он узнал, где они укрылись. Пусть судьи дадут ему, как полагается, целовальников и приказных. В Русской земле все люди имеют к таким делам большую охоту. Когда затем Каспар Эльферфельд пришел на мой двор, как-то странно переодетый, то целовальники и приказные нашли, конечно, и слуг, и сани с лошадьми.

Все были довольны, но Каспар Эльферфельд захотел дать волю своему высокомерию; с досадой он поднялся вверх по лестнице в расчете найти меня в горнице. Ему навстречу попался мой слуга Альбрехт с палицей в руках. Тот, думая, что Альбрехт хочет его ударить, сказал: «Я — Каспар Эльферфельд!» Тогда мой слуга Альбрехт воздержался — [не стал бить]. Целовальники и приказные забрали и его вместе со слу-

гами, санями и лошадьми Эльферфельда и поволокли его на Судный двор. перевязанный сундук со всем, что в нем было, был также притащен на суд в присутствии целовальников и слуг Эльферфельда. Тогда Каспар начал свою жалобу: «Государь мои! Эти слуги мои украли у меня 2000 рублей и с ними укрылись во дворе вот этого человека, где я и нашел их в присутствии целовальников. Давай мне назад мои деньги!» Но Альбрехт отвечал: «Нет у меня твоих денег!» — «Твой господин, продолжал Эльферфельд, держит корчму и много там бывает убийств». — «Позвольте мне, — возразил мой дворецкий [обращаясь к судьям], — прямо отсюда, так, как я здесь стою, пройти на его [Эльферфельда] двор. Я хочу доказать, что у него в подклетьях или под полом лежат мертвые тела». Тогда тот струсил, а судьи были очень довольны.

Узнав об этом, я несколько не испугался, ибо знал, что Альбрехт действительно докажет сказанное. Я быстро собрался, поехал, сам стал на суд и обратился к боярам: «Вот здесь я сам! Отпустите моего дворецкого». Эльферфельд косо взглянул на меня, я на него — дружелюбно. Бояре же сказали нам обоим: «Договаривайтесь друг с другом». — «Я готов», — отвечал я. Итак, мой дворецкий был освобожден, оправдан и отпущен, а я поехал вместе с Эльферфельдом на его двор.

Я рассуждал тогда так: я хорошо знал, что пока я в земщине, я проиграю [всякое] дело, ибо все те, кто был в опричных при великом князе, дали присягу не говорить ни слова с земскими. Часто бывало, что ежели найдут двух таких в разговоре — убивали обоих, какое бы положение они ни занимали. Да это и понятно, ибо они клялись своему государю Богом и святым крестом. И таких наказывал Бог, а не государь.

[Обратившись к Эльферфельду], я сказал: «Любезный земляк! Я прошу вас дружески, возьмите у меня сколько вам угодно и оставайтесь моим приятелем и земляком». — «А сколько же вы готовы дать?» — спросил тот. «Двести рублей», — ответил я. Этим он удовлетворился. «Однако, — продолжал я, — у меня нет сейчас таких денег». — «Так напишите расписку — я готов поверить вам на год». Я написал ему расписку и приветливо передал ее.

Затем мы оба поехали на Судный двор. Здесь мы поблагодарили бояр, и Эльферфельд сказал им, что он удовлетворен. Я

заплатил сколько нужно судебных издержек, после чего разъехались — он на свой двор, а я на свой. Он радовался. Да и я не печалился: он мечтал о том, как получит деньги, а я о том, как бы мне его задушить.

Когда в Москву прибыл герцог Магнус, при нем был Иоганн Таубе. Оба они были врагами. Причина: Иоганн Таубе обещал великому князю взять Лифляндию мирным путем, а герцог утверждал, что это невозможно и что надо захватить ее силой. Тогда Иоганн Таубе и Еларт Крузе были в великой милости у великого князя, а герцог в опале.

Герцог Магнус, суля мне большую благодарность, дружески просил меня устроить ему встречу с Иоганном Таубе в укромном месте. Я уговорил Иоганна Таубе прийти ко мне на мой двор в опрочнине. Здесь встретились они оба в моих новых хоромах и с тех пор стали опять друзьями.

Тогда-то [Эльферфельд] возвратил мне мою расписку: около меня было много сильных людей, и он видел, как на его глазах я выполняю ответственные поручения великого князя. Я сказал ему громким голосом: «Каспар Эльферфельд! Я порешил так-то и так-то убить тебя на площади у твоего двора близ Судного двора, когда темным вечером ты возвращаешься с опрочного двора, за то, что ты так не по-христиански со мной обошелся». Этого тучного и богатого господина, обучавшегося юриспруденции, я ударил этими словами прямо по сердцу, [да] так здорово, что он оробел смертельно и, не говоря ни слова, поднялся и с большим срамом пошел в тюрьму.

Потом я пришел к нему в тюрьму. Он предложил мне все свое имущество на полное мое усмотрение; уполномочил меня, а также моего любезного, ныне уже в Бозе почившего Адриана Кальпа вытребовать вместо него [Эльферфельда] все его лари из английского подворья в Холмогорах, которые он, боясь пожара, отправил туда и спрятал там в каменном подвале. Когда я туда пришел, те не отказали мне в выдаче и привезли все на двор Адриана. Но я опасался его [Эльферфельда] докторских штук. <...> Чтобы убедиться в их содержимом, мы с Адрианом Кальпом все их вскрыли и делали все это по закону в его личном присутствии и с его помощью. «Любезный земляк! — сказал тогда [Эльферфельд], — возьмите все

это, продайте, а мне на пропитание в тюрьме дайте, сколько вам будет угодно». В этом я ему отказал. <...>

Каждый день я бывал во дворе у великого князя. Однако я не согласился на предложение, сделанное мне через дьяка Осипа Ильина, все время безотлучно состоять при великом князе. Я был тогда юн и не знал достаточно Германии. Если кто-либо из больших господ спросил о чем-нибудь моего слугу и получил неправильный ответ, то — легко себе представить, как разгневался бы господин и как осрамился бы слуга! Кто был близок к великому князю, тот [легко] ожигался, а кто оставался вдали, тот замерзал. <...>

Когда великий князь взял в опричнину Старицу, то он уравнял меня со служилыми людьми четвертой степени и к прежнему селу дали мне Меньшик и Рудак <...> села Красное и Новое были даны мне в вотчину, а [с ними] шесть деревень — в поместье. Вместе с тем я получал по уговору, по окладу поместий, и мое годовое жалованье. На Москве великий князь пожаловал мне двор; в нем жил прежде один [католический] священник, который был приведен пленником из Полоцка во Владимир. <...>

Рядом с этим двором был другой двор; в нем жил некий немец, по имени Иоганн Зёге, бывший слуга покойного магистра Вильгельма Фюрстенберга. Ему я одолжил мое годовое жалованье, чтобы на него он купил себе двор рядом с моим. У него была жена, уроженка города Дерпта, она была выведена на Москву. Так как я не был женат, то она занялась торговлей вином. Несколько раз в мое отсутствие, в особенности когда я разъезжал с великим князем, случалось так, что иностранцам запрещалось корчемство. И когда приказчики или чиновники с Земского двора приходили к этой женщине во двор, опечатывали погреб и забирали тех, кто в нем бражничал, тогда она говорила всегда, что [приказные] должны пойти и на мой двор, и спрашивала — почему же они этого не делают и не идут на двор к ее соседу. Однако приказные твердо знали, что такое «опричнина». Это узнали также муж и жена [мои соседи].

Они продали мне свой двор, а себе вновь купили двор в городе, где можно было [жить спокойно] за закрытыми воротами. Я же соединил оба двора в один, и днем, и ночью приезжали ко мне из всех окрестных слобод.

Во время чумы этот мой сосед умер, а жена его собралась выехать из Москвы вместе с женой мастера-цирульника Лоренцо — в крытой повозке. Это был дурацкий поступок, ибо все окрестные слободы были подожены со всех сторон по приказанию татарского царя. Как только повозка въехала в ворота, огонь охватил ее со всех сторон, и повозка сгорела вместе с лошадьми, вместе со всеми драгоценностями, золотом и серебром и другими ценностями. После пожара от нее нашли только железные ее части.

<...>На большой Сретенской улице был еще один двор прямо против этого моего двора <...>. В нем жил [раньше] один полоцкий поляк, который был переведен в другое место. Этот двор я получил от одного господина, Семена Курцова, который был сокольничьим великого князя. <...> Двор этот я дал немцу Гансу Купфершмидту. По его словам, он знал немного оружейное дело. И так как он видел, что корчемство приносило мне большой доход, то он решил, что мое ремесло выгоднее, чем его. И когда кто-нибудь хотел проехать на мой двор с ведрами, кружками и т. д. с тем, чтобы купить меда, пива или вина, то Купфершмидт, сидя у окна на своем дворе, перезывал к себе всякого. Он их обслуживал лучше, нежели я, и это причиняло мне большой убыток. Тогда я разобрал мой двор и перенес его на другое дворовое место, у речки Неглинной, где у меня было два пустых смежных двора, еще не огороженных. Здесь я опять начал шинковать пивом, медом и вином. Простолюдины из опричнины жаловались на меня на Земском дворе, что я устроил у себя корчму. На Земском дворе начальником и судьей был тогда Григорий Грязной. Ему я полюбился точно сын родной, как он говаривал. Вот что делали деньги, перстни, жемчуга и т. п.! Он ездил осматривать решетки и заставы и сказал всему миру: «Двор этот принадлежит немцу. Он — иноземец, и нет у него друзей-покровителей. Коли не будет у него корчмы, как же огородит он двор? А ведь забор должен идти до самой решетки». Так все и осталось по-прежнему. В земщине был у меня еще один двор, который раньше принадлежал лифляндскому дворянину Фромгольду Гану. <...>

Когда великий князь приказал дать нам поместья и назначил Иван Висковатый допрашивать его — братья мы или нет, он отвечал: «Да». И было приказано дать мне земли больше,

чем ему, на 50 моргенов, потому что я был старше его. Но тут он возразил, что он — сын дворянина, а я сын бургомистра. Тогда его уравниали [поместным окладом] со мной. Но тогда же и нашей дружбе пришел конец. <...>

Когда отравили великую княгиню [Анастасию Романовну], великий князь послал в Лифляндию, в Дерпт, за некоей вдовой Катериной Шиллинг. Ее везли на Москву в золоченой карете; великий князь надеялся, что она поможет великой княгине. Он щедро одарил платьем эту женщину и сказал ей: «Если ты поможешь моей царице, мы пожалуем тебя на всю твою жизнь половиной доходов с Юрьевского уезда в Лифляндии». И великая княгиня просила: «Ты же можешь помочь мне. Помоги же!» Великая княгиня умерла, и женщина эта была обратно отвезена в Лифляндию. Затем, когда великий князь приказал вывести лифляндцев из всех занятых [им] городов, то на Москву вывезли только одну эту женщину вместе с ее дочерью, сестрой и братом ее Иоганном Дрейером¹. Великий князь приказал дать ей двор на Москве. Когда же великий князь отправил Иоганна Таубе в Лифляндию, чтобы привлечь на свою сторону герцога Магнуса, Иоганн Таубе упросил великого князя позволить ему вывезти вместе с собой в Лифляндию эту женщину с ее дочерью, сестрой и братом. Уезжая, она подарила мне свой двор со всем своим хозяйством, так как я был дружкой ее дочери. Теперь она с дочерью живет в Риге в Лифляндии.

На этом дворе я посадил своего слугу Альбрехта, который шинковал исполу. Я выдал ему купчую, как будто бы я продал ему этот двор. Когда я жил в опричнине, этот рассудил так: «У меня [на руках] купчая; с ней я могу принудить моего господина и оттягать от него [двор]». У меня же был верный друг Адриан Кальп, лифляндский дворянин. У нас с ним был договор: в случае смерти [кого-либо из нас] один должен наследовать другому. Альбрехт противу моей воли и без моего ведома поехал во двор, схватил его [Адриана Кальпа] за горло и отнял от него завещание; самого его выкинул за ворота и вопреки моей воле остался жить во дворе [Адриана Кальпа]. Адри-

¹ Другие ливонские пленники были разведены по городам: Владимиру, Угличу, Кашину и Костроме.

ан Кальп думал о победе: он хотел уехать со своими деньгами. Но по дороге скончался от чумы; там при дороге его и схоронили. А его малый увез его деньги в Лифляндию и доставил их Иоганну Таубе. Из-за чумы дороги были заняты заставами, а потому я и не мог вернуть этих денег.

А Фромгольд Ган, который вышел со мною из Лифляндии в Москву и был со мною дружен, начал действовать по такому плану. Он написал челобитье, передал его на Казенный двор Григорию Локурову; в этом челобитье он просил разрешения креститься по русскому обряду. Для московских господ великая радость, когда иноземец крестится и принимает русскую веру: обычно они старательно ему [в этом] помогают, считая, что они правовернейшие христиане на земле. Обыкновенно они же бывают и крестными отцами и из казны выдают ново-крещеным крестильный подарок и злотые, а также всячески помогают ему [в дальнейшем].

Когда Фромгольд Ган пребывал, как полагается, шесть недель в монастыре, где его поучали и наставляли в русской вере, он прислал ко мне из монастыря с просьбой доставить ему лютеранскую Библию. В этом я, конечно, не мог ему отказать. Но когда он вышел из монастыря и крестился, он получил крайне незначительный крестильный подарок, потому что не догадался попросить в крестные отцы настоящих бояр.

А позже он был отчаянно побит в своем собственном имении своими [же] соседями — служилыми людьми, с которыми он затеял неразумное дело.

Он жил постоянно на своем дворе в имении; а когда запу-стошил поместье, то рассчитывал получить другое. Но это ему не удалось, ибо кто хочет иметь поместье, тот должен иметь деньги. Надо смазать сковороду маслом, коли хочешь испечь себе пирог, не то пирог прилипнет и подгорит. Если уже нет денег, можно использовать и другие средства, но для того надо иметь неплохую смекалку!

Фромгольд Ган, крестившись по русскому обряду, не мог уже бывать в нашем обществе. Так как нигде ему не было места — он, раздосадованный, просил великого князя, чтобы тот взял его в опричнину, причем сослался на меня, будто бы он мой товарищ. Великий князь послал ко мне узнать — так ли это. Я подтвердил, будто это правда. И великий князь снова

дал ему поместье в уезде Ржевы Володимировой. Так Фромгольд Ган попал в опричнину. <...>

Я сам жил в моем дворе — в опричнине. В земщине же я удержал первый двор. Там была у меня служанка: татарами она была уведена в плен из Лифляндии. Ей я доверил все свое имущество. Но мне часто доносили, что она меня обворовывает. Тогда вместо нее я препоручил свой двор татарину, по имени Рудак. В мое отсутствие он управлялся так, что безо всякой пользы перевел все мое имущество. Я приказал его наказать: его выволокли обнаженным и побили плетью. А я снова все поручил моей служанке. Узнав об этом, Рудак изготовил для себя другой ключ по образцу моего. У меня был еще один человек, лифляндец Яков; он должен был сторожить арестованного татарина. Однако татарин сумел его уговорить выпустить его ночью. Татарин взял ключ, выкрал у меня золото, жемчуг, драгоценные камни и другие ценности и вместе с лифлянцем убежал прочь. Когда через некоторое время я хотел сделать подарок моей возлюбленной, все было — пустым пусто!

Немного спустя я узнал, что мои люди сидят в Переяславле в тюрьме; они рассчитывали укрыться с деньгами в какой-нибудь монастырь! Я бил челом великому князю и просил суда. Когда с грамотой на руках я явился к [городовому] приказчику, то их обоих вместе с торговыми людьми и золотых дел мастерами, которые у них покупали вещи, отвезли в Москву. Их так строго охраняли, что я не мог видеть их для переговоров. На Москве я выступил на суде. Себя я не забывал и суму округлил изрядно <...>, но жемчуг и камни, что были в золотой оправе, исчезли, золото и серебро весьма усохли <...>.

Но татарин написал челобитье с изветом, будто я хотел бежать за рубеж от великого князя. Он говорил: «Да», а я: «Нет», но нас не ставили с очей на очи. Ему предложили доказать [свои слова], и он решил сослаться на мою служанку Анну и ее мужа Ивана, которые будто бы знали об этом. Их тотчас схватили в земщине и поставили на суд. Бояре и дьяки в опричнине [уже] надсмехались надо мной, и один из них сказал другому: «Не хочешь ли съесть мяса?» Дело было в пятницу, и они думали, что мне будет зарез. Но когда моя служанка была поставлена на суд, она говорила по правде, по чести. Начальник боярин и князь Василий Темкин спросил ее: «Собирался ли

твой господин бежать от великого князя?» Та, как и следует, сотворила крестное знамение и ответила: «Ей-богу, нет!» Так были посрамлены все дьяки и бояре, которые только и думали о моих деньгах. Благодаря моей служанке я выиграл дело. Татарин хотел получить мое поместье, но из-за ответа служанки он проиграл дело, а я был оправдан. А если бы служанка сказала, что она ничего не знает, то прибегли бы к пыткам, и тогда — я проиграл бы.

Татарин был брошен в тюрьму, а я поехал к себе во двор и, взяв с собой мужа служанки, поставил его перед высокими господами. Он был также допрошен и также отвечал: «Нет». Был уже вечер. Бояре велели привести из тюрьмы татарина и сказали ему, чтоб он говорил всю правду. Когда татарин увидел, что деньги сделали свое, он признался в том, что это — неправда и что он оговорил меня, так как я приказал жестоко наказать его плетью. Между тем во дворе были наготове все приказные, [кто] на лошадях, [кто] пешие — с фонарями. Если бы татарин остался при своем, то меня тотчас же ночью схватили бы на моем дворе и увели бы [в тюрьму]. Поутру я опять пришел на опричный двор [и стал] перед высокими господами. Дьяк сказал: «Вот твой слуга!» И в моей власти было взять его и убить. Я же ответил дьяку Осипу Ильину: «В таком слуге я не нуждаюсь». Но так как люди [мои] просили меня, чтобы я помиловал его, я так и сделал и опять взял его к себе. Иначе он должен бы сидеть в тюрьме и есть блины, а бояре не смели бы его отпустить без моего повеления.

Когда он опять попал ко мне во двор и понял, что я не хочу доверять ему ничего, он снова задумал донос и как-то проговорился, что он собирался жаловаться великому князю, будто бояре получили от меня деньги и за то отпустили меня. При мне постоянно были два сына боярских — Невежа и Тешата: они-то и открыли мне это. Я быстро все сообразил и приказал вытолкать [татарина] за ворота. Немного спустя он был пойман на воровстве и насмерть забит кистенем, а затем брошен в реку. Его сотоварищ бежал из тюрьмы.

Мне донесли опять, что служанка таскает многое из моего добра. У меня был слуга, лифляндец Андрей; он пришел в Москву с одним поляком. Его-то я и поставил на ее [служанки] место. Но заметив, что и он ведет себя не так, как следует, я

опять поставил служанку вместо него. Тогда Андрей устроил такую штуку. Он раздобыл мою печать и написал грамотку моему приказчику Надею: «Надей! Ты должен отпустить с этим самым Андреем шесть лучших лошадей. Я должен спешно выехать в одно место». Приказчик плохо рассмотрел грамотку, ибо мною она не была подписана, и отпустил Андрею шесть лошадей вместе с конюхом. Андрей взял их и привел к поляку в его поместье. А поляк, получив лошадей, велел Андрея прогнать. Узнав об этом, я спросил через посредство Иоганна Таубе у поляка, что он думает делать дальше. Видя, что я и Иоганн Таубе действуем заодно, тот возвратил мне столько своих лошадей, что я получил полное удовлетворение.

Этот мой слуга Андрей умер от чумы на пустом дворе, и тело его было съедено собаками.

Когда великий князь со своими опричными грабил свою собственную землю, города и деревни, душил и побивал насмерть всех пленных и врагов — вот как это происходило. Было приставлено множество возчиков с лошадьми и санями — свозить в один монастырь, расположенный за городом, все добро, все сундуки и лари из Великого Новгорода. Здесь все сваливалось в кучу и охранялось, чтоб никто ничего не мог унести. Все это должно было быть разделено по справедливости, но этого не было. И когда я это увидел, я решил больше за великим князем не ездить.

Когда великий князь отправился во Псков, ко мне прибежали несколько купцов, которые пришли из Холмогор. У них было много сороков соболей, и они опасались, как бы их не отобрали. А потому хотели расторговаться, ибо дороги были крепко заняты заставами. Они говорили: «Государь! Купите у нас наших соболей и дайте за них сколько вам будет угодно». — «Но, — отвечал я, — у меня нет с собою денег!» — «Так дайте нам расписку: мы получим деньги от вас на вашем дворе в Москве». Я мог бы получить этих соболей и без денег, но не сделал этого. <...>

Тут начал я брать к себе всякого рода слуг, особенно же тех, которые были наги и босы; одел их. Им это пришлось по вкусу. А дальше я начал свои собственные походы и повел своих людей назад внутрь страны по другой дороге. За это мои

люди оставались верны мне. Всякий раз, когда они забирали кого-нибудь в полон, то спрашивали чество, где — по монастырям, церквям или подворьям — можно было бы забрать денег и добра, и особенно добрых коней. Если же взятый в плен не хотел добром отвечать, то они пытали его, пока он не признавался. Так добывали они мне деньги и добро.

Как-то однажды мы подошли в одном месте к церкви. Люди мои устремились вовнутрь и начали грабить, забирали иконы и тому подобные глупости. А было это неподалеку от двора одного из земских князей, и земских собралось там около 300 человек вооруженных. Эти триста человек гнались за [какими-то] шестью всадниками. В то время только я один был в седле и, не зная [еще] — были ли те шесть человек земские или опричные, стал скликать моих людей из церкви к лошадям. Но тут выяснилось подлинное положение дела: те шестеро были опричники, которых гнали земские. Они просили меня о помощи, и я пустился на земских.

Когда те увидели, что из церкви двинулось так много народа, они повернули обратно ко двору. Одного из них я тотчас уложил одним выстрелом наповал; [потом] прорвался чрез их толпу и проскочил в ворота. Из окон женской половины на нас посыпались каменя. Кликнув с собой моего слугу Тешату, я быстро взбежал вверх по лестнице с топором в руке.

Наверху меня встретила княгиня, хотевшая броситься мне в ноги. Но, испугавшись моего грозного вида, она бросилась назад в палаты. Я же всадил ей топор в спину, и она упала на порог. А я перешагнул через труп и познакомился с их девичьей.

Когда я поспешил опять во двор, те шестеро опричников упали мне в ноги и воскликнули; «Мы благодарим тебя, господин. Ты только что избавил нас от смерти. Мы скажем об этом нашему господину, и пусть он донесет великому князю, как рыцарски держался ты против земских. Собственными глазами видели мы твое бережение и храбрость». Я же, обратившись к моим слугам, сказал им: «Забирайте, что можно, но поспешайте!»

Затем мы проехали всю ночь и подошли к большому незащищенному посаду. Здесь я не обижал никого. Я отдыхал.

Пробыв на покое два дня, я получил известие, что в одном месте земские побили отряд в 500 стрелков-опричников.

Тогда я возвратился к себе в село Новое, а [все] добро отослал в Москву.

Когда я выехал с великим князем, у меня была одна лошадь, вернулся же я с 49, из них 22 были запряжены в сани, полные всякого добра.

Когда великий князь пришел в Старицу, был сделан смотр, чтобы великому князю знать, кто остается при нем и крепко его держится. Тогда-то великий князь и сказал мне: «Отныне ты будешь называться — Андрей Володимирович». Частица «вич» означает благородный титул. С этих пор я был уравнен с князьями и боярами. Иначе говоря, этими словами великий князь дал мне понять, что это — рыцарство. В этой стране всякий иностранец занимает лучшее место, если он в течение известного времени умеет держать себя согласно с местными обычаями.

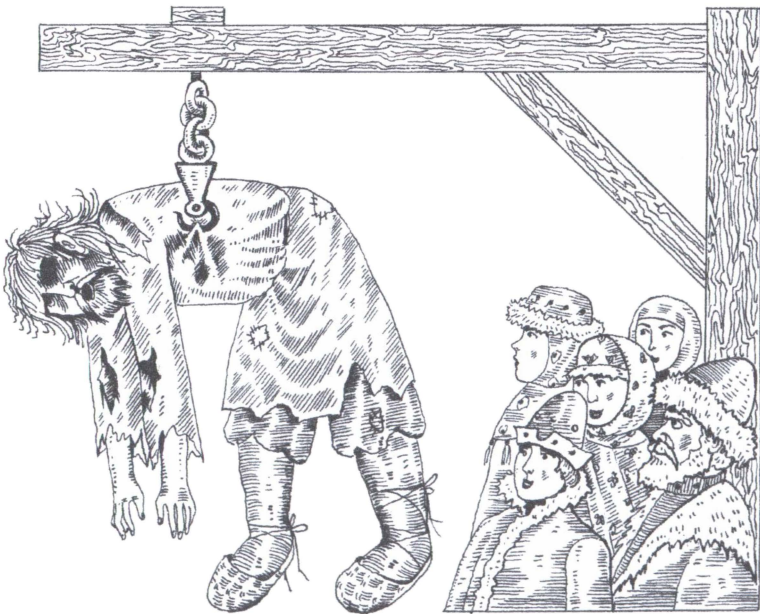
Великий князь поехал в Александрову слободу и распорядился там постройкой церкви. Я же не поехал с ним, а вернулся в Москву.

Потом все князья и бояре, которые сидели в опричных дворах, были прогнаны <...>. Когда великий князь приводил это в исполнение, в стране еще свирепствовала чума. Когда я пришел на Опричный двор, все дела стояли без движения. Начальные бояре косо посмотрели на меня и спросили: «Зачем ты сюда пришел? Уж не мрут ли и на твоём дворе?» — «Нет, слава Богу!» — ответил я. Тогда уж они больше не спрашивали меня, что я здесь делаю.

Здесь я убедился, что боярские холопы получили разрешение [уходить от своих господ] во время голода. Тогда к своим [прежним холопам] я прибавил еще нескольких. Памятуя слова великого князя: «Ты должен именоваться [отныне] Андрей Володимирович», — я устраивал свою жизнь соответственно с этим. <...>

Альберт Шлихтинг

Краткое сказание
о характере и жестоком
правлении московского тирана
Васильевича

Печатается по изданию:
Новое известие о времени Ивана Грозного.
Л., Изд-во АН СССР, 1934.

Из введения к первому изданию
«Сказания» Альберта Шлихтинга
на русском языке

Происхождение издаваемого впервые целиком «Сказания» обстоятельно выяснено проф. Е. Ф. Шмурло в сборнике «Россия и Италия» (Т. II, вып. 2, СПб., 1913, с. 227 сл.). В 1570 году папа Пий V и Венецианская республика вознамерились привлечь московского царя к антитурецкой лиге. Посредником между папой и республикой, с одной стороны, и Иваном IV, с другой, был избран польский нунций Портико. И вот, когда он собирался уже ехать в Московию для переговоров с царем и для обращения его в католичество, в Польшу явился бежавший из московского плена некий Альберт Шлихтинг и насказал сперва устно, а потом и письменно таких ужасов про жестокость Ивана, что у нунция пропала всякая охота к поездке. Он немедленно послал доклад Шлихтинга, написанный им для Сигизмунда Августа, в Рим, и там это сообщение произвело также сильное впечатление. Пий V написал Портико следующее: «Мы ознакомились с тем, что вы сообщали нам о московском государе; не хлопчите более и прекратите сборы. Если бы сам король польский стал теперь одобрять вашу поездку в Москву и содействовать ей, даже и в этом случае мы не хотим вступать в общение с такими варварами и дикарями». Таким образом, всякая мысль о переговорах с Московией была оставлена.

¹ Малеин Александр Иустинович (1869—1938) — филолог, библиограф, книговед, один из основателей Русского библиологического общества. В 1921—1926 годах заведовал кафедрой классической филологии Санкт-Петербургского университета. — *Примеч. редактора.*

Поразившее католический мир сообщение Шлихтинга сохранилось в Ватиканском архиве среди бумаг Портико. Довольно обстоятельный обзор его содержания дал Е. Ф. Шмурло, который привел также несколько выдержек в латинском оригинале.

Сведения об авторе «Сказания» почерпаются только из него самого. Сообщению предпослано краткое предисловие, которое, по-видимому, не может принадлежать самому Шлихтингу. Об этом можно судить по тому, что в дальнейшем повествовании автор всюду обращается к королю и говорит про себя в первом лице, здесь же об авторе идет речь в третьем лице и в таких выражениях, которые вряд ли можно приписать его собственному перу.

Этот Шлихтинг, «померанский уроженец», «человек военный и честный», попал в плен к русским при взятии литовской крепости Озерище, что Карамзин относит к 6 ноября 1564 года. Как уроженец Померании, Шлихтинг знал, кроме немецкого, и «русский» (славянский) язык, а потому в Москве попал, «в качестве слуги и переводчика», к «итальянскому врачу», бывшему на службе у царя. Врача-итальянца у Грозного не было, а, вероятно, здесь разумеется бельгиец Арнольд Лензей. Семь лет служил этому врачу Альберт, а затем, увидев, что и его жизни грозит опасность, с согласия своего господина убежал в Польшу, где и составил «Сказание».

Кроме того, в издании *Scriptores rerum Polonicarum* (Tomus primus. Cracoviae. 1872, pp. 145—147) имеется краткое сообщение, на немецком языке, под заглавием: *Nova ex Moscovia per nobilem Albertum Schlichtino; allata de Principis Iwani vita et tyrannide* («Новости из Московии, сообщенные дворянином Альбертом Шлихтингом о жизни и тирании государя Ивана»).

Таким образом, отсюда можно почерпнуть новый факт для биографии Шлихтинга, именно его дворянское происхождение, которое и заставляет его, как увидим ниже, относиться с особой симпатией к боярскому классу, преследуемому Грозным.

Наконец, латинский текст повествования позволяет предполагать, что составитель получил хорошее по тому времени образование и был начитан в классических писателях. Цита-

ты из трех из них (Вергилия, Ювенала и Теренция) он приводит в своем рассказе, хотя и не называет авторов по имени.

Какие именно семь лет Шлихтинг провел в Московии, определить довольно легко. Если, как сказано выше, он был взят в плен в ноябре 1563 года, то бегство его должно быть отнесено к 1570—1571 годам. Эта вторая дата может быть точнее определена следующим образом. Шлихтинг упоминает воеводу Ивана Петровича (Яковлева), «который ныне отправился с Магнусом для осады Ревеля». Эта осада Ревеля началась 21 августа 1570 года и продолжалась до 16 марта 1571 года. Во второй половине 1571 года этот Яковлев был забит батогами до смерти, как заподозренный в порче царской невесты Собакиной. Во всяком случае, Шлихтинг упоминает про страшный голод, охвативший страну во второй половине 1570 года. Соответственно с этим в предисловии к немецкой записке Шлихтинга издатели отнесли ее к осени 1570 года.

Шлихтинг заключает свое латинское сказание торжественным заверением: «То, что я пишу вашему королевскому величеству, я видел сам собственными глазами содеянным в городе Москве. А то, что происходит в других больших и малых городах, едва могло бы уместиться в (целых) томах». В немецкой записи тон несколько менее решителен: «То, что я только что описал вашему королевскому величеству... не выдумано, Бог тому свидетель, что я все это отчасти сам видел и слышал».

Какие же моменты царствования Грозного привлекали особое внимание Шлихтинга? Перечислю их кратко. Стремление Ивана IV к уничтожению наиболее родовитых бояр. Гибель Димитрия Овчины и других лиц. Просьба бояр и митрополита о прекращении кровопролития. Введение опричнины. Бесчинства опричников. Убийство князя Ростовского. Гибель князя Ивана Петровича (Челяднина-Федорова). Истребление его имущества. Гибель казначея Хозяина Дубровского. Отношение царя к своему зятю Михаилу Темрюковичу. Гибель думного дьяка Козарина-Дубровского. Казни в Александровском дворце. Характер старшего сына царя. Гибель Федора Умного. Религиозность и мнимо монашеский образ жизни царя. Подробное описание похода на Новгород и более краткое на Псков. Прибытие королевских послов. Гибель князя Афанасия Вяземского. Опустошение Торжка и Твери. Истребле-

ние пленных поляков. Гибель шести человек из-за кольчуги Челяднина-Федорова. Казнь начальника над воинскими орудиями. Наказание одного дьяка и его гостей за неуместное любопытство. Казнь князя Горенского и его слуг и опричника Петра Зайцева. Тиранство царя над женщинами. «Тиран толкователь сновидений». Издевательство над Борисом Титовым. Казнь воеводы Владимира (Морозова). Мучение в 1566 году трехсот бояр, просивших тирана прекратить казни. Травля людей медведями. Сожжение людей живыми за то, что ели телятину. Утопление одного дьяка по наговорам монаха. Расстрел из лука воеводы и двух бояр, взятых в плен поляками при взятии Изборска. Уничтожение татар, служивших царю. Издевательство над князем Борятинским. Казнь Третьяка, брата Висковатого, и его жены. Сожжение живым Башкина за склонность к лютеранству. Убийство шута Гвоздева. Издевательство князя Прозоровского-Оболенского над братом. Избиение польских пленнх 20 июля 1570 года. Убийство князя Петра Серебряного. Тиранство над боярами 25 июля 1570 года. Предчувствие тирана или предзнаменование. Надругательство над знатными женщинами.

В общем, видимо, автор придерживался хронологического порядка, но часто отвлекался от него, руководимый, скорее всего, опасением пропустить что-нибудь более важное. Этим объясняются и неоднократные повторения.

Остановимся на некоторых более крупных фактах повествования Шлихтинга с целью показать их историческую достоверность. Прежде всего, с этой точки зрения привлекает внимание рассказ об учреждении опричнины. Шлихтинг имеет о цели учреждения ее очень смутное представление, именно он понимает ее как уничтожение царем «своих приближенных, а особенно тех из них, кто отличался знатностью и древностью рода». Но причины для такого уничтожения заключались, по его мнению, в ненависти к этим лицам за их советы «править, как подобает справедливому государю, не жаждать в такой степени христианской крови» и т. д. Рассказав затем о гибели князя Овчины, Шлихтинг сообщает, что царь под влиянием новых увещаний бояр и митрополита почувствовал якобы угрызения совести и почти шесть месяцев воздерживался от казней, а сам обдумывал за это время проект устрой-

ства опричнины. О знаменитом отъезде в Александровскую слободу Шлихтинг не упоминает вовсе, а представляет дело так: царь призвал к себе знатнейших вельмож и заявил им о своем пресыщении властью и желании жить в отдалении и уединении, вместо же себя, в качестве правителей, рекомендовал своих сыновей, прибавляя, что во всяком трудном деле готов помочь им своим советом, так как будет жить поблизости. И действительно, он выстраивает себе в Москве особый дворец. «По соседству с этим дворцом он соединил особый лагерь, начал собирать опричников, то есть убийц, и присоединил их к себе самыми тесными узами повиновения». Про слободу же Шлихтинг упоминает впервые значительно позже, говоря, что когда народ начинает волноваться от постоянных казней, то тиран покидает Москву и обычно часто уезжает в Александровский дворец.

К рассказу Шлихтинга отчасти примыкают Таубе и Крузе, которые также говорят об обращении царя пред отъездом в слободу, но не к одним боярам, а ко всем чинам, с заявлением о том, что они не хотят терпеть ни его, ни его наследников, а потому он и решил передать созданным свое правление. На другой день после этого последовал отъезд в слободу. Штаден рассказывает обо всем этом очень кратко: «Великий князь из-за мятежа выехал из Москвы в Александрову слободу». Из всего этого можно, кажется, сделать тот вывод, что безмолвность и таинственность, которыми облекает наша летопись отъезд царя в слободу, вряд ли соответствуют действительности. Летописи, вытекавшие из клерикальных и боярских кругов, в то время явно оппозиционному царю, всячески старались затушевать эту оппозицию и потому стремились представить дело так, как будто это было произволом или капризом царя. Может быть, отъезд не был обставлен даже такой таинственностью, как это изображается обычно.

Сказание Шлихтинга занимает одно из центральных мест по разъяснению грандиозного заговора против Ивана IV, возникшего в 1567 году. Из русских источников про вторую часть этого заговора упоминается только в Переписной Книге Посольского Приказа 1626 года: «Столп, а в нем статейной список из сыскного из изменного дела 78 (1570) году на Ноугородцкого Архиепископа на Пимена и на новгородских

Диаков, и на Подьячих, и на гостей, и на Владычных Приказных, и на Детей Боярских, и на Подьячих, как они ссылалися к Москве с Бояры, с Алексеем Басмановым и с сыном его Федором, и с Казначеем с Микитою Фуниковым, и с Печатником с Ив. с Михайловым Висковатого и с Семеном Васильевича сыном Яковля, да с Дьяком с Васильем Степановым, да с Ондреем Васильевым, да со князем Офонасием Вяземским, о сдаче Вел. Новагорода и Пскова, что Архиепископ Пимен хотел с ними Новгород и Псков отдати Литов. Королю» и т. д. Подлинник этого дела бояре постарались уничтожить. Поэтому сведения о заговоре сохранились только у иностранных писателей, а именно у польского хрониста Мартина Вельского, лифляндских историков Кельха и Геннинга, недавно изданного Штадена и, наконец, у нашего Шлихтинга. Из новых историков существование этого заговора предполагали с большей или меньшей категоричностью Щербатов и Арцыбашев.

Суть дела заключается в следующем. Осенью 1567 года царь задумал большой поход в глубь Ливонии, 21 сентября он выехал на литовскую границу, а 12 ноября, после совещания со своим двоюродным братом князем Владимиром Андреевичем и боярами, решил немедленно вернуться обратно. Причина этого крылась в том, что польский король Сигизмунд Август через некоего Козлова стакнулся с московскими боярами и те обещали выдать ему царя. Когда это намерение было раскрыто и царь уехал домой, то и Сигизмунду не оставалось ничего иного, как распустить войско и вернуться в Гродно. Шлихтинг с некоторой неточностью представляет дело так: «И если бы польский король не вернулся из Радошковиц и не прекратил войны, то с жизнью и властью тирана все было бы покончено, потому что все его подданные были в сильной степени преданы польскому королю». Это показание его особенно красочно потому, что наряду с этим прямым признанием вины бояр (их, конечно, прежде всего следует разуметь под «всеми его подданными») Шлихтинг при описании каждой казни изменников старательно подчеркивает их невиновность.

Роль князя Владимира Андреевича в этой истории представляется так. По-видимому, он сам принимал участие в за-

говоре, но увидел, что успеха на его осуществление мало. Тогда он, вместе с князьями Бельским и Мстиславским, отправился к Ивану Петровичу Федорову-Челяднину, стоявшему во главе всего предприятия, взял у него список участников, якобы под тем предлогом, что к заговору хотят примкнуть новые лица, и, заметя таким образом свои следы, открыл все дело царю. Но впоследствии, когда его участие выяснилось, он был умерщвлен по приказу царя. Началось следствие, которое, конечно, производилось с утонченной жестокостью того времени, и прежде всего с применением арсенала всевозможных пыток. Особенно жестоко пострадал глава заговора Челяднин-Федоров. Он погиб не только сам с семейством, но и все его поместья с их обитателями и хранившимся там имуществом подверглись полному уничтожению. Описание этих подробностей у Шлихтинга имеет особое значение, как вероятное показание очевидца. В результате расследования измены оказалось, что она пустила свои корни очень глубоко и захватила высшие власти Новгорода, как светские, так и духовные, в союзе с наиболее близкими к царю лицами, как, например, князем Вяземским, которому царь особенно доверял.

Это и вызвало знаменитый разгром Новгорода, которому Шлихтинг в своем «Сказании» уделяет очень много места. Но можно думать, что он не был при этом лично. Этим легче всего объясняются некоторые неточности рассказа. Так, прежде всего Шлихтинг относит Новгородский поход к 1569 году, тогда как он начался только в декабре 1569 года, а к Новгороду царь подступил уже 2 января 1570 года. Далее, вопреки нашей летописи, Шлихтинг представляет дело так, будто из слободы царь прямо двинулся на Новгород, а потом уже опустошил Тверь и Торжок. Но участники похода Таубе и Крузе и Штаден воспроизводят летописный порядок.

Интересно свидетельство Шлихтинга, что во Пскове всю ярость и жестокость царь обратил против монахов. Между тем Карамзин, со слов наших летописей, говорит, что Грозный как раз не велел трогать иноков и священников. Можно думать, что прав скорее иностранец, так как в заговоре против царя духовенство принимало деятельное участие, за что и пострадало сильно в Новгороде; этого не отрицают и наши летописи.

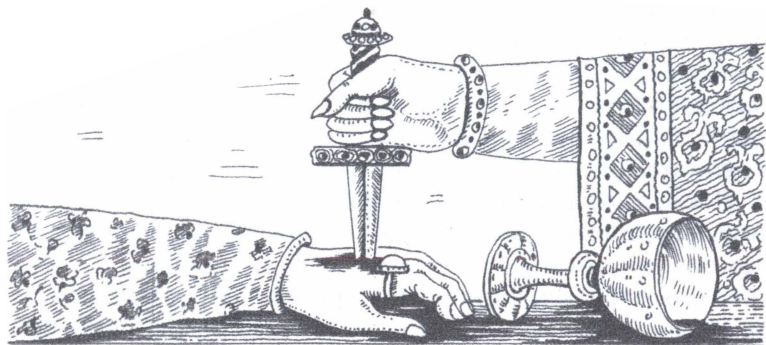
В описании Новгородского погрома обращает на себя внимание рассказ о массовом уничтожении товаров, накопившихся в течение двадцати лет. В этом нельзя не видеть стремления уронить торговое значение этого города, соперничавшего с Москвой.

В итоге открытия этой новой измены и были страшные казни, произведенные 25 июля 1570 года и описанные, судя по всему, Шлихтингом, как очевидцем.

В общем «Сказание» Шлихтинга дает сравнительно мало новых фактов, но освещает их по-своему.

Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича

Извлечения

Никто не мог знать ранее, каким характером и умственными способностями обладал Московский князь Васильевич, какой у него был произвол власти и какая жестокость по отношению к подданным. Посещавшие иногда Московию иностранцы были заняты исключительно торговыми делами и не видали самого князя, а если когда и видали, то не дерзали ничего расследовать и разузнавать из-за страха пред тираном, который обычно терзал удивительными и неслыханными муками иностранцев, обвиненных даже по самому легкому подозрению. Деяния его стали известными только с тех пор, как он взял Полоцк. С этого времени, при непрерывном продолжении войн, приобрели огласку, отчасти от бежавших пленников, отчасти от москвитов, не имевших никакой возможности переносить власть тирана и перешедших на сторону короля, жестокость князя и его тирания, превосходившая Неронову и сокрытая раньше в силу человеческого неведения. Таким именно образом человек военный и честный, Альберт Шлихтинг, померанский уроженец, взятый в плен москвитами у крепости

Перевод с латинского А. И. Малеина.

Озерище и задержанный там при московском дворе на семь лет, отметил несколько деяний этого тирана с тою целью, чтобы он стал известным всему миру как тиран, не столько по имени, но и по своим поступкам, превышающим всякую меру злодейства и жестокости. Узнать это Альберту было не трудно, так как его, в силу образованности и знания немецкого и русского языков, выпросил себе в качестве слуги и переводчика итальянский врач, бывший на службе у тирана. После семилетней службы у врача Альберт увидел, что и его жизни грозит опасность, и с согласия своего господина убежал в Польшу, где, улучив немного свободного времени, сделал следующую краткую запись о характере и владычестве тирана.

После взятия Полоцка, как это обычно бывает в счастливую пору, тиран обнаглел от удач судьбы и начал замышлять, как ему уничтожить своих приближенных, а особенно тех из них, кто отличался знатностью и древностью рода. Он считал таких лиц себе врагами за то, что они часто советовали ему править, как подобает справедливому государю, не жаждать в такой степени христианской крови, воздерживаться от несправедливых и недозволенных войн, а довольствуясь своими владениями, жить жизнью, достойною христианского государя; если же он хотел быть благородным и великодушным и стремился к войне, то должен был обратить свои замыслы и оружие против врагов креста Христова, татар и турок, которые, как он видел, часто опустошали соседнюю с ними Московию. Считая эти ненавистные советы за противные своим намерениям и подозрительные, он, обезумев от дерзости и задыхаясь от давно уже задуманного злодеяния, пользуется следующими уловками и коварствами при гибели великих и знаменитых древностью рода мужей, чтобы проявлять по своему произволу свое тиранство.

Был некто Димитрий Овчина, граф или, как они обычно называют, князь, пользовавшийся огромным влиянием в Московии; отец его был взят в плен под Стародубом и до последнего дня жизни находился под стражей в Литве во время той войны, когда польский король Сигизмунд произвел большое кровопролитие среди московитов и захватил Стародуб и многие другие города, а князя Овчину, начальствовавшего в ту войну над войсками московского владыки, увел пленником

в Литву. Так вот этого Дмитрия Овчину тиран пригласил на пир и за обедом усердно просил выпить за один глоток и дух кубок меда, сваренного согласно с нравами и обычаями страны, и этой чашей показать, как дороги для него здоровье и благополучие государя; влив эту сладкую и приятную чашу в свои внутренности, он может скорее всего засвидетельствовать, что готов без колебания пролить за это свою кровь. Наполненный медом, этот кубок доходил своими размерами приблизительно до шестнадцати кварт. Хотя Дмитрий видел, что это дело неосуществимое, однако охотно принимает обязательство выпить. Он рассчитывал так: если он случайно не выпьет кубка до конца (а он наверно знал, что это будет так), то государь не будет негодовать, а скорее похвалит его готовность и быстроту в повиновении. Итак, надув щеки и расширив горло, он пьет с такую жадностью, что переполненные внутренности изрыгнули мед обратно, и все же при этом он проглотил едва только половину чаши. Тиран, питая жестокий гнев в душе, все же не проявил немедленно своей ярости, но, наподобие ласкающейся собаки, слегка упрекнул князя за нерасположение к себе, говоря, что, во всяком случае, он знает, как ему надлежит обходиться с не очень-то расположенным рабом. И так как Овчина не мог тогда пить, то тиран предложил ему пойти к винным погребам, где хранятся принадлежащие тирану напитки, и там выпить за его здоровье и благополучие что ему угодно и сколько хочет и какого рода напиток ему понравится. Овчина исполняет поручение тирана не без охоты, полагая, что тот сказал это чистосердечно. К тому же, когда он хорошо выпил, его легко было убедить. Итак, Овчина входит в винные погреба с теми, кто по приказу тирана собирался угостить его таким роскошным пиршеством, а там ожидали его псаря, подготовленные и наученные тираном, чтобы, как только войдет князь Овчина, задушить его. Это и было исполнено, так как те отнюдь не отказывались от приказов тирана. Так погиб Овчина.

Причиной же его тайной гибели было то, что среди ссор и брани с Федором, сыном Басмана, Овчина попрекнул его нечестным деянием, которое тот обычно творил с тираном. Именно, тиран злоупотреблял любовью этого Федора, а он обычно подводил всех под гнев тирана. Это и было причиной того, что, когда князь Овчина выругал его за это, перечислив

в лицо ему заслуги свои и предков пред государями и отечеством, Федор, распалась гневом, с плачем пошел к тирану и обвинил Овчину. С этого уже времени тиран и начал помышлять о гибели Овчины. Совершив его убийство тем способом, о котором было сказано, тиран на следующий день послал к нему на дом слугу с приказом явиться во дворец, притворяясь, что совершенно ничего о нем не знает. Жена Овчины ответила, что со вчерашнего дня не видела мужа, который отправился во дворец великого князя и еще не возвращался. <...>

Пораженные жестокостью этого поступка, некоторые знатные лица и вместе верховный священнослужитель сочли нужным для себя вразумить тирана воздержаться от столь жестокого пролития крови своих подданных невинно без всякой причины и проступка. Они говорили, что христианскому государю не подобает свирепствовать против людей так, как против скотов; пусть он побоится справедливой кары Бога, который, обычно наказует за невинную кровь даже в третьем поколении. Несколько пораженный этим внушением и особенно тревожимый стыдом пред верховным священнослужителем, он, не находя никаких причин к оправданию, подал надежду на исправление жизни и в продолжение почти шести месяцев оставался в спокойствии. Между тем среди этого нового образа жизни он помышлял, как устроить опричнину, то есть проворных или воинов, стражей своего тела, или скорее покровителей своей тирании, как бы убийц, чтобы под защитой их охраны явиться на всеобщее избиение. Он притворился, будто тяготится своим владычеством, хочет сложить государеву власть, жить в отдалении и уединении, вести жизнь святую и монашескую. Поэтому, позвав к себе знатнейших вельмож, он излагает им, что замыслил сделать, показал им двух сыновей и назвал их правителями державы. «Душой моей, — сказал он, — овладело пресыщение властью, мне угодно повелевать только себе самому, отвлечь себя от забот и соблазнов мира сего и бежать от случаев к греху. У вас есть мои сыновья и по способностям и по возрасту пригодные к власти, их возьмите за вождей, за владык и повелителей. Если я когда-нибудь сделал что-либо выдающееся, что-либо достойное похвалы, то пусть все это распространится на пользу им, кого я делаю, ставлю вам в наследники своих доблестей и власти. Пусть они живут

с вами, пусть властвуют, пусть судят, пусть ведут войны. Если будет грозить вам какое-либо трудное и тяжкое для сил и плеч ваших дело, то вы будете иметь меня в нем советником, недалеко от вас живущим». Сказав это таким образом и упорядочив дела, он снес затем несколько тысяч строений и назначил место для дворца в отдалении возле реки Неглинной, омывающей Китай-город и впадающей также в знаменитую реку Москву, от которой называется обширный город Москва; она дала это имя Московитам, так как иначе они называются руссами или рутенами. Так вот в этом месте он выстраивает обширный дворец и окружает его высокой стеною, чтобы жить там пустынною. По соседству с этим дворцом он соединил особый лагерь, начал собирать опричнину, то есть убийц, и связал их с собой самыми тесными узами повиновения.

Когда наш король прикажет позвать к себе кого-нибудь, то достойно удивления отметить, как у этого человека ликует сердце, восхищен дух, каким счастливец считает себя тот, с кем хочет встретиться государь, и потому такое лицо уходит полное надежды получить милость в лицезрении государя. Но как солнце отличается от луны, так добродетель и милость нашего короля от тирании князя Московии. Если он прикажет прийти к себе какому-либо знатному сенатору или воину, тот, собираясь пойти к тирану, прощается с женой, детьми, друзьями, как бы не рассчитывая их никогда видеть. Он питает уверенность, что ему придется погибнуть или от палок, или от секиры, хотя бы он и сознавал, что за ним нет никакой вины. Именно, московитам врождено какое-то зложелательство, в силу которого у них вошло в обычай взаимно обвинять и клеветать друг на друга пред тираном и пылать ненавистью один к другому, так что они убивают себя взаимной клеветой. А тирану все это любо, и он никого не слушает охотнее, как доносчиков и клеветников, не заботясь, лживы они или правдивы, лишь бы только иметь удобный случай для гибели людей, хотя бы многим и в голову не приходило о взведенных на них обвинениях. При дворе тирана не безопасно заговорить с кем-нибудь. Скажет ли кто-нибудь громко или тихо, буркнет что-нибудь, посмеется или поморщится, станет веселым или печальным, сейчас же возникает обвинение, что ты заодно с его врагами или замышляешь против него что-либо пре-

ступное. Но оправдать своего поступка никто не может: тиран немедленно зовет убийц, своих опричников, чтобы они взяли такого-то и вслед за тем на глазах у владыки либо рассекли на куски, либо отрубили голову, либо утопили, либо бросили на разгребание собакам или медведям.

Выстроив таким образом дворец, он начал там жить с многочисленной стаей своих опричников или убийц, которую набрал из подонков-разбойников. Если он примечал где-нибудь человека особо дерзкого и преступного, то скоро привлекал его к сообществу и делал слугою своего тиранства и жестокости. Как только он почувствовал свою достаточную крепость от такой охраны, он снова стал подумывать о том, что прекратил якобы под предлогом религии по совету некоторых лиц и по внушению священнослужителя, а именно об истреблении знаменитых мужей и особенно славных древностью своего рода. Ко всем воеводам, которые были у него в лагере, он посылает конных опричников или убийц, чтобы они под предлогом дружбы оставались и жили с воеводами, улучая время, когда увидят их в сопровождении меньшего числа рабов или в храме, или дома, или где только найдут удобным, чтобы захватить их там, затем убить и рассечь на куски. После убийства такого человека, если у него есть родственники, друзья и близкие, то, живут ли они во дворце или нет, тиран приказывает всех их умертвить, поручая убийцам произвести на них натиск въявь, по дороге, в то время, когда они направляются во дворец, напасть и зарезать. Затем он разыскивает виновников убийства, как будто ему ничего не известно, но обычно никого не открывает и не наказывает. Через убийство такого рода он уничтожил очень многих из знатных семейств и уничтожает и поныне, совершенно забыв о добродетели и человечности.

Приблизительно таким же образом он повелел умертвить князя Ростовского, который жил в Нижнем Новгороде. Так как этот князь обычно обращался с пленными слишком милостиво и не слыл в отношении их свирепым и жестоким, то в силу этого он был заподозрен в желании якобы перебежать к королю польскому и воевода полоцкий обещал ему озаботиться о доставке его невредимым. К этому князю тиран послал 30 воинов из опричнины с поручением отрубить ему голову и доставить к себе, что и было исполнено. Именно, когда Ростовский вошел в храм помолиться, вскоре в храм вбегают

убийцы и говорят ему: «Князь Ростовский, ты пленник веле-нием великого князя». Несчастный, бросив палку, которой он пользовался в качестве отличительного признака занимаемой им должности, этим как бы сложил с себя должность. Именно, существует такой обычай, что те, кто находится в должности, обычно носят палку, которую дает государь в знак власти и управления. Захватив таким образом несчастного, они вслед за тем сняли с него платье, которое он носил, так что он остался голым; также и его рабов, в количестве более со-рока, захваченных таким же образом, они бросили в тюрьму, и Ростовского, связанного, положенного на повозку и одетого в грязное платье, увезли с собою. Отъехав от Новгорода на расстояние приблизительно трех миль, подводчики остано-вились и начинают топорами разбивать лед на реке, чтобы об-разовать прорубь. Ростовский, как бы пробудившись ото сна, а он был привязан к повозке, и на его теле сверху сидели двое, спрашивает, что они хотят делать. Те отвечают, что собирают-ся напоить коней. «Не коням, — сказал Ростовский, — гото-вится эта вода, а голове моей». И он не обманулся в этой догад-ке. Именно: один из убийц, слезши с коня, отрубил ему вслед за тем голову, а обезображенное тело его велел бросить в реку, голову же взял с собою и отнес ее к самому тирану. Увидев ее, тиран как бы погрозил ей и, коснувшись пальцем, произнес следующие слова: «О, голова, голова, достаточно и с избыт-ком пролила ты крови, пока была жива; это же сделаешь ты и теперь, раз имеешь крючковатый нос!» Затем, наступив на голову и оттолкнув ее ногою, он велел бросить ее в реку. <...> Из семейства Ростовских было приблизительно шестьдесят человек, которых всех он уничтожил до полного истребления.

При возвращении своем в Москву, в то время, когда поль-ский король, разбив лагерь у Радошковиц, желал преследовать его с войском, тиран счел подозрительными для себя некото-рых из воинов, и среди других князя Иоанна Петровича, вое-воду Московского, которого признавал более благоразумным среди других и <...> которого обычно даже оставлял вместо себя в городе Москве, всякий раз как ему приходилось отлу-чаться из-за военных действий. Так вот у этого Иоанна он от-нял все, что у того было, огромное количество золота, серебра, жемчуга, платья, всей посуды и домашней утвари, <...> так что из богатого и состоятельного сделал его крайне бедным. Со-

вершив это, тиран приказал ему отправиться на войну против татар, хотя у того не было во что одеться и на чем ехать. Иоанн, как нищий, выпросил у одного монаха коня и отправился на войну. По возвращении тиран требует его к себе, куда созваны были также почти все бывшие у него тогда воины. Иоанн понял, что ему надо идти на казнь, и потому приветствовал жену, детей и всех друзей и после продолжительного прощания с ними, как бы не рассчитывая никогда их увидеть, поспешил к тирану. Когда он прибыл во дворец и тиран его увидел, то тотчас приказал дать ему одеяния, которые носил сам, и облечь его в них, дал ему в руки скипетр, который обычно носят государи, препоручил ему взойти на царственный трон и занять место там, где обычно сидел сам великий князь. Как только Иоанн исполнил это с тщетными оправданиями <...> и воссел на царственном троне в княжеском одеянии, тотчас сам тиран поднялся, стал перед ним и, обнажив голову, оказал ему почет, преклонив колена, и сказал ему так: «Ты имеешь то, чего искал, к чему стремился, чтобы быть великим князем Московии и занять мое место; вот ты ныне великий князь, радуйся теперь и наслаждайся владычеством, которого жаждал». Затем после короткого промежутка он снова начинает так: «Впрочем, — сказал он, — как в моей власти лежит поместить тебя на этом троне, так в той же самой власти лежит и снять тебя». И, схватив нож, он тотчас несколько раз бросил его ему в грудь и заставлял всех воинов, которые тогда были, пронзать его ножами, так что грудные кости и прочие внутренности выпали из него на глазах тирана. Непосредственно за тем Иоанна протащили за ноги по всему Кремлю к городу, и он брошен был на середине площади, являя жестокое зрелище для всех. Вслед за тем тиран приказал бросить в реку главных слуг его, а потом и всех остальных.

В крепости Коломна, которую несколько ранее тиран дал воеводе Иоанну, было много чужеземных граждан; всех их, а их было более трехсот, тиран приказал утопить в реке, считая их участниками замысла воеводы Иоанна, между тем как тот не повинен был даже в дурном подозрении, а явил себя и верным гражданином отечеству, и слугою тирану.

Умертвив таким образом воеводу Иоанна, его семейство и всех граждан, тиран, сев на коня, почти год объезжал с тол-

пой убийц его поместья, деревни и крепости, производя повсюду истребление, опустошение и убийства. Захватив в плен некоторых воинов и данников <...> тиран велел обнажить их, запереть в клетку или маленький домик и, насыпав туда серы и пороха, зажечь, так что трупы несчастных, поднятые силой пороха, казались летающими в воздухе. Тиран очень забавлялся этим обстоятельством и воображал, что таким убийством людей он устроил себе подобие трофея и триумфа. Весь крупный и мелкий скот и лошадей, собранных в одном месте, тиран приказал рассечь на куски, а некоторых и пронзить стрелами, так что он не пожелал оставить живым в каком-либо месте даже и маленького зверька. Поместья и кучи хлеба он зажигал и обращал в пепел. Он приказывал убийцам насиловать у него на глазах жен и детей тех, кого он убивал, и обращаться с ними по своему произволу, а затем умерщвлять. Что же касается жен поселян, то он приказал обнажать их и угонять в леса, как скот, причем тайно были расположены засады из убийц, чтобы мучить, убивать и рассекать этих женщин, бродивших и бегавших по лесам. Такого рода жестокость проявил тиран при опустошении деревень и поместьев Иоанна, воеводы Московского, а жену его приказал постричь и удалить в монастырь, где она и умерла. Таким образом уничтожил он род и все семейство столь великого мужа, не оставляя в живых совершенно ни одного его свойственника или родственника. <...>

Не следует, кажется, пропускать и того, что сделал тиран с казначеем своим Хозяином Дубровским. Именно, он приказал своему зятю графу Михаилу Темрюковичу сделать нападение на его дом и похитить его, сам сём, с женою и детьми, что тот и исполнил и отвел его после похищения на площадь. И тиран приказал отрубить ему голову с женою, тремя сыновьями и дочерью в возрасте пятнадцати лет, а имущество его отдал в добычу своему зятю. Но при этом нападении на дом случайно ускользнула дочь и спряталась в укромном месте, но после самых тщательных поисков ее привели вместе с родителями и братьями и поразили секирой. Кроме того, одновременно тиран убил брата этого казначея.

Надо еще написать о том, как сильно любит тиран своего зятя Михаила Темрюковича. Тиран не пропускает никакого

случая оказать ему свое расположение, понятно, в течение тех двадцати или тридцати дней, когда он не свирепствует. Но как только душа его воспламенится чем-либо возбуждающим жестокость и вспыльчивость, он приказывает привязать к каждому воротам (его дома) пару или две диких медведей, в силу чего несчастный не может выйти не только сам, но и никто вообще, и при этом по необходимости ест и пьет, что есть у него дома, так как достать из другого места трудно: от страха пред медведями никто не смеет ни входить в этот дом, ни выходить из него. <...>

Раз вышло так, что кучер великого князя Московского, везя воду, встретился с кучером зятя тирана, Михаила Темрюковича. Случайно между ними возникла ссора, и кучер Михаила побил кучера великого князя Московского. Этот второй кучер в негодовании на обиду пошел к главному начальнику двора и обвинил своего противника. Дело дошло до того, что заведующий двором доложил об этом происшествии самому князю Московскому. Выслушав это, тот тотчас посылает убийц из опричнины на двор зятя и поручает им повесить на воротах двора трех главных служителей его, что и было исполнено, и зять, выходя ежедневно из дому, принужден был, так сказать, нагибаться под виселицей своих служителей, а висели они на том месте приблизительно четырнадцать дней.

Примерно в том же году, вернувшись из Великих Лук, тиран приказал своим убийцам из опричнины рассечь на куски канцлера Казарина Дубровского. Те, вторгшись в его дом, рассекли его, сидевшего совершенно безбоязненно с двумя сыновьями, как самого, так и сыновей, а куски трупов бросили в находившийся при доме колодец. Причиной же столь свирепого и жестокого убийства было не что иное, как обвинение Казарина обозниками и подводчиками в том, что он обычно брал подарки и равным образом устраивал так, что перевозка пушек¹ выпадала на долю возчиков самого великого князя, а не воинов или графов.

¹ Она представляла огромные трудности. Ульфелд, посетивший Россию в 1575 году, рассказывает, что видел, как одно орудие «належащей величины тащили 800 человек». — *Здесь и далее, если не оговорено особо, примеч. переводчика А. И. Малеина.*

У этого канцлера оставался единственный сын, который рано утром того дня, когда в четвертом часу ночи был убит отец, отправился на свадьбу с намерением жениться. Узнав про убийство отца и братьев, он не посмел вернуться домой, но, как бродячая овца, скитался почти в течение одного года. Тирану рассказали, что до сих пор еще остается в живых один сын канцлера и скитается по стране. Услышав это известие, он распалился гневом и приказал искать его повсюду, а когда его нашли и привели, препоручил растерзать его петлями на четыре части. Именно: каждая рука и нога была привязана веревкою и затем растащена силою, а всякую веревку тащат пятнадцать палачей, так что, будь тело даже железным, его легко можно растерзать. О жестокость более чем варварская! Но у тирана в обычае самому собственными глазами смотреть на тех, кого терзают пытками и подвергают казни. При этом случается, что кровь нередко брызжет ему в лицо, но он все же не волнуется, а, наоборот, радуется и громко кричит, изображая человека, ликующего и радующегося: «Гойда, гойда»¹. И все подонки, убийцы и солдаты, подражая ему, также кричат: «Гойда, гойда». Но если тиран замечает, что кто-нибудь молчит, то, считая его соучастником, он прежде спрашивает, почему тот печален, а не весел, а затем велит разорвать его на куски.

Привычка к человекоубийствам является у него повседневной. Как только рассветает, на всех кварталах и улицах города появляются прислужники опричнины или убийцы и всех, кого они поймают из тех, кого тиран приказал им убить, тотчас рассекают на куски, так что почти на каждой улице можно видеть трех, четырех, а иногда даже больше рассеченных людей и город весьма обильно наполнен трупами. А стоит тирану заметить, что народ взолнован столь сильной жестокостью, он переселяется в другое место, чтобы своим отсутствием успокоить скорбь людей. Обычно он часто уезжает из города Москвы в Александровский дворец, в каком-то месте он обычно применяет другой способ губить людей, кого он решил убить.

¹ Собственно «гайда» — тюркское слово для выражения поощрения. Буквально «пойдем». Во всем «Сказании» заметно, при передаче русских слов, неоднократное предпочтение звука «о» пред «а».

Он приглашал их к себе под предлогом расположения: в результате каждый день двадцать, тридцать, а иногда и сорок человек он велит отчасти рассечь на куски, отчасти утопить, отчасти растерзать петлями, так что от чрезмерной трупной вони во дворец иногда с трудом можно проехать.

Старший сын его не непохож на отца по своим добродетелям. Когда он проходит мимо трупов убитых или снятых с шеи голов, то являет дух, жаждущий еще большей кары, скрежещет зубами, наподобие собаки, ругается над трупами, поносит их, а также протыкает и бьет палкой всех их, укоряя убитых за неверность в отношении к его отцу, великому князю Московскому. А коль скоро насытит он глаза жестокостью, то в конце концов возвращается к отцу. Всякий раз, как тиран приглашает кого-нибудь явиться к нему в Александровский дворец, тот идет как на Страшный суд, оттуда ведь никто не возвращается. А если кому выпадет такое счастье выбраться оттуда живым, то тиран посылает опричников устроить засаду по пути, ограбить возвращающихся и отпустить их домой голыми. Так поступил он с Федором Умным, которого отправил послом к Польскому королю. По прошествии нескольких дней тиран велит Умному явиться к нему в убранстве и наряде, как будто приглашенному на торжество и на пир. Тот является прикрашенным и изящным в сопровождении 40 друзей и челядинцев, нарядившись так, чтобы угодить желанию государя и снискать у него милость. Во время пути, однако, он, печальный, «ликом притворно надежду являет, в сердце глубоко скорбь сокрывает»¹, так как не надеялся вернуться оттуда живым. Когда он явился в Александровский дворец с друзьями товарищами своего посольства, которых привел с собой, то тиран принял его благосклонно и обошелся ласково. После роскошного приема тиран напоил его до опьянения, одарил мехами и платьями огромной ценности и отпустил весьма милостиво, поручив ему вместе с остальными воинами заботу о городе Москве. Но прежде чем велеть ему удалиться, он тайно послал вперед убийц из опричнины с тем, чтобы перехватить его на дороге, отнять у него все имущество и пустить домой голым, что и было сделано. Именно, произведя напа-

¹ Вергилий, Энеида, I, ст. 213.

дение, те отняли у них и имущество и лошадей и оставили всех нагими, так что от холода (тогда была зима) некоторые потеряли ноги, другие — руки, а третьи — даже жизнь. Сам Умный, заполучив довольно грязный плащ, проделал пешим путь вплоть до города Москвы. А город Москва отстоит от Александровского дворца на тридцать шесть немецких миль. Что же касается добычи, то похитители доставили ее тирану, и он велел положить ее в казну.

По отношению к религиозности тирана и его богопочитанию надлежит заметить следующее. Живя в упомянутом Александровском дворце, словно в каком-нибудь застенке, он обычно надевает куколь, черное и мрачное монашеское одеяние, какое носят братья базилиане, но оно все же отличается от монашеского куколя тем, что подбито козьими мехами. По примеру тирана также старейшины и все другие принуждены надевать куколи, становиться монахами и выступать в куколях, за исключением убийц из опричнины, которые исполняют обязанность караульных и стражей. И так великий князь встает каждый день к утренним молитвам и в куколе отправляется в церковь, держа в руке фонарь, ложку и блюдо. Это же самое делают все остальные, а кто не делает, того бьют палками. Всех их он называет братией, также и они называют великого князя не иным именем, как брат. Между тем он соблюдает образ жизни, вполне одинаковый с монахами. Заняв место игумена, он ест один кушанье на блюде, которое постоянно носит с собою; то же делают все. По принятии пищи он удаляется в келью, или уединенную комнату. Равным образом и каждый из остальных уходит в свою, взяв с собою блюдо, ножик и фонарь; не уносить всего этого считается грехом. Как только он проделает это в течение нескольких дней и, так сказать, воздаст Богу долг благочестия, он выходит из обители и, вернувшись к своему нраву, велит привести на площадь толпы людей и одних обезглавить, других повесить, третьих побить палками, иных поручает рассечь на куски, так что не проходит ни одного дня, в который бы не погибло от удивительных и неслыханных мук несколько десятков человек.

Но пора нам описать, с какими муками и с какой жестокостью свирепствовал он против Новгородской и Псковской области. Все еще страдая жаждой человеческой крови, он осо-

бенно сурово приказал, под угрозой кары секирой и палками, чтобы из города Москвы никто не смел отправляться по проезжей дороге, которая ведет в Новгород, ни мужчина, ни женщина, напоследок даже ни собака или какая-нибудь скотина. Отправляясь же из Александровского дворца в Новгород, он посылал вперед шестьсот всадников и столько же оставлял на ходу сзади себя; равным образом он рассылал также людей во круг, с правого и с левого боку, чтобы никто не прошел в Новгород. Если упомянутые всадники натыкались на кого-либо, будь то даже раб или челядинец тирана, или также сам он на пути заставал кого-нибудь, то всех убивал, чтобы молва об его прибытии не опередила и он мог тем легче застичь новгородцев, не ожидавших его и нисколько не думавших о нем. Так же поступали те, кто занимал правое и левое крыло; поэтому даже и собака не могла быть предвестницей его приближения. А всех встречных он приказывал убивать, так как мало доверял и своим, про которых знал, что они хорошо расположены к польскому королю. И если бы польский король не вернулся из Радошковец и не прекратил войны, то с жизнью и властью тирана все было бы покончено, потому что все его подданные были в сильной степени преданы польскому королю. <...> Этот поход продолжался почти семь недель, так что никто не мог знать, жив ли тиран или где-нибудь задержан пленником. И новгородцы не узнали об этом раньше, чем он находился на расстоянии мили от города; тогда-то они стали кричать, что для них наступает Страшный суд. При всякой остановке, или в городе, или в поместье, он обычно выходил и избивал всех людей и скот, сожигал поместья и избы. Так же поступали и все остальные, которыми как я сказал, он был окружен сзади и спереди и с того и другого бока.

Вступив в Новгородскую область, он посылал из лагеря вперед тысячу и более всадников с приказанием перебить всех воинов этой области, а других он точно так же отправлял в город с поручением грабить. Сам он держался в лагере в миле от города, делая по временам набеги на город с целью избиения людей и терзания их удивительными муками, именно: одних он рассекал, других прокалывал копьем, пронзал стрелами. Обычным родом казни у него был тогда следующий: он приказывал ограбить частоколом обширное место, поручал при-

вести туда огромную толпу знатных лиц и купцов, которых знал за выдающихся, садился на коня с копьём в руке и, пришпорив коня, пронзал копьём отдельных лиц, а сын его смотрел на эту забаву и одинаково занимался тою же игрой. Когда конь уставал, тиран сам, «усталый, но не насыщенный»¹, возвысив голос, кричал убийцам из опричнины, чтобы убивали без разбора всех и рассекали на куски. Те, унося оттуда куски, бросали их в реку. Был придуман и другой способ казни: множество людей получало приказ выйти на воду, скованную льдом, и тиран приказывал обрубить топорами весь лед кругом; и затем этот лед, придавленный тяжестью людей, опускал их всех в глубину. Тиран не пропускал ни одного рода жестокости при умерщвлении людей, и в городе Новгороде он убил их, после предания удивительным терзаниям и мукам, 2770 из более знатных и богатых², не считая лиц низкопоставленных и беспредельного количества черни, которую он уничтожил всю до полного истребления. В Новгородской области было приблизительно сто семьдесят монастырей, все их он ограбил и опустошил, а всех монахов и священников в них перебил.

Когда же тиран Московии вступил в Новгород, епископ этого города пригласил его к обеду, от чего тот отнюдь не отговаривался. На это же пиршество было приглашено также большинство настоятелей из различных монастырей. Когда обед кончился и были уже убраны столы, тиран зовет к себе телохранителей и велит им разграбить и разгромить храм Св. Софии, расположенный среди города. Кроме того, желая воздать епископу благодарность за его щедрость, он велит стащить с его головы тиару, которую тот носил, а вместе с тем снимает с него все епископское облачение и лишает его также сана, говоря: «Тебе не подобает быть епископом, а скорее скорморохом. Поэтому я хочу дать тебе в супружество жену». Обратившись далее к другим монахам, он произнес следующие

¹ Ювенал, сат. VI, ст. 130.

² Вообще же число жертв новгородского погрома передается весьма различно. Таубе и Крузе определяют их в 27 000. Псковская летопись — в 60 000, Горсей даже в 700 000 (Ср.: Русск. историч. журнал, кн. 8, с. 20). Духовник польского посольства Джерио дает 18 000 (*Historica Russiae monumenta*, т. I, с. 214).

слова: «Прошу вас пожаловать ко мне в гости. Но я хочу, чтобы всякий отметил свое участие в устройстве этой свадьбы». И он заставил каждого из них выплатить по размерам своих средств определенную сумму денег, именно: всех архимандритов по 2000 золотых, настоятелей по 1000, а из остального количества монахов одни заплатили по 500, другие по 300 червонцев. Когда участие было таким образом отмечено и выполнено, тиран велит привести кобылу и обращается к епископу: «Получи вот эту жену, влезай на нее сейчас, оседлай и отправляйся в Московию и запиши свое имя в списке скорморохов». Далее, когда тот взобрался на кобылу, тиран велит привязать ноги сидевшего к спине скотины и, удалив его таким образом из города и прогнав с епископства, велит ему отправляться по назначенной дороге. И когда тот уже удалился, он опять велит позвать его к себе и дает ему взять в руки музыкальный инструмент, мехи (и) лиру со струнами. «Упражняйся в этом искусстве, — сказал тиран, — тебе ведь не остается делать ничего другого в особенности после того, как ты взял жену» И вот этот епископ, не умевший до того играть на лире, верхом на кобыле по приказу тирана удалился в Москву, бряцая на лире и надувая мехи. Что касается остальных монахов, то у одних из них тиран отнял все имущество, а других после жестоких мучений умертвил.

Свершив это, он удалился из Новгорода и разбил палатки в полумиле от города. Тем временем он велит схватить одного знатного и именитого человека, главного секретаря Новгородского Федора Ширкова. Велев привести его к себе, он приказывает привязать его посредине (туловища) к краю очень длинной веревки, крепко опутать и бросить в реку, по имени Волхов, а другой конец веревки он велит схватить и держать телохранителям, чтобы тот, погрузившись на дно, неожиданно не задохся. И когда этот Федор уже проплавал некоторое время в воде, он велит опять вытащить несчастного и спрашивает, не видал ли он чего-нибудь случайно в воде. Тогда тот ответил, что видел злых духов, которые живут в глубине вод <...> и они вот-вот скоро будут здесь и возьмут душу из твоего тела. За подобный ответ тиран велит вернуть его в лагерь, поставить ему ноги до колен в котел и поручает обварить их кипятком, желая выпытать у него муками, нет ли где у него спрятанных

денег. <...> И тиран выпытал у этого несчастного двенадцать тысяч серебряной монеты, которой только одной, а не другой они пользуются.

После этих неслыханных истязаний, которые в свирепости своей тиран проявил к Федору, вымученную большую сумму денег и имущество он положил в свою казну, а тело этого мертвеца препоручил разрубить на части и разрубленное таким образом бросить в реку. Тот же конец имел и родной брат Федора, по имени Алексей. Вообще, несчастные граждане новгородские получили такой урон и ущерб для своего имущества, что едва ли кто-либо из людей мог выплатить и восстановить им это по справедливой оценке. Этот город был зажиточен издревле, и купцы в нем были очень влиятельные и богатые; в их домах все помещения были загромождены и наполнены разнообразными товарами. Кроме того, там были огромные круги воска, запас сала и жира от разных животных, очень большие кучи шелка и дорогого платья. Все это хранилось собранное двадцать лет тому назад. Впрочем, весь шелк он распределил своим телохранителям, а серебро и золото было положено в государеву казну. Остальные товары были уничтожены, так как дома горожан были спалены огнем. Таким образом этот старый город славян, местопребывание князей новгородских, можно видеть уничтоженным и сровненным с землей. <...>

По разрушении города Новгорода тиран отправил 500 всадников в знаменитый торговый город Нарву, так как туда новгородцы ранее отвезли свои товары, и приказал через бирючей объявить повсюду, чтобы никто не смешивал своих товаров с новгородскими. Лишь только это было исполнено, он повелел все (товары) предать огню. Если кто был уличен в заключении тайного соглашения, то их также он приказывал рассечь живыми и рассеченных бросить в воду, а товары были равным образом сожжены.

Во время той тирании, которую он проявил к новгородским гражданам, он препоручил выгнать всех нищих за город и выгнанных заставил пребывать под открытым небом, в то время как все было бело от снега и замерзло от холода. Граждане также, желая избежать гибели, грозящей городу, в большинстве облеклись в одеяние нищих и дали себя выгнать вместе с ними. Огромное большинство из них, изнуренное голодом

и холодом, погибло, а многие украдкой отправлялись ночью в город, полный трупов, крали тела убитых и питались ими, похищенными тайно. Остальные тела, которые они не могли потребить, они хранили посоленными в бочках. <...>

После разрушения Новгорода он отправляется в город Псков. Несчастные граждане, желая отвратить его жестокою душою от намеченного плана своим гостеприимством и обходительностью, выносят, каждый пред своим домом, уставленные и крытые скатертями столы, на которые кладут хлеб и соль. Отдельные лица, высыпав из города, кланяются ему и просят не побрезговать их убожеством, а лучше принять благосклонно хлеб и соль, которые они подносят и препоручают ему все свое и себя самих, подтверждая его право распоряжаться их жизнью и имуществом. Тиран, побежденный их унижением и покорностью, пощадил, правда, их жизнь, но разграбил все же их имущество <...>. Всю же ярость и жестокость он обратил против монахов, из которых одних он отчасти приказал рассечь на куски, отчасти задушить в воде, а храмы были опустошены, и все колокола уничтожены. <...>

Торжок и Тверь

В этих городах он проявил то же самое тиранство, как и в Новгороде. Пленных поляков, которые после взятия Полоцка были уведены сюда, он рассек на куски приблизительно в количестве 500. Он приказал также вывести 19 пленных татар, которые, услышав, что произошло с поляками, спрятали у себя в рукавах ножи. В то время как против них, поставленных подряд, обнажали мечи, каждый из татар по данному знаку схватывает нож и пронзает напавших телохранителей, в особенности же вождя этого тиранства они пронзили так жестоко, что из него выпали внутренности. Он уже раненый, видя себя попавшим в великую опасность, велит сообщить тирану, что сделали татары. Тот, получив известие, немедленно посылает стрельцов с приказом прикончить татар ружейными пулями, а затем рассечь на куски. <...> Тиран разослал своих телохранителей и по другим крепостям <...>. Как только телохранители являются в эти замки, они выводят из тюрьмы пленных

и прежде всего снимают с них оковы, говоря, что им надлежит всем идти только связанными и предстать пред трибуналом знатных лиц, которые хотят отпустить их на свободу в Польшу с целью обмена одних пленных на других. Те спрашивают, почему они уводят только одних мужчин, а оставляют в тюрьме женщин и детей. Телохранители отвечают, что жены также должны последовать непосредственно вместе с детьми. Когда мужчины были наконец уведены из глаз женщин, каждому из них завязывают руки за спину, затем сажают на повозки и привозят на лед, а там через отверстия во льду, прорубленные уже заранее, свергают их в воду. На третий день спустя приходит в тюрьму к женам и детям потопленных один москвит и объясняет, как поступили с мужьями, а вместе советует приготовиться к смерти. Несчастные, видя неизбежность этого, просят и умоляют, чтобы им позволено было исповедать свои грехи пред священником. Телохранители предоставили им время для молитвы в течение двух часов. После молитв каждая из них привязывает себе детей на плечи, и в таком виде они идут на казнь. Когда они сошли на лед, телохранители приказывают им самим броситься в воду, но те не желали сами причинять себе смерть. Телохранители схватывают их без всякого промедления по две или по три вместе и сбрасывают в воду вместе с детьми, которые были у них привязаны. Народ по чувству сожаления сопровождал их участь плачем и слезами, но телохранители пригрозили им не поднимать воплей и воздержаться от слез, если хотят избежать подобной кары.

Тимофей Масальский при взятии Полоцка был взят в плен тираном московским и содержался под стражей, в то время как имущество Иоанна Петровича подвергалось разграблению. Среди этих событий один из рабов Петровича, видя, что у его господина отнимают все, унес также лично для себя позолоченную кольчугу, которую прятал некоторое время и не смел никому продать. По прошествии времени он пришел в тюрьму, куда ввергнут был князь Тимофей, и передал упомянутую кольчугу на хранение одному москвиту, узнику той же тюрьмы, по имени Михаил Димов, и другому, как свидетелю этого залога, Козьме Козову. Эти два лица немного ранее были лазутчиками в Литве. Михаил закладывает эту самую кольчугу князю Тимофею за три серебряника. Тимофей, опасаясь, что кто-нибудь

украдет кольчугу, передает ее отнести домой рабу, которого недавно выкупил из английского плена; этот раб часто посещал господина, когда тот сидел в тюрьме. Раб, получив кольчугу, собирался уже уходить, когда об этом деле узнал начальник тюрьмы. Он вернул раба, бросил в тюрьму, отнял кольчугу и удержал у себя. В тюрьме содержались также два московские стрельца, которые, желая войти в милость у тирана, открывают дело неким боярам, говоря, что начальник тюрьмы спрятал кольчугу Иоанна Петровича, воровски утаенную и отнятую Тимофеем Масальским. Бояре же выпустили стрельцов из тюрьмы и посылают их скованными к тирану в Александровский дворец с прочими упомянутыми лицами. Тиран тотчас привлекает их к допросу по этому делу, желая знать, не спрятали ли они еще что-нибудь из имущества Иоанна Петровича. Но когда те заявили, что у них более ничего нет, он велит их утопить с князем Тимофеем в субботу пред праздником Пасхи. А начальника тюрьмы, отосланного обратно в Москву, он зарубил топором, над стрельцами же сжалился и выпускает их из тюрьмы. Из-за одной кольчуги погибли шесть человек.

Димитрий Васильевич¹, который был начальником над воинскими орудиями, чинил обиды стрельцам, не выплачивая им жалованья. Было также несколько польских стрельцов, увезенных из Полоцка, которых тиран приставил к своим орудиям. Они также из-за полученных обид убегают, во время бегства снова были схвачены и, привлеченные к допросу, объясняют причину бегства, что, мол, Василий отправил их в Литву. Узнав это, тиран зовет его к себе и велит пытать. Тот, не стерпев пытки, сознается в совершенном проступке. Тиран тотчас велит посадить его на телегу, привязать его к ней и ехать на лошади, у которой предварительно выкололи глаза, и гнать слепую лошадь с привязанным Василием в пруд, куда он и свалился вместе с лошастью. Тиран, видя, что он плавает на поверхности вод, воскликнул: «Отправляйся же к польско-

¹ А. Гваньини в «Описании Московии» называет его Василий Дмитриевич, дальше и сам Шлихтинг два раза называет его Василием, П. Одерборн («Жизнь Иоанна Васильевича, великого князя Московского») упоминает это лицо в числе полководцев, отправленных для взятия Казани.

му королю, к которому ты собирался отправиться, вот у тебя есть лошадь и телега». А тот, поплавав некоторое время, был поглощен водой. <...>

Тиранство его над женщинами

У этого тирана есть много тайных доносчиков, которые доносят, если какая женщина худо говорит о великом князе тиране. Он тотчас велит всех хватать и приводить к себе даже из спальни мужей; приведенных, если понравится, он удерживает у себя, пока хочет; если же не понравится, то велит своим стрельцам насиловать ее у себя на глазах и таким образом изнасилованную вернуть мужу. Если же у него есть решение убить мужа этой женщины, то он тотчас велит утопить ее в реке. Так поступил он год тому назад с одним из своих секретарей. Именно: похитив его жену с ее служанкой, он держал ее долгое время. Затем обеих изнасилованных он велит повесить пред дверями мужа, и они висели так долго, пока тиран не приказал перерезать (петлю). Так же поступил он с одним из своих придворных. Именно: захватив его жену, он хранил ее у себя и, после обладания ею до пресыщения, отсылает обратно мужу, а потом велит повесить на балке над столом, где муж ее с семейством обычно принимал пищу. Висела она там так долго, пока это было угодно тирану.

Когда он опустошал владения воеводы Иоанна Петровича, то в лагере у него были отборнейшие женщины, выдающейся красоты, приблизительно в количестве 50, которые передвигались на носилках. Для охраны их он приставил 500 всадников. Этими женщинами он злоупотреблял для своей похоти. Которая ему нравилась, ту он удерживал, а которая переставала нравиться, ту приказывал бросить в реку.

Тиран — толкователь сновидений

В тюрьме содержался один сын некоего знатного человека. Так как тюрьма уже надоела несчастному, то, желая войти в милость к тирану, он выдумал, что видел сон, якобы поль-

ский король попал в плен и приведен к тирану. Тот велел вызвать узника из тюрьмы и спрашивает, что за сон он видел. Тот ответил, что видел во сне, будто польский король взят в плен и, приведенный к тебе, стоял в оковах. Выслушав его, тиран тащит несчастного к допросу, желая выудить причину этого выдуманного сна. Он подвергался пыткам до такой степени, что едва остался в живых, и под пытками вынужден был сознаться, что выдумал сон, чтобы благодаря ему получить свободу. Но несчастный обманулся в своей надежде. Именно: тиран велит его опять втолкнуть в тюрьму, говоря, что его надо держать до тех пор, пока к нему, тирану, не приведут пленником польского короля и сон не оправдается.

Однажды пришел к тирану некий старец, по имени Борис Титов, и застал тирана сидящим за столом, опершись на локоть. Тот вошел и приветствует тирана; он также дружески отвечает на приветствие, говоря: «Здравствуй, о премного верный раб. За твою верность я отплачу тебе неким даром. Ну, подойди поближе и сядь со мною». Упомянутый Титов подошел ближе к тирану, который велит ему наклонить голову вниз и, схватив ножик, который носил, взял несчастного старика за ухо и отрезал его. Тот, тяжело вздыхая и подавив боль, воздает благодарность тирану: «Воздаю благодарность тебе, господин, за то, что караешь меня, твоего верного подданного». Тиран ответил: «С благодарным настроением прими этот дар, каков бы он ни был. Впоследствии я дам тебе больший». <...>

Узнай также про охоту тирана. В зимнее время, как только какая-нибудь кучка людей соберется по обычаю на площадь для покупки необходимых предметов, тиран тотчас велит тайком выпустить в середину толпы диких медведей. Люди, при виде медведей, от неожиданности и не подозревая ничего подобного, разбегаются, а медведи преследуют бегущих и, поймав людей, валят их и, растерзав, забивают насмерть.

Если жены умерших жалуются тирану на обиду, полученную от медведей, то он велит отсчитать им три серебряника, как плату с головы. Если кто-нибудь скажет, что это позор таким жалким образом уничтожать и терзать людей зверями, то прихлебатели отвечают: «Нет никакого позора, а скорее утеха для государя и сыновей его, которые страстно наслаждаются такими зрелищами».

Если тирану любо усладить свою душу охотой в Александровском дворце, то он приказывает зашить кого-нибудь из знатных лиц в шкуру медведя и зашитому выступать на четвереньках, на руках и на ногах. Наконец он выпускает собак чудовищной величины, которые, принимая несчастного за зверя, разрывают и терзают его на глазах самого тирана и сыновей его. Таковы его зрелища и охоты.

Все московиты чуждаются телятины и считают большим позором, если кто ею питается. Вышло так, что когда крепостные крестьяне тирана были посланы в Вологду для постройки крепости, то несчастные из-за сильного голода и недостатка в продовольствии, не имея ничего для еды, купили телят и питались ими. Когда тиран узнал это, он приказывает некоторых сжечь живыми за то, что они питались (этим) мясом, (говоря), что великий грех — есть телятину, меньший — конину, которую они предпочитают всему.

Там же в Александровском дворце один крестьянин пришел к дьяку тирана и принес ему в подарок рыбу-щуку. Это увидел бывший там случайно один монах, злейший враг дьяка. Монах пошел к тирану и обвиняет дьяка в таких словах: «Пресветлейший государь. Вот этот твой дьяк, воздерживаясь от малых рыб, пожирает большие, которые обычно ловит из твоих садков». Тиран, выслушав обвинение, по своему легковерию посылает за дьяком. Тот пришел сам и приветствовал государя, кланяясь земно, согласно обычаю этого народа. Тиран, осыпая его бранью, сказал: «Ты, злодей, ешь больших рыб из моих садков, хотя там могут оказаться и малые. Так ступай же ешь и тех и других, больших и малых». И, поверив лживому обвинению монаха, он велит утопить несчастного в пруде из-за одной рыбы.

В том же Александровском дворце, когда тиран узнал, что к нему вернулся из Польши выкупленный московский воевода, которого поляки взяли в плен при завоевании Изборска, то велит вбить в землю кол посередине площади этого дворца и привязать к упомянутому колу воеводу с двумя боярами. Сев на коней, тиран со своими сыновьями стал разъезжать вокруг и около кола и говорил со злыми упреками: «Вы не умели защищать крепость и себя самих, когда вас осаждали поляки и литовцы, так я научу вас теперь». И вместе со всеми телохра-

нителами-лучниками он начал пронзать несчастных стрелами, и они были пронзены стрелами до такой степени, что от множества стрел, в них вонзившихся, нельзя было различить их тел. Так замученных он велит вытащить из дворца за веревку, привязанную к ногам. Вот какую награду получил воевода, для которого лучше было быть изгнанником в Польше, чем позорно погибнуть, вернувшись на родину. <...>

Князь Осип Щербатой и Георгий Борятинский, которые были обменены в Польше на Гарабурду и Островина, по своем прибытии в Московию были радостно встречены тираном, и он просил их к себе обедать. Пока они сидели за столом, он подарил обоим по шитому золотом платью, подбитому соболиным мехом, и куны шапки и пил за их здоровье из серебряных чаш, поздравлял с возвращением и расспрашивал о польских делах.

Осип Щербатой излагал то, что ему казалось истинным и подходящим к обстоятельствам того времени. А князь Борятинский, желая выдать себя за человека, которому польские дела были еще более известны, бесстыдно уверял в правдивости всего того, что ему приходило на язык. Между прочим он сказал, будто оробевший король польский до такой степени боится оружия князя Московского, что у него нет выхода, куда ему обратиться, и другое в том же роде. После обеда тиран встает из-за стола, а эти вернувшиеся воеводы стали там, где должен был пройти тиран. При виде их он также остановился и, зная, что это ложь и выдумки, зовет Борятинского: «Ну-ка скажи же мне, насколько страшен я польскому королю». Тот ответил: «Пресветлейший царь, он сильно боится не только твоей особы, но если кто из твоих воевод будет замечен с твоими знаменами в пределах Литвы, то польский король в страхе обращает тыл, ибо признает себя неравным, чтобы состязаться с тобою оружием». И когда он дальше стал рассказывать много невероятного превыше меры, то тиран, заметив лесть, вскоре ответил: «Жаль мне польского короля, что он до такой степени труслив» и без замедления, обратив речь к Борятинскому, осыпал его ругательствами, говоря: «Вероломный, узнаю твои лукавства и коварства», и, схватив палку, стал колотить его по голове и по спине, выбивая пыль из упомянутой пожалованной одежды. Тот покорно упал в ноги тирану, бла-

годаря его за наказание и говоря, что не желал покидать его, но всегда стремился к нему и хотел бы даже всецело трудиться для него навеки. Тиран ответил: «Знаю, что ты меня не покинешь, ибо я не позволю тебе уйти от меня, — и вторично, при повторении этих слов, стал бить его палкою по спине, говоря: — Вероломный, я знаю твои плутни и коварства». <...>

Знатный муж Федор Башкин был брошен в тюрьму за Евангелие Христово. Когда тиран узнал это, то велит привести его к себе, упрекает за лютеранство и обещает дать ему многое, если тот пожелает отказаться от исповедания евангельского учения. Тот сказал в ответ: «Великий князь, я не забочусь об этих временных благах и приношу тебе благодарность за эту щедрость и милость. Но нам надлежит больше заботиться о той вечной жизни, которую уготовил Сын Божий верующим в Него. Это заслуженно должна быть главная из забот. Я также предпочел бы тысячу раз умереть, чем из-за этих преходящих благ потерять вечные». По внушению сатаны тиран велит убраться его и говорит: «Раз ты приемлешь учение евангельское, то пойдешь в огонь». Его велено было вывести из Кремля, посадить в деревянную клетку и сжечь.

<...> У тирана были два родных брата Гвоздевы. Один занимал должность начальника двора, но уже скончался от моровой язвы, после отъезда послов <...>. Другой же исполнял обязанности спальника князя Московского и часто имел обычай потешаться и шутить за столом до такой степени неблагородно и бесстыдно, что от этой грязи и срама непристойно и писать об этом. Однажды, когда он особенно прибежал к шуткам чрезмерно постыдного и грязного рода, тиран велит ему отойти от стола. Когда он удалился от стола, тем временем принесли кипящую капусту. Тиран снова велит позвать его обратно и подойти ближе к себе. Как только тот подошел и наклонил голову к земле, тиран обливает ему голову этой кипящей капустой. Тот кричит от боли: «Помилуй ради Бога, величайший царь» — и хочет удалиться от стола. Но тиран, вытащив ножик, хватает Гвоздева за руку и пронзает ножом. Тот, уязвленный полученной раной, падает на землю. Стоящие рядом поднимают его и выносят на двор. Тиран, правда поздно, начал раскаиваться в своем поступке, что он пронзил несчастного, позвал врача и велит ему заботиться о нем. Врач <...> находит его

уже мертвым. Он возвращается к тирану, и тот снова просит полечить несчастного. Врач ответил: Бог на один раз вложил душу человеку, а он лично, раз душа покинула тело, никоим образом не может призвать ее обратно в тело. Тиран, махнув рукою, говорит: «Так пусть убирает его дьявол, раз он не пожелал ожить». <...>

Тиранство над боярами

В праздник св. апостола Иакова¹ тиран посылает телохранителей на площадь города Москвы. Они получили приказ вбить в землю приблизительно 20 очень больших кольев; к этим кольям они привязывали поперек бревна, края которых соприкасались с обеих сторон с соседним колом. Население города, уstraшенное таким небывалым делом, начало прятаться. Сзади кольев палачи разводят огонь и над ними помещают висячий котел или рукомойник, наполненный водой, и она кипит там несколько часов. Напротив рукомойника они ставят также кувшин с холодной водой. После этих приготовлений на площадь города является со своими придворными и телохранителями тиран в вооружении, облеченный в кольчугу, со шлемом на голове, с луком, колчаном и секирой. И телохранители его имели одинаковое вооружение. За ними следовали 1500 конных стрельцов верхами, и все стали кругом в обхват. А сам тиран стал в их сборище в той части, где висел котел с водою. Вслед за тем приводят связанными 300 знатных московских мужей, происходивших из старинных семейств; большинство их — о жалкое зрелище! — было так ослаблено и заморено, что они едва могли дышать; у одних можно было видеть сломанные при пытке ноги, у других руки. Всех этих лиц ставят пред тираном. Он, видя, что народ оробел и отворачивается от подобной жестокости, разъезжал верхом, увещевая народ не бояться. Тиран велит народу подойти посмотреть поближе, говоря, что, правда, в душе у него было намерение погубить всех жителей города, но он сложил уже с них свой гнев. Услышав это, народ подходит ближе, а другие влезают на

¹ 25 июля (ст. ст.) 1570 года.

крыши домов. Тиран снова возвращается к черни и, стоя в середине ее, спрашивает, правильно ли он делает, что хочет карать своих изменников. Народ восклицает громким голосом: «Живи, преблагий царь. Ты хорошо делаешь, что наказуешь изменников по делам их». Тиран, вернувшись, остановился на своем месте. Он велит вывести на середину 184 человека и говорит своим боярам, которые стояли в некотором отдалении от упомянутой толпы телохранителей: «Вот возьмите, дарю их вам, принимайте, уводите с собою; не имею никакого суда над ними», и они были отпущены из упомянутой толпы стоявших кругом к свите бояр.

Тотчас вслед за тем выходит на середину дьяк тирана Василий Щелкалов с очень длинным списком, перечисляя подряд туда внесенных. Он велит вывести на середину Ивана Михайловича, секретаря тирана и заместителя казначея, и упрекает его в порядке списка, в вероломстве и обмане, ища случая и причины для его смерти следующим образом: «Иван, секретарь великого князя, вероломный вероломно поступил. Именно, он написал королю Польскому, обещая ему предать крепость Новгородскую и Псковскую. Это — первый знак твоего вероломства и обмана». При этом он ударил его по голове плетью, называя вероломным и неверным. «Второй знак вероломства и обмана: ты писал к царю Турецкому, увещевая его послать войска к Казани и Астрахани. Это второй твой обман и вероломство. В-третьих ты писал царю перекопскому или таврическому, чтобы он опустошил огнем и мечом владения великого князя. Тот, учинив набег с войском, причинил большой урон жителям Московской земли. И раз ты виновник столь великого бедствия, ты уличен в вероломстве и обмане, учиненном против твоего государя». При этом он ударил его бичом в третий раз.

Иван Михайлович ответил: «Великий царь, Бог свидетель, что я не виновен и не сознаю за собою того преступления, которое на меня взводят. Но я всегда верно служил тебе, как подобает верному подданному. Дело мое я поручаю Богу, пред которым согрешил. Ему я предоставляю суд, Он рассудит мое и твое дело в будущем мире. Но раз ты жаждешь моей крови, пролей ее, хотя и невинную, ешь и пей до насыщения». Телохранители подходят, убеждают его лучше сознаться в своей вине и умолять государя о милости и сострадании. Тот отве-

чает: «Будьте прокляты с вашим тираном, вы, которые являетесь гибелью людей и питухами крови человеческой. Ваше дело — говорить ложь и клеветать на невинных, но и вас будет судить Бог, и за ваши дела вы получите соответственные кары в будущем мире».

Тиран подает знак рукою, говоря: «Возьмите его». Те схватывают его; снимают одежду, подвязывают под мышки к поперечным бревнам и оставляют так висеть. К тирану подходит Малюта с вопросом: «Кто же должен казнить его?» Тиран отвечает: «Пусть каждый особенно верный казнит вероломного». Малюта подбегает к висящему, отрезает ему нос и садится на коня; подбегает другой и отрезает ему ухо, и таким образом каждый подходит поочередно, и разрезают его на части. Наконец подбегает один подьячий государев Иван Ренут и отрезает ему половые части, и несчастный внезапно испустил дух. Заметив это и видя, что тот, после отрезания члена, умирает, тиран воскликнул следующее; «Ты также скоро должен выпить ту же чашу, которую выпил он». Он предполагал, что Ренут из жалости отрезал половые части, чтобы тот тем скорее умер. И Ренут сам должен был бы погибнуть смертью такого же рода, если бы преждевременно не погиб от чумы. Итак, тело его, Ивана Михайловича, было отвязано и положено (на землю); голова, лишенная ушей и носа, была отрезана, а остальное туловище телохранители рассекают на куски.

Николай Фуников, заместитель казначея самого тирана, второй товарищ этого убитого, происходивший из старинного семейства, который своим саном и достоинством превосходил прочих. Упомянутый выше дьяк велит вывести его и перечисляет его злодеяния, обвиняя равным образом в вероломстве. Этот несчастный кратко отвечает, что он, конечно, прегрешил пред Богом, но в отношении государя не совершал никакого преступления и не сознает за собою того преступления, в котором его обвиняют. Воля тирана допустить, чтобы его убивали безвинно. Тиран ответил в следующих словах: «Ты погибнешь не от моей руки, не по моему внушению или, скорее, не по моей вине, а твоего товарища, его ведь ты слушался, от него всецело зависел. Даже если ты и ни в чем не прегрешил, тем не менее ты ему угождал, поэтому надлежит погибнуть обоим». По данному знаку палачи влекут его на казнь, привя-

зывают точно так же, как раньше его товарища, и (один) телохранитель, схватив чашу холодной воды, обливает его, а другой водой кипящей, и с сильной яростью они поливают его то холодной, то теплой водой, пока он не испустил дух.

Третьим тиран велит вывести своего повара и присуждает его к тому же роду смерти, оклеветав его, что он получил 50 серебряников от брата Владимира, чтобы извести тирана ядом. Но у этого несчастного никогда не было в душе ничего подобного; наоборот, сам тиран погубил ядом своего двоюродного брата Владимира, перекинув свою вину на повара, которого он также приказал казнить.

Четвертым выводят дьяка Григория Шапкина с женою и двумя сыновьями. Тут соскочил с коня князь Василий Темкин, который был обменен на пленного воеводу полоцкого Довойну, и, обнажив меч, отрубил голову Григорию, его жене и двум сыновьям; обезглавленных он положил подряд пред ногами тирана. <...>

Напоследок же приводят одного старика, полумертвого от страха. Он виснул на руках телохранителей, ибо не мог стоять на ногах. Тиран пронзил его копьем. Не довольствуясь одним ударом, который был смертельным для этого старика, он повторил удар шестнадцать раз. После этого он приказал отрубить старику голову. Это тиранство он проявил в течение 4 часов. По совершении этого он отправляется в свой дворец. Тела же убитых, ограбленные и обнаженные, лежали на земле, на середине площади, до вечера. Впоследствии тиран приказал вынести их за город и свалить в одну яму для погребения.

На третий день после этой жестокости он велит привести на ту же площадь девять сыновей бояр, еще юношей. Малюта с другими придворными отрубил им головы. Тела их лежали непогребенными семь дней и были добычей собак, ибо их находили повсюду среди собак растерзанными и разорванными.

Немного спустя он приказывает схватить также жен и дочерей убитых, приблизительно 80, и препоручил бросить их в воду. Остальная часть пленных, куда бы они ни обратились, приводится во дворец. Число их достигает приблизительно 500. Из них каждый день по своему усмотрению тиран велит убивать иногда двадцать, иногда тридцать, мучая несчастных разного рода смертью. <...>

Предчувствие тирана
или предзнаменование

В ту самую зиму, когда тиран отправлялся для истребления Новгорода, когда уже должны были пуститься в путь, у служителя Афанасия Вяземского был борзый конь, очень породистый, украшенный жемчугом и золотом. Этот конь случайно порвал удила и вырвался, а упомянутый раб стал его ловить, когда они пробегал между полками тирана. Тиран тем временем выходил из дверей дворца. Когда он увидел мчавшегося вскачь коня, перебежавшего ему дорогу, то велит схватить его и упомянутого раба, рассечь обоих, раба и коня, и бросить в болото. Он считал это зловещим предзнаменованием, если кто-нибудь до отправления князя перейдет ему дорогу; а это случилось уже со многими, которых он наказал с такой же злобой. Предметом поругания и бесчестья для тирана служат и женщины, если с какой из них он встретится на пути. Именно: если едет какая-нибудь знатная женщина, или супруга воеводы, или лица какого-нибудь другого положения или состояния, то, заметив ее, тиран тотчас посылает спросить у нее, кто она. Если та скажет, что она жена того, на кого он сердит, то он тотчас велит ей сойти с носилок и в таком виде поднять платье и предоставить срамные части для созерцания всех. Ей нельзя двинуться с места, пока тиран со всею своею свитой не увидит ее обнаженной.

То, что я пишу вашему королевскому величеству, я видел сам собственными глазами содеянным в городе Москве. А то, что происходит в других больших и малых городах и крепостях, едва могло бы уместиться в (целых) томах.

Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе

Печатается по изданию:

Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе //
Русский исторический журнал, Книга 8, 1922.

Михаил Рогинский¹

Из вступительной статьи
«Иоганн Таубе и Элерт Крузе»
к первому изданию «Послания» на русском языке

В обширной литературе иностранцев о России послание двух ливонских авантюристов занимает особое место.

Таубе и Крузе — ливонцы. Оба они принадлежали к знатным дворянским родам. Участвуя в Ливонской войне, они попали в плен к великому князю. В плену они обжились, и через несколько лет оба уже были на царской службе. Хитрые и ловкие, прекрасно знавшие запутанные политические отношения Прибалтики, они сумели стать полезными царю и сделались главными деятелями русской политики на Западе. При их посредстве велись переговоры с магистром Ордена меченосцев Кеттлером, впоследствии герцогом Курляндским, и датским герцогом Магнусом. Они же были главными деятелями при стремлении герцога Магнуса побудить Ревель к отпадению от Швеции.

После неудачной осады Ревеля Таубе и Крузе решили изменить Ивану IV, а после безуспешной попытки овладеть Дерптом они бежали к королю Сигизмунду, чье доверие они сумели завоевать.

Вскоре после этого они написали свое «Послание». (Побег в Польшу был в 1571 году, а «Послание» помечено 1572 годом.) Никакой истории, никакой географии, никаких сведений о быте и нравах русских, ничего о родителях Ивана, даже ничего о самом Иване, до злополучного 1564 года. Это рассказ

¹ Рогинский Михаил Григорьевич (ум. 1920) — филолог, переводчик. — *Примеч. редактора.*

об учреждении опричнины, о расправах и казнях в период от 1564 года до 1571 года, грустная летопись событий преимущественно внутренней жизни России за это время.

Первое наблюдение обобщающего характера, которое приходится сделать после анализа «Послания» Таубе и Крузе, это то, что в нем содержится сравнительно мало неверных, неправдоподобных и фантастических сведений. Даже в таких образцовых сказаниях, как сочинение Герберштейна и Флетчера, мы найдем их не меньше, а может быть, и больше, чем у Таубе и Крузе. Таубе и Крузе назвали целый ряд лиц, павших жертвой царского гнева. С другой стороны, следует отметить, что список Таубе и Крузе, их «синодик», далеко неполный. В нем нет таких имен, как Петр Ховран, князь Дмитрий Рязоловский и много других. Самое описание казней во многих случаях вполне подтверждается другими источниками. Описания тиранств и мучительств Грозного так бесконечны, так утомительны, что у читателя невольно возникает мысль, не являются ли они в значительной степени плодом разгоряченного воображения наших авторов или их хитрого расчета. Разгоряченное воображение у них, несомненно, было, но оно сказалось лишь в необыкновенной готовности, охоте, с которой Таубе и Крузе описывали жестокие деяния Грозного. Такие роды казни, как отрубание голов, сажание на кол, бросание в реку, отравление, даже сожжение, не нуждаются в подтверждении: они общеизвестны. Но Таубе и Крузе говорят и о более жестоких и утонченных пытках и казнях. Но вот что мы можем, например, прочесть в одной рукописи Синодальной библиотеки: «И быша у него (Иоанна) мучительныя орудия, сковрады, печи, бичевания жестокая, ногти острия, клещи ражженныя, терзания ради телес человеческих, игол за ногти вонзения, резания по составам, претрения вервии на полы, не только мужей, но и жен благородных, и иныя безчисленныя и неслыханныя виды мук на невинныя, умышленныя от него», или в Новгородской третьей летописи: «Повеле государь телеса их некоею составною мудростью огненною поджигати, иже именуется поджар, и повелевает государь своим детям боярским тех мученных и поджаренных людей за руки и за ноги и за головы опока вя-

зати различно, тонкими ужищи и привязывати повеле по человеку к саням».

Таубе и Крузе никогда не называют тех оснований, по которым Иван Грозный предавал казни то или иное лицо. Правда, не всегда они существовали. Часто дело было в одной лишь жестокости Грозного или в слепой с детства затаенной ненависти против бояр. Но нередко Грозный казнил, подозревая и зная измену. Таубе и Крузе неизменно стараются изобразить Грозного чудовищем, лишенным всяких человеческих чувств. Но сами же они в своем изложении указывают порой на факты, этому противоречащие. Так, рассказывая о желании Грозного казнить митрополита, они сообщают, как он дал себя уговорить отменить казнь, заменив ее ссылкой.

Фактический материал, сообщаемый Таубе и Крузе, в общем и целом вполне достоверен. Пристрастие, желание реабилитироваться посредством очернения личности Грозного сказалось, главным образом, в приемах изложения, в изложении и истолковании фактов. Но основное впечатление какой-то лжи, фальши, лежащей в основе их рассказа, не рассеивается и после проверки их сообщений. В чем причина этого впечатления? Она заключается в самом подборе сведений. В том-то и было большое искусство Таубе и Крузе, что они сумели очернить Грозного, почти не прибегая ко лжи, обмануть без обмана. Из всей совокупности темных и светлых событий позорного, великого, плохого, хорошего, что составляло живое сплетение, именуемое подлинным историческим прошлым, они сознательно выбрали только темное, только дурное. Все хорошие деяния Грозного, его умная внешняя политика, все его завоеванья Таубе и Крузе обошли молчанием. Из всей многокрасочной палитры они взяли одну только краску черную или, если угодно, красную (по цвету крови) и этой краской захотели нарисовать свою картину.

Но в той ограниченной сфере, в тех тесных пределах, которые они сами себе поставили, Таубе и Крузе сумели быть хорошими наблюдателями. Мы уже говорили об их пронизательном, верном взгляде на опричнину. Социальное значение опричнины было для них совершенно ясно. Таубе и Крузе повторяют старую немецкую песенку: «Где правит мужичье, редко бывает хорошее управление». Правления «мужичья» в Рос-

сии не было, но оттеснение старого боярства, социальный переворот они наблюдали. Вот что пишет о социальном составе опричного корпуса проф. В. О. Ключевский: «Хотя в него (опричный корпус) попадали знатные люди вроде князей Трубецкого, Одоевского, Телятевского, но известно, что в опричнине не любили ни родословных людей, ни родословных счетов. Сам царь в письме к Грязному выразительно характеризует генеалогический подбор своей кромешной дружины, как общество худородных “страдников”, которых он стал приближать к себе вместо изменников-бояр».

Личность авторов «Послания» рисуется в малопривлекательном свете. Высоким интеллектуальным их свойствам не соответствовали нравственные. Гибкий, быстрый ум, ум дипломатов и политиков, сочетался у них с хитростью, беспринципностью, вероломством, беспокойным и буйным авантюризмом. Факт двойной измены еще может быть прощен у людей практической политики, но умение завоевать доверие Грозного, умение сделаться одними из самых близких к нему людей в эпоху опричнины в те дни, когда звезда Малюты Скуратова и Басманова стояла высоко, не может быть прощено. Таубе и Крузе не только верно служили царю, но и прекрасно чувствовали себя в своей новой роли.

В русской исторической науке даны были самые различные оценки «Послания» Таубе и Крузе как исторического источника. Карамзин широко использовал «Послание»; оно легло в основу IX тома «Истории Государства Российского». В большинстве случаев он вполне доверялся ему и только изредка подвергал сомнению достоверность сообщаемых Таубе и Крузе сведений. Иначе отнесся к посланию талантливый и малоизвестный историк начала XIX века Арцыбашев. В специальной статье о Таубе и Крузе в «Повествовании о России» он оценил его как явную выдумку, как совершенно недостоверный источник. В том же духе суждение проф. Бестужева-Рюмина. «Видели они (Таубе и Крузе), — пишет он, — конечно, много, но, зная, что они переходили от одной стороны к другой, едва ли можно придавать их рассказам значение несомненного документа». Автор исследования о сказаниях кн. Курбского А. Ясинский считает сообщения Таубе и Крузе вполне достоверными. Впрочем, он имеет в виду толь-

ко сообщения о казнях. Какое из этих различных отношений к «Посланию» Таубе и Крузе правильно? Какое место должны мы отвести этому «Посланию» среди других источников эпохи Грозного и как должны мы им пользоваться?

Было бы совершенно бессмысленно и лишено всяких оснований отвергнуть весь тот богатый фактически материал, который содержится в «Послании». Но также неосновательно пользоваться оценкой и освещением событий и фактов, данных авторами «Послания». Не следует повторять ошибки Карамзина, представившего себе Ивана Грозного по образу и подобию того Грозного, мрачная тень которого проносится над страницами «Послания». Таубе и Крузе рисуют образ царя жестокого, любившего казнить ради одной жажды крови, извращенного, сладострастного садиста, находившего радость в пытках и издевательствах, и этот образ благодаря Карамзину запечатлелся и доныне в сознании каждого, лег в основу ходячей, канонической характеристики.

Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе

Извлечения

<...> В 1566 году в воскресенье после дня св. Николая решил великий князь по свойственной ему подозрительности, либо по дьявольскому наваждению и тиранскому своему обыкновению, сообщить всем духовным и светским чинам следующее: он хорошо знает и имеет определенные известия, что они не желают терпеть ни его, ни его наследников, покушаются на его здоровье и жизнь и хотят передать русское государство чужеземному господству, посему решил он вызвать их к себе и передать им свое правление. После этого сложил он с себя в большой палате царскую корону, жезл и царское облачение в присутствии представителей всех чинов. Далее, на следующий день велел он нагрузить доверху много возов или саней изображениями всех выдающихся святых (иконами), которых раньше епископы, попы и игумены носили во время крестных ходов, взятыми из всех церквей, монастырей и часовен, коих в Москве всегда было так много, числом несколько тысяч, и перед каждой иконой он кланялся, целовал каждую икону и принимал благословение, согласно обычаю своей религии.

Перевод с немецкого М. Г. Рогинского.

Спустя несколько дней после этого он отправился во все церкви и монастыри и совершал то же самое в течение нескольких дней и ночей с писанными на стенах изображениями святых. Четырнадцать дней спустя после этих событий приказал он всем духовным и светским чинам явиться в девять часов в церковь Богородицы, где митрополит должен был совершить богослужение. А между тем его прислужники, дворцовая челядь, вывезли на площадь все его сокровища и готовые в путь обозы, и, когда кончилась служба, великий князь вышел из церкви, и тут же появилась великая княгиня с ее готовыми в путь сыновьями. Великий князь в присутствии обоих своих сыновей подал руку и благословил всех первых лиц в государстве: митрополита, архиепископов, архиереев, игуменов, священников и монахов, а затем и высших бояр — кн. Ивана Бельского, Мстиславского и других, так же, как и высших чиновников, военачальников, бояр, купцов, коих, было великое множество, каждого в отдельности. Затем он сел в сани и взял к себе своих сыновей, посадив их по обе стороны. Распростившись таким образом и сопровождаемый знатными боярами — Алексеем Басмановым, Михаилом Салтыковым, Иваном Чеботовым, кн. Афанасием Вяземским и другими государственными мужами и придворными, он в тот же день прибыл в село Коломенское, которое находится в полутора милях от Москвы. Там его застала распутица, так что он должен был оставаться там десять дней. Когда же погода изменилась, поехал он согласно своему решению в Александровскую слободу, но, не доехав до нее, остановился на некоторое время и послал в Москву Салтыкова, бывшего в то время высшим маршалом, и Ивана Чеботова, и многих подьячих и воевод, раздетых донага и пешком, и написал митрополиту и чинам следующее: «Он поедет туда, если Бог и погода ему помогут, им же, его изменникам, передает он свое царство, но может прийти время, когда он снова потребует и возьмет его».

<...> Планы и мнения великого князя были противоестественны, ибо положение вещей не вынуждало его оставить государство и тем менее подозревать все население в измене; причина всего этого была лишь та, что он хотел удовлетворить своей ядовитой тиранской наклонности (от злобы в течение сорока дней у него выпали волосы из головы и боро-

ды) и уничтожить благочестивые княжеские и боярские роды, затем забрать себе все, принадлежащее богатым монастырям, городам и купцам, и во исполнение этого он поступил следующим образом. Прежде всего прибыл он в день Сретения Господня этого же года в Москву, и с таким извращенным и быстрым изменением своего прежнего облика, что многие не могли узнать его. <...> На следующий день он вызвал к себе оба сословия и указал главные причины своего отречения, рассказал им, как он дал себя уговорить, сложил гнев на милость, вернулся — и все дальнейшее. Затем он указал высшим боярам, что при благоприятных обстоятельствах и времени могло бы способствовать расширению и процветанию государства. Он велел им также следить за тем, чтобы после его кончины, ибо все люди смертны, не возникло между обоими его молодыми сыновьями-князьями спора и раскола и чтобы они заботились не только об искоренении несправедливостей и преступлений, но и о том, чтобы водворить в стране порядок, мир и единство. <...>

На третий день после этого приказал он обезглавить Александра Горбатого, чья дочь была замужем за князем Мстиславским, вместе с его пятнадцатилетним сыном, повесить князя Петра Горенского, князей Никиту и Василия Оболенских, незаменимого воеводу, который столько времени так верно служил великому князю в борьбе с татарами, Андрея Resensaw [Рязанцева] и князя Ивана Schmeraw [Шевырева] велел он посадить на кол. На следующий день приказал он, великий князь, выписать в Москву всех военных людей областей Суздаля, Вязьмы и Можайска.

Когда они прибыли, сел он рядом со своим советом, Алексеем Басмановым, князем Афанасием Вяземским и Петром Soytt, и приказал каждому отдельному отряду воинов, число которых было 6000, явиться к нему, и спрашивал у каждого его род и происхождение. Четверо из каждой области должны были в присутствии самых знатных людей показать после особого допроса происхождение рода этих людей, рода их жен и указать также, с какими боярами или князьями они вели дружбу. После того как он осведомился об этом, взял он к себе тех, против кого у него не было подозрения и кто не был дружен со знатными родами. Они были названы отдельными,

от всего его народа, по-ихнему опричниной; и если опричник происходил из простого или крестьянского рода и не имел ни пяди земли, то великий князь давал ему тотчас же сто, двести или 50, 60 и больше гаков земли. Каждый из них должен был давать особую клятву, составленную следующим образом: «Я клянусь быть верным государю и великому князю и его государству, молодым князьям и великой княгине, и не молчать о всем дурном, что я знаю, слышал или услышу, что замышляется тем или другим против царя или великого князя, его государства, молодых князей и царицы. Я клянусь также не есть и не пить вместе с земщиной и не иметь с ними ничего общего. На этом целую я крест». <...>

Другие из тех же областей, представители знатных родов, были изгнаны безжалостным образом из старинных унаследованных от отцов имений, и так, что они не могли взять с собой даже движимое имущество и вообще ничего из своих имений. Эти бояре были переведены на новые места, где им были указаны поместья; им не разрешалось возвращаться домой, жены и дети были также изгнаны, и они должны были идти пешком и упрашивать, пока им не разрешали явиться к их мужьям. Такие тиранства совершал он в начале с соблюдением некоторых приличий, все-таки терпимо. Но чем дальше, тем хуже. Спустя короткое время взял он себе княжества Ростов, Вологду и Белоозеро, с которыми поступил он точно таким же образом. Следующей зимой взял он области Кострому, Ярославль, Переяславль, Галич, Холмогоры, Кашин (Кассина), Плес и Буй (Бой), в которых жило больше 12 000 бояр, из которых взял он в свою опричнину не свыше 570. Остальные должны были тронуться в путь зимой среди глубокого снега, так что многие из их благородных жен родили в пути на снеге; если кто-либо из горожан в городах или крестьян в селах давал приют больным или роженицам, хотя бы на один час, то его казнили без всякой пощады. Мертвый не должен был погребаться на его земле, но сделаться добычей птиц, собак и диких зверей. И многие из тех, которые могли прежде выступить в поход с 200—300 лошадьми, обладали состоянием во много тысяч гульденов, должны были нищими бродить по стране и питаться подаванием, а те, кто были их слугами и не имели ни одного гульдена, были посажены в их города и имения,

и одному нищему или косолапому мужику было столько дано, сколько десять таких имело прежде. И случилось так, как поется в старой песне: «Где правит мужичье, редко бывает хорошее управление».

<...> Огромные имущества были разрушены и расхищены так быстро, как будто бы прошел неприятель, <...> прежде состоятельные люди были превращены в нищих и были ограблены природными нищими, и у многих из них не осталось ни одного коня. Но всего этого было недостаточно. Для того чтобы совершенно уничтожить земщину (или крестьянство), предоставил он ее своим избранным или опричнине для грабежа. И если кто-либо из них знал богатого князя или боярина, или горожанина или крестьянина, совершал он над ними злодеяние различными способами. Они брали к себе и нарочно посылали своих слуг в дома к богатым горожанам и давали этим слугам несколько золотых изделий или украшений. Такой слуга напрашивался на службу, говорил господам, у которых он служил, что он родился в одном с ними городе или местечке, но скрывал полученные вещи. Вскоре, в заранее определенное время, брал такой опричник, согласно праву или своему обыкновению, пристава, неожиданно являлся в дом, брал своего бежавшего слугу и объявлял суду, что тот украл у него больше тысячи рублей, несколько тысяч талеров; уликой являлось то, что он нашел у него несколько монет или что он ему дал, — это у них считается прямой уликой и называется поличным, как и у нас. Мальчика или слугу допрашивали, не убежал ли он от своего господина и где находятся деньги, которые он украл. Тогда сознавался тот и говорил: «Я прошу пощадить мою жизнь и сообщу, где я спрятал взятые деньги». Эта милость бывала ему оказана и объявлена. Тогда показывал он, что если и взял он деньги своего благочестивого господина, то это произошло по внушению и требованию того, в чьем доме они были найдены, и ему он отнес их и передал. После такого обманного, лживого показания тотчас же объявлялся приговор по приказанию великого князя. Все эти вещи отдавались опричникам, и они во всем оправдывались. И ответчик бывал принужден в течение трех, четырех, больше или меньше дней, в зависимости от его просьбы, уплатить, а если он не уплачивал в течение положенного вре-

мени, его препровождали на площадь и давали в руки обвинителю; и его били до тех пор, пока последняя полушка не была внесена. Он должен был продавать за полцены и дом, и двор, и землю, и людей, и все, что имел, чтобы отдать истцу. И если не хватало десяти или больше рублей до положенной суммы, то били его так же жестоко, как за всю сумму. И много раз наше бедное сердце с особенной жалостью видело, как они оставались лежать без движения или их увозили с площади даже совсем мертвыми.

И случалось много раз, что они предлагали со слезами и стонами продать своих жен и детей или самим идти в услужение, но это не пробуждало в этих дьявольских людях ни снисхождения, ни жалости. И если опричник проникался состраданием к тому или другому и уменьшал требуемую сумму хотя бы на один гульден или уступал из сострадания и великий князь узнавал про это, то тот лишался не только своих имений, но и присуждался к вечному заключению или даже к смертной казни. С земцами или населением совершают они постоянно еще одну обманную проделку. Опричники, проезжая по улицам или мимо богатых купцов, бросают кольца, шапки и т. п. в лавки или дома, берут приставов и являются без всякого повода неожиданно в эти дома и лавки, находят брошенные вещи и требуют столько-то тысяч. Эту сумму ответчик должен был заплатить без всяких отговорок или оправданий; иначе с ним поступали ужасным образом, как указано выше. Особенно часто употребляется один прием: когда опричник <...> хватается земца за шею, ведет его в суд, хотя он его никогда раньше не видел и не говорил с ним, жалуется, что тот позорил его и вообще опричнину; и хотя великий князь знает, что это не произошло, истца провозглашают верным человеком, и он получает все имения ответчика, и последнего бьют, вводя по всем улицам, а затем обезглавливают или бросают в тюрьму на пожизненное заключение. <...>

Опричники (или избранные) должны во время езды иметь известное и заметное отличие, именно следующее: собачьи головы на шее у лошади и метлу на кнутовище. Это обозначает, что они сперва кусают, как собаки, а затем выметают все лишнее из страны. Пехотинцы все должны ходить в грубых нищенских или монашеских верхних одеяниях на овечьем ме-

ху, но нижнюю одежду они должны носить из шитого золотом сукна на собольем или куньем меху. <...>

Этот орден предназначался для совершения особенных злодеяний. Из последующего видно, каковы были причины и основание этого братства. Прежде всего монастырь или место, где это братство было основано, был не в каком ином месте, как в Александровской слободе, где большая часть опричников, за исключением тех, которые были посланцами или несли судейскую службу в Москве, имело свое местопребывание. Сам он был игуменом, кн. Афанасий Вяземский келарем, Малюта Скуратов пономарем; и они вместе с другими распределяли службы монастырской жизни. В колокола звонил он сам вместе с обоими сыновьями и пономарем. Рано утром в четыре часа должны все братья быть в церкви; все неявившиеся, за исключением тех, кто не явился вследствие телесной слабости, не щадятся, все равно, высокого ли они или низкого состояния, и приговариваются к восьми дням епитимьи. В этом собрании поет он сам со своими братьями и подчиненными попами с четырех до семи. Когда пробивает восемь часов, идет он снова в церковь, и каждый должен тотчас же появиться. Там он снова занимается пением, пока не пробьет десять. К этому времени уже бывает готова трапеза, и все братья садятся за стол. Он же, как игумен, сам остается стоять, пока те едят. Каждый брат должен приносить кружки, сосуды и блюда к столу, и каждому подается еда и питье, очень дорогое и состоящее из вина и меда, и что не может съесть и выпить, он должен унести в сосудах и блюдах и раздать нищим, и, как большей частью случалось, это приносилось домой. Когда трапеза закончена, идет сам игумен к столу. После того как он кончает еду, редко пропускает он день, чтобы не пойти в застенок, в котором постоянно находятся много сот людей; их заставляет он в своем присутствии пытаться или даже мучить до смерти безо всякой причины, вид чего вызывает в нем, согласно его природе, особенную радость и веселость. И есть свидетельство, что никогда, не выглядит он более веселым и не беседует более весело, чем тогда, когда он присутствует при мучениях и пытках до восьми часов. И после этого каждый из братьев должен явиться в столовую, или трапезную, как они называют, на вечернюю молитву, продолжающуюся до девяти.

После этого идет он ко сну в спальню, где находятся три приставленных к нему слепых старика; как только он ложится в постель, они начинают рассказывать ему старинные истории, сказки и фантазии, за одной другую. Такие речи, согласно его природе или постоянному упражнению, вызывают его ко сну, длящемуся не позже, чем до 12 часов ночи. Затем появляется он тотчас же в колокольне и в церкви со всеми своими братьями, где остается до трех часов, и так поступает он ежедневно по будням и праздникам. Что касается до светских дел, смертоубийств и других тиранств и вообще всего его управления, то отдает он приказания в церкви. Для совершения всех этих злодейств он не пользуется ни палачами, ни их слугами, а только святыми братьями. Все, что ему приходило в голову, одного убить, другого сжечь, приказывает он в церкви; и те, кого он приказывает казнить, должны прибыть, как можно скорее, и он дает письменное приказание, в котором указывается, каким образом они должны быть растерзаны в казнены; этому приказанию никто не противится, но все, наоборот, считают за счастье, милость, святое и благое дело выполнить его.

Все братья, и он прежде всего, должны носить длинные черные монашеские посохи с острыми наконечниками, которыми можно сбить крестьянина с ног, а также и длинные ножи под верхней одеждой, длиною в один локоть, даже еще длиннее, для того, чтобы, когда вздумается убить кого-либо, не нужно было бы посылать за палачами и мечами, но иметь все приготовленным для мучительства и казней. Он издал также закон и руководство для оценки, согласно которому все население должно было платить ежегодно, кроме всех остальных податей, по 180 талеров с 70 гаков. От этого, как и от других податей, как и от конной службы, опричники были освобождены. <...>

После того как он осуществил свои приказания и настолько подавил свое население, что мог не опасаться с его стороны никакого сопротивления, принялся он убивать и разорять различными ужасными способами своих знатных бояр. Ивана Петровича, Михаила Кольцова заколол он сам в большой палате и приказал пищальникам бросить их тела; они разрубили их больше, чем на сто кусков, и оставили лежать на от-

крытой площади. Своего казначея Хозяина Юрьевича приказал он своему зятю, князю Михаилу Темрюковичу, изрубить на мелкие куски в его доме вместе с женой, двумя маленькими мальчиками, пяти и шести лет, и двумя дочерьми и оставить их лежать на площади для зрелища. Это было вызывающее жалость и раздирающее душу зрелище.

Опричники великого князя должны были в количестве приблизительно от 10 до 20 человек разезжать по улицам с большими топорами, имея под одеждой кольчугу. Каждая отдельная рота намечала бояр, государственных людей, князей и знатных купцов. Ни один из них не знал своей вины, еще меньше — время своей смерти и что вообще они приговорены. И каждый шел, ничего не зная, на работу, в суды и канцелярии. Банды убийц изрубали и душили их безо всякой вины на улицах, в воротах или рынке и оставляли их лежать, и ни один человек не должен был предать их земле. И все улицы, рынки и дороги были наполнены трупами, так что местные жители и чужестранцы не только пугались, но и не могли никуда пройти вследствие большого зловония.

Князя Петра Щенятева и Турунтая-Пронского, воевод и бояр, приказал он избить батогами до смерти. Князя Петра Серебряного, князя Владимира Курлятева и много сот других (их не счесть) приказал он внезапно изрубить, многих в их домах, и бросить куски в колодцы, из которых люди пили и брали воду для приготовления пищи. Он приказал также повесить многих женщин на воротах их домов, и мужья должны были ежедневно проходить под этими телами и при этом не показывать вида, что с ними произошло. Жену своего шурина Михаила Темрюкова Черкасского, чья сестра была за ним замужем, дочь богатого и умного князя Василия Михайловича Юрьева, невинную благочестивую женщину, не старше 16 лет, приказал он изрубить вместе с ее полугодовалым сыном и положить во дворе, где ее муж должен был ежедневно проезжать и проходить. С Петром Santzen и многими другими приказал он поступить точно так же. Но всем этим его кровожадное тиранское сердце еще не насытилось. 19 июля 1568 года в полночь послал он своих ближайших доверенных лиц, князя Афанасия Вяземского, Малюту Скуратова, Василия Грязнова, вместе с другими и несколькими сотнями пищальников; они

должны были неожиданно явиться в дома князей, бояр, воевод, государственных людей, купцов и писцов и забрать у них их жен; они были тотчас же брошены в находившиеся под рукой телеги, отвезены во двор великого князя и в ту же ночь высланы из Москвы. Рано утром великий князь выступил со своими избранными словно в военный поход, сопровождаемый несколькими тысячами людей. Переночевав в лагере, приказал он вывести всех этих благородных женщин и выбрал из них несколько для своей постыдной похоти, остальных разделил между своей дворцовой челядью и рыскал в течение шести недель кругом Москвы по имениям благородных бояр и князей. Он сжигал и убивал все, что имело жизнь и могло гореть, скот, собак и кошек, лишал рыб воды в прудах, и все, что имело дыхание, должно было умереть и перестать существовать. Бедный ни в чем не повинный деревенский люд, детишки на груди у матери и даже во чреве были задушены. Женщины, девушки и служанки были выведены нагими в присутствии множества людей и должны были бегать взад и вперед и ловить кур. Все это для любострастного зрелища, и когда это было выполнено, приказал он застрелить их из лука. И после того, как он достаточно имел для себя жен указанных бояр и князей, передал он их на несколько дней своим пищальникам, а затем они были посажены в телеги и ночью отвезены в Москву, где каждая сохранившая жизнь была оставлена перед ее домом. Но многие из них покончили с собой или умерли от сердечного горя во время этой постыдной содомской поездки.

В то время, как такие и подобные неслыханные тиранства и содомские грехи стали все учащаться, митрополитом был Филипп Колычев, благородного происхождения от Колычевых или Челяднинных, одного из самых знатных русских родов, проживший свою жизнь честно и в Божьем страхе, с юных лет не испытывавший никакой нужды и недостатка ни в чем, но отказавшийся от света и удалившийся в монастырь на острове Соловки, на океане, чтобы закончить свою жизнь в Божьем страхе, и вызванный оттуда по воле великого князя и части духовенства для занятия митрополичьей кафедры. И хвала и честь ему перед всеми за то, что он, бесстрашная, храбрая душа, во всем держал сторону справедливости, не жалея своей собственной жизни. Эти его душевные свойства побудили его

уговаривать сперва тайно и наедине великого князя не совершать таких тиранств. Когда великий князь услышал это, пришел он в дьявольское бешенство, потому что думал он, население и бояре побудили митрополита к этому увещанию, и он решил удвоить свои тиранства в сравнении с тем, что делал прежде. И хотя митрополит заметил, что его благочестивые увещания действовали более пагубно и вредно, чем с успехом, остался он при прежнем решении, не переставая указывать ему, великому князю, на его злодеяния и в церкви Богородицы в присутствии духовенства и всех бояр произнес он следующее: «Милостивейший царь и великий князь, до каких пор будешь ты проливать без вины кровь твоих верных людей и христиан? Долго ли будет продолжаться в Русском государстве эта несправедливость? Татары и язычники и весь свет может сказать, что у всех народов есть законы и право, только в России их нет; во всем мире преступники находят у правительств сострадание, если ищут его, но в России нет сострадания для невинных и праведников. Подумай о том, что хотя Бог поднял тебя в мире, но все же ты смертный человек и Он взыщет с тебя за невинную кровь, пролитую твоими руками. Камни под твоими ногами, если не живые души, будут вопиять против тебя и обвинять тебя, и я должен сказать это тебе по приказанию Божьему, хотя бы смерть угрожала мне за это». Эти и подобные слова возбудили такой гнев великого князя, что он ударил своим жезлом оземь и сказал: «Я был слишком милостив к тебе, митрополит, к твоим сообщникам в моей стране, но я заставлю вас жаловаться».

<...> Советники и приближенные митрополита были силой выведены, и затем их, водя по всем улицам, мучили и хлестали железными хлыстами, и он приказал испробовать на невинных людях все мучительства, какие он только мог придумать; он приказал содрать с них живых кожу, вырезывать ремни из кожи, и ничто не было им пропущено из того, что когда-либо испробовала тирания. Наконец, для того, чтобы люди его имели повод к злодеяниям против митрополита, вызвал он ложных свидетелей против митрополита, которые показывали, что он ведет неподобающую порочную жизнь. Потом опять он вызывал представителей всех духовных и светских чинов и потребовал, чтобы они отрешили от сана порочного

митрополита и привлекли его к публичному суду и приговорили бы к смерти. Вследствие этого явился митрополит к великому князю и сказал: «Царь и великий князь, ты думаешь, что я боюсь тебя или смерти за мое правое дело. Я с 53 лет жил доньше, а мне теперь 79 лет, в святом месте, в христианской общине в Соловецком монастыре честно, правильно, справедливо, так что меня нельзя упрекнуть ни в одном пороке; и я хочу также окончить мою жизнь и отдать добровольно и с радостью свою душу Богу, который тебя и меня будет судить, и хочу скорее оставить после себя такую память, что я умер невинным мучеником, чем чтобы мне говорили, что я, как митрополит, жил при тирании и всяческой несправедливости. Впрочем, делай, что хочешь. Тут лежат мой посох, шапка и мантия, и вот я приказываю вам, епископам, архиереям, игуменам и всем духовным отцам, пасите ваше стадо и заботьтесь о том, чтобы вы могли дать обо всем ответ перед Богом и бойтесь больше всего Того, Кто может отнять вашу душу, а не брэнное тело. Себя и свою душу предаю я руце Божьей».

С этими словами он направился к двери, чтобы выйти. Так как великий князь не желал такого благородного прощания и ему не понравилось то, что митрополит сам сложил с себя с таким лукавством и проворством свое облачение, объявил он коварно духовным чинам, что он не желает, чтобы митрополит так быстро уехал, и он не будет судить его прежде, чем обдумает все хорошенько; поэтому митрополит должен вновь одеть свое облачение, и он решил послушать в великий праздник, в день св. Михаила, его богослужение. Так как митрополит склонился на сильные убеждения духовных чинов и решил служить последнюю службу и потом сложить с себя сан, вновь одел он свое облачение для свершения службы. Когда великий князь узнал это, приказал он Малюте и другим убийцам, как только митрополит захочет взойти на алтарь, подойти к нему, сорвать у него силой шапку с головы и все принадлежности его сана и бить его по лицу этими же предметами и оставить его в церкви нагим. Так это все и случилось. Затем приказал великий князь взять его, положить на деревянные сани и затем заключить в монастырь. Через несколько дней он вздумал убить его и сжечь, но духовенство упросило великого князя даровать ему жизнь и выдавать ему ежедневно 4 алтына,

что составит приблизительно 10 литовских грошей. И его послали в монастырь в Тверь, где он прожил со дня св. Михаила до февраля следующего года. <...>

Вскоре после этого произошло большое злодеяние в одном городке, называемом Торжок. В ярмарочный день некоторые из опричников или избранных совершили убийства и грабежи на большой дороге над бедными людьми; они напали на них на рыночной площади, забрали их добро.

Когда до великого князя дошло, что из такого множества (опричников) один или двое были убиты и ранены, приказал он немедленно схватить всех жителей, совершенно невинных, ничего не знавших об этом происшествии, числом свыше 200, мучить их безжалостно и бросить в воду; город был так опустошен, что от него ничего не осталось. То же самое случилось в другом городке, в Коломне.

После совершения всего этого обдумывал он долгое время, как бы ему уничтожить по закону и хитростью брата со стороны отца, князя Владимира Андреевича, стоявшего ему поперек дороги... <...> Когда великий князь имел свой лагерь в Александровской слободе, а князь Владимир в [Ниже] Новгороде, которые находятся на расстоянии 84 немецких миль друг от друга, отправились повара великого князя согласно его плану в это место за рыбой для него, где она водилась в изобилии. Когда повара ездили по очереди несколько раз за рыбой для великого князя, и благоприятное время наконец подошло, то один из поваров взял ядовитый порошок и показал тайно Федору Нуне, будто бы Владимир дал ему, когда он ездил в Нижний Новгород за рыбой, этот порошок и 50 рублей с тем, чтобы он тайно примешал его к пище великого князя. Конечно, Федор Нуна был в заговоре и передал все великому князю. Повар был взят для вида к допросу. Порошок был признан ядом, и повара предали пытке, но так, что он не испытывал боли. К этому делу были привлечены ближайшие льстецы, прихлебатели и палачи в качестве свидетелей, и все дело держалось в тайне, пока все не было приготовлено и выполнено согласно их желанию, и добрый, благочестивый князь, который ничего не знал о своем несчастье и близкой смерти, не был осужден. Великий князь написал ему, что, так как он имеет определенные сведения о намерении турок на-

пасть, должен князь Владимир явиться к нему и, так как великий князь желает поговорить с ним, пусть направит он свой путь в Александровскую слободу; в Москатине, который отстоит в полумиле от слободы, ему будет приготовлен лагерь. Произошло так, как было приказано. Добрый князь, узнав это, выполнил все больше с радостью, чем с тяжелыми мыслями, ибо он не знал ничего дурного за собой и отправился вместе с супругой, двумя дочерьми-невестами и двумя молодыми сыновьями и со всеми бывшими при нем женщинами и челядинцами и прибыл в описанное место. Когда князь прибыл туда и это стало известно великому князю, велел он сказать ему, что вызывает его к себе рано утром на следующий день. Когда ночь прошла, рано утром великий князь вместе с несколькими тысячами людей оделся и вооружился, как будто бы он выступал против врага, велел напасть на то место, где был лагерь благочестивого князя, окружить его с шумом литавр и труб.

Когда князь Владимир сам явился и остановился в соседнем доме, были посланы Василий Грязной с Малютой Скуратовым сказать ему, что великий князь считает его не братом, но врагом, ибо может доказать, что он покушался не только на его жизнь, но и на правление, как доказал это сам князь Владимир тем, что подкупил повара, дал ему яд и приказал погубить великого князя. Тотчас же был вызван повар, которого добрый князь никогда, быть может, и в глаза не видел, и хотя все дело было совершенно чуждо доброму князю, он скоро заметил, что все это подставное; тем не менее стал он доказывать жене и плачущим детям свою невинность. Но ничто, да же если бы ангел явился с неба, не помогло бы ему. <...> Великий князь объявил, что, так как Старицкий покушался на его власть и жизнь и приготовил для него еду и питье с ядом, должен он сам выпить то питье, которое хотел дать великому князю, и тотчас же велел позвать благочестивого князя с женой и детьми и передать кубок прежде всего князю. Последний отклонил его и сказал жене: «Я должен, к сожалению, умереть, но не хочу все же убить сам себя». На это жена его отвечала: «Милый, ты должен принять смерть и выпить яд, и это делаешь ты не по своей воле, но убивает тебя своей рукой тот, кто дает его тебе пить, и убивает и душист тебя царь, а не какой-нибудь палач, и Бог, справедливый судья, взыщет с него твою не-

винную кровь в день Страшного суда». Поэтому князь взял кубок, предал свою душу руке Божьей и выпил яд; князю сразу стало очень плохо, и через четверть часа он отдал душу Богу. Вслед за тем то же самое сделали его жена и четверо детей, которые все отдали свои души Богу на глазах у тирана и покончили с этим миром. Затем великий князь приказал привести к себе многих знатных женщин и других лиц женского пола и сказал им: они видят, как он наказывает своих изменников, и, хотя они все также достойны смерти, но если они попросят милости, он им ее окажет. Когда они увидели раздирающее душу зрелище, которое представлял их господин, <...> они воскликнули в один голос: «Ты, кровожадный убийца нашего благочестивого, невинного господина, мы не желаем твоей милости, и гораздо лучше жить у Господа Бога на небе и кричать о тебе вплоть до дня Страшного суда, чем оставаться под твоей тиранской властью, поэтому делай, что хочешь». Видно, Бог захотел обличить его злобу и тиранство через слабое существо женщин; он, как и все тираны, не задумался о своих злодеяниях и злобе и о наказании на Божьем суде, но, как будто желая увеличить меру своей кары в день Страшного суда, еще более разгневался своим кровожадным сердцем и велел вывести их нагими и заставил бегать в присутствии других людей. Сперва их для постыдного зрелища травили собаками, как зайцев, а затем они были застрелены и растерзаны ужасным образом и их оставили лежать непогребенными под открытым небом, птицам и зверям на съедение.

20 января 1569 года вызвал великий князь к себе в Александровскую слободу всех опричников, богатых и бедных, кто только был боеспособен, и сообщил им, будто бы город Новгород и все епископы, монастыри и население решили предаться его королевскому величеству королю Польскому. <...>

Нельзя описать, откуда возникли эта дьявольская злоба и воображение, тем более установить точные причины. В этом дьявольском безумии вместе с младшим сыном выступил он с большим войском, словно шел против отъявленного врага, и 30 числа того же месяца почти достиг со своими 15 000 воинов маленького городка, называемого Клином. Так как вследствие черной смерти, которая свирепствовала в Москве почти два года, погибли все знатные купцы и ремесленники, прика-

зал великий князь 470 людям единовременно явиться из Переяславля в Москву и повелел им там жить. Это приказание никто не смел преступить под страхом сурового наказания. Все послушно отправились и пришли в городок Клин в количестве нескольких сот, предполагая послушно отправиться дальше. Он велел их всех задушить без всякого допроса, приказал убить грудных детей и не оставить во всем городке ничего, что имело жизнь. Из Клина поехал он дальше и опустошал все вплоть до Цорна (Шоши?). Из Цорна до Городка, где жили весьма знатные купцы и другие богатые люди, он всех казнил, грабил и убивал. Когда он прибыл в известный большой город Тверь, который в прежние времена имел собственное правление и 30 000 войска и был в состоянии бороться с великим князем, остановился он в монастыре и приказал своим войскам обложить весь город. Монастырь этот был тот самый, куда он сослал митрополита, поклявшись всем духовным и светским чинам держать его там до конца его жизни. Несмотря на эту клятву, приказал он своему высшему боярину или палачу Малюте Скуратову задушить его веревкой и бросить в воду, в Волгу. Вслед за тем приказал он ограбить догола Тверского епископа, монахов и всех духовных. Граждане и купцы, ремесленники и другие стали надеяться, что грабежи не распространятся дальше. Они были вполне уверены в этом в течение двух дней, когда он прекратил убийства и грабежи, но по прошествии этого срока приказал великий князь врываться в дома и рубить на куски всю домашнюю утварь, сосуды, бочки, дорогие товары, лен, сало, воск, шкуры, всю движимость, свезти все это в кучу и сжечь, и ни одна дверь или окно не должны были остаться целыми; все двери и ворота были отмечены и изрублены. Если кто-либо из грабителей выезжал из дома и не делал всего этого, его наказывали, как преступника.

Кроме того, они вешали женщин, мужчин и детей, сжигали их на огне, мучили клещами и иными способами, чтобы узнать, где были их деньги и добро. В общем, более 90 000 было задушено, и в три раза больше умерло затем с голоду. После этого приказал великий князь привести к воде, к Волге, вместе с пленными немцами пленных полочан, многие из которых жили в тюрьмах и более ста в домах; они были растерзаны в его присутствии и брошены под лед. После того как он со-

вершил эти кровавые дела в течение пяти дней, отправился он в местечко Медынь, где совершил не меньше. То же самое делал он в городе, называемом Торжком. В нем в одной тюрьме сидели немцы, в другой татары. Приказав убить немцев, которые не только сидели в тюрьме, но и были закованы в цепи, явился он со своими палачами в тюрьму к татарам, где сидели знатные мурзы и господа, и приказал Малюте и другим убить также и их. Когда они спокойно вошли во двор тюрьмы к татарам, то те, узнав, что они должны были все умереть, собрали все свое мужество, разгневались и внезапно напали на русских, ранили Малюту и убили одного или двух кравчих. <...>

Когда он достиг известного города Новгорода, остановился он в четверти пути от него в монастыре, называемом Городище, и приказал обложить город и все улицы, а на следующий день поймать всех знатных новгородцев. Архиепископа посадил он на белую кобылу, дав ему в одну руку русские гусли, а в другую дурацкую палку, и приказал в таком виде привести его к себе. То же самое совершил он со многими тысячами священников, игуменов, купцов и ремесленников. Все состоятельные и известные люди были пойманы, дома их запечатаны, и в них были посажены пищальники. Он пытал и мучил их для того, чтобы они указали, где находятся их деньги и церковное добро, а затем он приказал принести все согласно их указанию. Церкви и монастыри были так ограблены, что не осталось ни одной иконы ценной в полгульдена, ни колоколов, ни церковной утвари. Сверх того, несмотря на то, что было найдено такое большое добро, били попов, игуменов и купцов по коленям, чтобы они сказали, что они имеют. Грубые товары, как воск, лен, сало, меха и другие, велел он сжечь и бросить в воду. Шелк, бархат и другие товары были бесплатно розданы палачам. Имеются также определенные и достоверные сведения, что он приказал убить 12 000 именитых людей, мужчин и храбрых женщин. Что касается до безвестных бедных ремесленников и простого народа, то было их больше 15 000. <...>

Один из его опричников дал из особого сострадания одной вдове хлеб и не хотел ничего взять с нее за это. Когда это дошло до великого князя, приказал он схватить и обезглавить его и вдову, и оба тела вместе с хлебом открыто лежали на пло-

щади в течение трех дней. В общем, тяжело говорить о том бедствии и горе, которые мы видели своими глазами. Все посеяны в полях, селах, городах и дворах были сожжены и уничтожены, так что в стране начался такой голод, какого не было со времени разрушения Иерусалима. Один человек ел другого, даже матери ели своих детей; трупы выкапывались из могил и съедались вместе с другими противоестественными вещами. Кроважадный тиран, пробыв 6 недель в Новгороде, опустошив город и близлежащие окрестности более, чем на 150 немецких миль кругом, так что ничего не осталось, прибыл в Псков, где начал не менее безумствовать. И когда он уже задушил там многих, а других превратил в нищих, был послан к великому князю по воле Божией один бедный человек по имени Никола, которого все псковичи почитали как никого, словно святого или особого пророка, и объявил ему, что он должен к нему прийти. Великий князь не отказал ему в этом. Когда великий князь подошел к этому дому, этот пророк или его дьявольская личина крикнул из окна по-русски: «Ивашка, Ивашка, до каких пор будешь ты без вины проливать христианскую кровь. Подумай об этом и уйди в эту же минуту, или тебя постигнет большое несчастье». Вследствие этого предостережения, устрашения или угрозы могущественный тиран, который хотел сожрать целый свет, ушел побитый и пристыженный, словно прогнанный врагом. Так неимущий нищий устрашил и прогнал царя с множеством тысяч воинов, так что тот бежал, оставив свои сокровища и все награбленное. Когда он снова вернулся в Александровскую слободу, то велел он во искупление своих грехов построить две большие каменные церкви и наполнить их знаменитыми иконами, колоколами и другим, так что у всех составилось мнение, и он сам так думал, что ему прощены все грехи Господом Богом.

После того как он, как уже было указано, очистил всю страну, он еще не насытился и назначил для казни еще 300 из оставшихся, но когда в Москву прибыли послы его королевского величества короля и герцог Магнус, он пощадил их по просьбе чужих или стыдясь своих людей.

Как только господа послы и герцог отбыли, приказал он построить на рыночной площади отгороженное место, а сам вместе со старшим сыном и опричниками в количестве не-

скольких тысяч, вооруженных, отправился на площадь и приказал привести к себе этих самых обреченных одного за другим. Среди них были его казначей Никита Фуников и главный канцлер Иван Висковатый, которого он любил, как самого себя. Он приказал сперва привязать казначея к столбу, развести огонь и топить под ним котел с горячей водой. До тех пор, пока тот не испустил дух. Канцлера приказал он привязать к доске и растерзать и изрезать его, начав с нижних конечностей и кончая головой, так что от него ничего не осталось. Все другие были привязаны по порядку к барьеру, и он вместе с сыном проткнул их пиками и зарубил саблями. У многих приказал он вырезать из живой кожи ремни, а с других совсем снять кожу, и каждому своему придворному определил он, когда тот должен умереть, и для каждого назначил различный род смерти: у одних приказал он отрубить правую и левую руку и ногу, а только потом голову, другим же разрубить живот, а потом отрубить руки, ноги и голову; в общем, все это делалось различными неслыханными способами, о которых нельзя ни прочесть, ни услышать ни про одного тирана. Томительно перечислять здесь все совершенные тиранства; читателю, может быть, будет скучно, тяжело и досадно читать о таких вещах. Трудно измерить, сколько ущерба указанная тирания причинила государству, опустошений стране и тяжкой участи уцелевшим, тирания, не перестававшая еще бушевать.

Ричард Ченслер

Книга о великом
и могущественном царе русском
и великом князе Московском
и о владениях, порядках
и произведениях сюда
относящихся

Печатается по изданию:

Известия англичан о России XVI в. // Чтения
в императорском обществе истории и древностей Российских.
№ 4. М., 1884.

Из введения к первому изданию книги
Р. Ченслера на русском языке

В половине XVI века в Лондоне было основано «Общество купцов, искателей открытия стран, земель, островов, государств и владений неизвестных и доселе не посещаемых морским путем». Цель учреждения этого общества — открыть новые рынки для сбыта английских товаров, спрос на которые сильно упал в это время. Решено было искать новые страны на северо-востоке от Англии.

В мае 1553 года отправлено было из Англии три корабля под начальством Хью Уиллоуби.

Два корабля с начальником экспедиции занесены были в Белое море, где пристали у устья реки Арзины. Весь несчастный экипаж и сам Уиллоуби умерли от голода и холода. Счастливей был корабль «Эдвард Бонаветуре», на котором находился Ричард Ченслер, вице-адмирал эскадры. Потеряв из виду два корабля, он один продолжал путь и после продолжительных странствований бросил якорь в августе 1553 года в Двинской губе, против монастыря Св. Николая.

По приглашению царя Иоанна Васильевича Ченслер с товарищами прибыл в Москву и поднес царю грамоту Эдуарда VI, обращенную вообще к всем «Государям, обитающим страны северные и восточные за ледовитым морем, а также Восточную Индию». Милостиво принятый царем, Ченслер

¹ Середонин Сергей Михайлович (1860—1914) — историк, филолог, профессор русской истории в Императорском историко-филологическом институте в Санкт-Петербурге. — *Примеч. редактора.*

был отпущен весной 1554 года в Англию с царской грамотой к Эдуарду VI, позволявшей английским торговым людям приходить со всякими товарами. Так завязались сношения с Англией. Ежегодно к устью Двины приходили английские корабли, приказчики Английского общества свободно разъезжали по Московскому государству; этим агентам вменено было в обязанность собирать сведения и доносить обществу о нравах, обычаях, торговле, мерах, деньгах русских.

Англичане в своих сношениях с русскими преследовали почти исключительно торговые цели. Иной характер имели отношения русских к англичанам. Царь Иоанн Грозный сознавал необходимость сношений с более просвещенным Западом, хотел заимствовать оттуда средства для успешной борьбы с Польшей и крымскими татарами. Но кроме этих государственных целей он преследовал и свои личные. Овладевший им страх потерять престол от козней ненавистных ему бояр был так силен, что заставил его усиленно домогаться вечной дружбы и союза с Елизаветой, английской королевой, требовать, чтоб у них были общие друзья и враги, и особенно чтоб государь одной страны в случае лишения престола мог найти поддержку и безопасное убежище в стране другого. Впоследствии к переговорам о союзе прибавились еще переговоры о браке царя, сильно желавшего жениться на одной из родственниц Елизаветы.

Нежелание английского правительства дать категорически ответ на требование царя влекло за собой неудовольствие и гнев Иоанна на англичан, торговавших в его владениях: их имущества конфисковались, сами они подвергались оскорблениям и обидам; в таких случаях английское правительство спешило отправлять гонцов и послов, чтобы умиротворить разгневанного царя. Все это делало сношения обеих стран оживленными и частыми. Все англичане, приезжавшие в Россию послами от королевы, оставили описание своих путешествий: Рич. Ченслер, бывший в России два раза, в 1553 и 1555 годах, Антон Дженкинсон, четыре раза приезжавший в Россию между 1557 и 1571 годом, ездивший через Россию в Бухару и Персию, Фома Рандольф, бывший в 1568—1569 годах, Баус — 1583—1584 годы, Горсей, живший в России поч-

ти безвыездно 18 лет, в 1572—1590 годах, и наконец Джильс Флетчер — 1588—1589 годы.

Но кроме описаний России вышеперечисленными авторами мы имеем еще описания и заметки агентов общества, обыкновенно довольно долгое время проживавших в России и собиравших сведения как о России, так и о соседних с нею странах, о путях в Китай, Индию, Персию. Есть также заметки лиц, служивших на царской службе, — за этот период Англия по преимуществу доставляла инженеров, докторов, аптекарей, ювелиров и тому подобных лиц.

Книга о великом и могущественном
царе русском и великом князе Московском
и о владениях, порядках и произведениях
сюда относящихся

Извлечения

<...> Россия — страна богатая землей и населением, в изобилии имеющим находящиеся там произведения. Между жителями очень много рыбаков, ловящих семгу и треску; у них также много масла — ворвани, наибольшее количество которого добывается около реки Двины; добывается оно также и в других местах, но не в таком количестве; жители также много промышляют вываркой соленой воды. В северных частях этой страны есть место, где ловят пушных зверей: соболей, куниц, серых медведей, лисиц, белых, черных и красных, выдру, горностаев, белок и оленей; там же добывают клыки от рыбы, называемой морж. Охотники за этими зверями живут у города Пустоозерска; на оленях они привозят свою добычу в Лампожню для продажи, а оттуда ее везут в Холмогоры, где в Николин день бывает большая ярмарка. К западу от Холмогор находится город <...> Новгород, около которого растет прекрасный лен, конопля, много также воску и меду. Голландские купцы имеют в Новгороде свой складочный дом; очень много в Новгороде и кожи, равно как и в городе Пскове,

в окрестностях которого тоже великое изобилие льна, конопля, воск и меду. Новгород отстоит от Холмогор на 120 миль.

Находится здесь еще город Вологда, его предметы торговли: сало, воск и лен, но не в таком большом количестве, как в Новгороде. От Вологды до Холмогор течет река Двина, впадающая затем в море. Холмогоры снабжают Новгород, Вологду и Москву со всеми окрестными областями солью и соленой рыбой. От Вологды до Ярославля 200 миль; последний — очень большой город. Здесь находятся; кожи, сало, хлеб в очень большом количестве, есть и воск, но его не так много, как в других местах. От Ярославля до Москвы 200 миль. Между ними область усеяна деревушками, замечательно переполненными народом. Земля эта изобилует хлебом, который обитатели возят в громадном количестве в Москву. Утром можно встретить 700 и 800 саней, везущих хлеб, а некоторые рыбу. Попадают везущие хлеб в Москву, а также и оттуда — это живущее по крайней мере за 1000 миль, весь их обоз на санях; они живут в северных частях владений княжеских, где холод не позволяет хлебу расти; такой жестокий там холод. Они привозят сюда рыбу, меха, шкуры. В этих местах и скота немного.

Москва обширный город; думаю, что весь этот город больше Лондона с его предместьями; но Москва очень не изящна и распланирована без всякого порядка. Все дома обывателей из дерева и очень опасны во время пожара. В Москве красивый Кремль, его стены из кирпича и очень высоки; говорят, будто они 18 футов толщиной; не думаю, чтоб было так, по крайней мере, они не кажутся такими; но наверное не знаю, потому что иностранцам не позволено осматривать их. С одной стороны Кремля ров, с другой бежит река Москва, текущая чрез Тартарию в Каспийское море. На севере расположен нижний город, тоже обнесенный каменной стеной, соединенной с Кремлевской. Царь живет в Кремле, там же находится девять прекрасных каменных церквей и живет духовенство, также митрополит с некоторыми епископами. Не буду описывать ни этих строений, ни крепостей русских; у нас, в Англии, они во всех отношениях лучше. Но и эти хорошо снабжены орудиями всех родов.

Дворец царя и великого князя по постройке, по наружному виду и по убранству не так роскошен, как те, которые я видел.

Это очень низкая постройка — 8-квадратная, очень похожая на старые английские строения, с небольшими окнами, так и в прочих отношениях.

Теперь расскажу о моем представлении царю. Когда я уже прожил здесь двенадцать дней, дьяк, ведавший дела иностранцев, прислал мне уведомление, что князь желает, чтоб я явился к нему с грамотами короля, моего государя; этому я был очень рад и со тщанием приготовился. Когда князь занял свое определенное место, за мною пришел толмач в верхнюю комнату, где сидело с лишком 100 дворян, все в роскошных с золотом платьях; отсюда я вошел в залу совета, где сидел князь со своею знатью, образовывавшею великолепную свиту; они сидели вокруг комнаты один выше другого; сам же князь сидел значительно выше, чем кто-либо из его приближенных, в позолоченном кресле; одет он был в длинное золотое платье, с царской короной на голове; в правой руке держал скипетр из хрусталя и золота, левой опирался на свое кресло. <...> Поклонившись, я передал ему грамоту; князь милостиво подозвал меня и осведомился у меня о здоровье короля, моего государя; я отвечал ему, что при моем отъезде король был в добром здравии и что я надеюсь, что и теперь он в таком же здравии. После этого князь пригласил меня к обеду. Думный дьяк представил мои подарки его светлости открытыми (до этого времени они были закрыты), и когда его светлость взял мою грамоту, я был приглашен выйти; я не мог говорить с князем, исключая тех случаев, когда он обращался ко мне. Я отправился в секретарскую комнату, где и ждал два часа, по прошествии которых я был приглашен в другой дворец, называемый золотым; не знаю, почему он так называется: я видел много дворцов, которые лучше этого во всех отношениях. Я вошел в палату, которая мала и не обширна, как зала его величества, короля Англии; стол был накрыт скатертью, на конце стола сидел кравчий с небольшим белым жезлом в руке, этот стол был переполнен золотой посудой. На другом конце палаты стоял красивый шкаф с серебряной посудой. Отсюда я вошел в обеденную палату, где сидел сам князь, не в торжественном платье, а в серебряной одежде, с короной на голове; сидел он на стуле, несколько приподнятом; около него никого не сидело. Вокруг ком-

наты стояли столы, за которыми сидели лица, приглашенные князем к обеду; все были в белых платьях. Места, на которых стояли столы, были подняты ступени на две. Посреди палаты стоял стол или шкаф для посуды, наполненный золотыми чашами (между прочим здесь находились четыре удивительно больших кружки <...> из золота и серебра; думаю, что они добрых 1 1/2 аршина высотой). При шкапе с посудой стояло два дворянина с салфетками на плечах, оба держали по золотой чаше, усыпанной жемчугом и драгоценными камнями; это были чаши для питья самого князя; когда он бывал в хорошем расположении, он попивал из них по глотку. Блюда подавались князю без порядка, но сервиз был очень богатый: всем было сервировано золотом, не только князю самому, но и нам всем, притом приборы были массивные; золотые чаши также были очень массивны. Число обедавших доходило в тот день до 200 человек, и всем им были поданы золотые сосуды.

Прислуживавшие дворяне были в платьях с золотом и служили князю с шапками на головах. До подачи кушаньев князь разослал всем по большому куску хлеба, и податель, называя вслух лицо, которому было послано, говорил: «Иван Васильевич, царь русский и великий князь Московский, пожаловал тебя хлебом»; при этом все вставали и так оставались, пока он произносил эти слова. После всех князь дал кусок хлеба кравчему, который тот съел перед князем и затем, откланявшись, вышел. Тогда внесли блюдо лебедей, разрезанных на куски (каждый лебедь на отдельном блюде), куски князь рассылал так же, как и хлеб, и податель говорил те же слова. Как я уже говорил, кушанья подавались не по порядку, а одно тотчас за другим. Затем князь рассылал с теми же словами напитки. Перед обедом он переменил свою корону да во время обеда две, так что я видел три короны на его голове в один день.

Когда все было подано, он дал каждому из прислуживавших ему дворян кушаньев и напитков из собственных рук; его намерение при этом, как я слышал, было то, чтобы все уважали его слуг. По окончании обеда он подзывал к себе по имени каждого из своих знатных; удивительно было слушать, как он может знать их имена, когда их так много у него. Я по окончании обеда отправился в свое помещение, был уже час ночи.

Теперь оставлю этот предмет и не буду больше говорить ни о князе, ни об его дворце, но хочу рассказать об его земле и народе, их свойствах и военном могуществе. Этот князь повелитель и царь над многими странами, и его могущество изумительно велико. Он может вывести в поле 200 и 300 тысяч людей; сам он никогда не выступает в поле менее, чем с 200 тысячами людей, и когда он выступает в поход, еще оставляет на границах войска, численность которых не мала. На лифляндской границе он держит до 40 тысяч человек, на Литовской — до 60 тысяч, против ногайских татар — тоже 60 тысяч людей — просто, удивительно слышать; к тому же он не берет на войны ни крестьян, ни торговцев. Все его военные — всадники, пехоты он не употребляет за исключением служащих при артиллерии и прислужников, которых будет тысяч 30. Всадники — стрелки, имеют также луки и ездят верхом так же, как и турки. Доспехи их состоят из кольчуги и щита <...>. Некоторые покрывают свои кольчуги бархатом или золотой или серебряной парчой; это их страсть роскошно одеваться в походе, особенно между знатными и дворянами; как я слышал, украшения их кольчуг очень дороги, отчасти это я и сам видел, иначе едва ли бы я поверил.

Сам князь одевается богато, выше всякой меры; его шатер покрывается золотой и серебряной парчой, до того усыпанной драгоценными камнями, что чудно смотреть; я видал шатры королей английского и французского, которые великолепны, однако же и не походят на этот. Когда русских посылают в отдаленные иностранные земли или когда к ним являються иностранцы, то они одеваются чрезвычайно пышно; а то и князь сам ходит в плохеньком платье; когда он переезжает из одного города в другой, то он одевается только умеренно сравнительно с другими временами. Пока я жил в Москве, князь отправил двух послов к польскому королю; они взяли с собой по меньшей мере 500 лошадей, пышность их была выше всякой меры: не только на них самих, но и на лошадях их были: бархат, золотая и серебряная парча, усыпанные жемчугом, и притом не в малом числе. <...>

Но возвратимся к их военным действиям. В сражении они без всякого порядка бегают поспешно кучами; почему они неприятелям и не дают битв большею частью; а если и дают, то

украдкой, исподтишка. Я думаю, что под солнцем нет людей, способных к такой суровой жизни, какую ведут русские. <...>... Простой солдат не имеет ни палатки, ни чего-либо иного над своей головой; обычная их защита против непогоды — войлок, выставляемый против ветра и непогоды; когда навалит снегу, солдат сгребет его, разведет себе огонь, около которого и ложится спать. Так поступает большая часть из них, исключая дворян, доставляющих себе на собственный счет другие припасы. Но и такая жизнь в поле не так удивительна, как их крепость: каждый должен добыть и привезти провизию для себя и своей лошади на месяц или на два; сам он питается водой и овсяной мукой, смешанными вместе; лошадь его ест зелень, ветки и тому подобное; несмотря на все это, русский работает и служит очень хорошо. Спрошу я вас, много ли найдется между нашими хвастливыми воинами таких, которые могли бы пробыть с ними в поле хотя бы один месяц. Не знаю ни одной страны около нас, которая бы славилась такими людьми и животными. <...>... Что могло бы быть совершенно этими людьми, если бы они были выучены порядкам и познаниям цивилизованных войск. Если бы этот князь имел в своей стране людей, которые могли бы выучить их вышесказанным вещам, то я думаю, что два лучших и сильнейших христианских государя не могли бы соперничать с ним вследствие его могущества, суровости и выносливости его народа и лошадей и тех незначительных издержек, которых стоят ему войны.

Исключая иностранцев, князь не платит никому жалованья (иностранцы получают ежегодное жалованье, но небольшое); воины из его областей служат на собственный счет, исключая, что стрельцам он дает жалованье на порох и пули <...>. Если же кто-нибудь заслужит перед ним, то князь жалует ему поместье или кусок земли, за что получивший обязан быть всегда наготове — явиться с таким числом людей, какое укажет князь.

<...>...Если какой-нибудь дворянин или помещик умрет, не оставивши детей мужского пола, князь немедленно же берет на себя его землю, невзирая на какое бы то ни было число дочерей умершего, и тотчас же передает это поместье кому-нибудь другому, за исключением незначительной части для выдачи замуж дочерей (умершего). Равным образом если какой-нибудь богатый помещик состарится или как-нибудь по-

лучит увечье и делается чрез это неспособным нести княжескую службу, то другие дворяне, не вполне достаточные, но более способные к службе, придут к князю с челобитной, показывая, что «вот у вашей милости есть такой-то неспособный нести службу вашему высочеству, но очень богатый, а с другой стороны у вашей светлости много дворян бедных и имеющих недостаток в пропитании; мы-то вот и есть нуждающиеся, но способные нести службу, и да будет угодно вам обратить внимание и заставить его (увечного) помочь недостаточным». Князь тотчас же назначает розыск об его силах, и, если челобитная оправдается розыском, неспособный призывается к князю, и ему скажут: «Друг, у тебя слишком много дохода, а ты не можешь служить своему князю, кормись с меньшей части поместья, а с остальной будут жить более способные к службе». После этого поместье немедленно же будет отнято у него, за исключением малой доли для прокормления его и жены его; и он (увечный) не смеет жаловаться на это; в ответ он скажет, что он ничего не имеет, а что есть у него, то в руке Бога и князя; но не может он сказать, как обыкновенно говорит англичанин, когда имеет что-либо: «Это во власти Бога и моей». <...>

Если бы русские знали свою силу, никто не мог бы бороться с ними, а от их соседей остались бы только кой-какие остатки. Но думаю, что это не угодно Богу: могу сравнить их с молодой лошадей, не знающей своей силы: малый ребенок управляет ею и водит ее на узде, невзирая на всю ее великую силу; но если бы она сознавала, не только дитя, но и никакой муж не мог бы править ею. Войны русские ведут преимущественно с крымскими татарами и ногайцами.

Не стану больше рассказывать об их силе и войнах, это было бы слишком утомительно для читателя. Но я коротко опишу их законы, наказания и исполнение приговоров. Начну с жителей деревень, которыми управляют господа. Каждый господин управляет и судит своих крестьян. Если же случится, что поссорятся слуги или крестьяне двух господ, то оба господина, исследовав их дело, призывают к себе стороны и проносят приговор. <...>

Русское судопроизводство в одном отношении заслуживает одобрения: у них нет юристов, которые вели бы дела в суде,

но каждый сам ведет свое дело и подает челобитные и ответы письменно, противно английскому судопроизводству. Жалобы пишутся на манер просьбы к милости князя и передаются ему в собственные руки с просьбою назначить суд, как просит жалоба.

Князь сам произносит приговор по всем делам согласно законам. Это очень похвально, что такой государь берет на себя труд смотреть за отправлением правосудия. Впрочем, несмотря на это, здесь происходят удивительные злоупотребления, причем князя часто обманывают. Если же случится, что начальники будут изобличены в сокрытии правды, они получают соразмерное наказание. Если истец не может ничего доказать, то ответчик должен дать клятву на кресте, прав он или нет. Тогда спрашивают истца, может ли он что-либо дальше доказывать; если не может, то он иногда говорит: «Я могу это доказать моим телом и руками или телом моих бойцов», то есть он просит поля. После того как другая сторона поклянется, поле дается обеим сторонам. Пред полем оба клянутся на кресте, что он заставит другого сознаться в истине, прежде чем они оставят поле, и выходят на борьбу вооруженные обычным здесь оружием; бьются они всегда на ногах и редко сами стороны, за исключением дворян, которые, очень дорожа своею честью, станут биться только с происходящим из такого же рода, как они сами. Если какая-нибудь сторона просит поля, оно дается им... <...>

Русские законы о преступниках и ворах не согласны с английскими. По их законам никто не может быть повешен за свой первый проступок; но виновного долго держат в тюрьме и часто бьют плетью и иначе наказывают, и он должен оставаться в тюрьме, пока друзья не поручатся за него. Если вор или мошенник, которых здесь очень много, попадетя вторично, ему отрезают кусок носа и выжигают клеймо на лбу и держат в темнице, пока он не найдет поручителей в своем добром поведении. Если же попадетя в третий раз, его вешают. <...> Я слышал, как один русский говорил, что гораздо веселее жить в тюрьме, чем на свободе, если бы только там не было сильного битья. В тюрьме они получают пищу и питье без работы, равно как и милостыню от благорасположенного к ним народа. На свободе же они ничего не получают. Чис-

ло бедных здесь очень велико, и живут они самым нищенским образом: я видел, как они едят соленые сельди и другие вонючие рыбы — нельзя найти более вонючей и гнилой рыбы, а они с удовольствием едят ее, похваливая, что она здоровее всякой другой рыбы и свежего кушанья. По моему мнению, нет под солнцем народа, подобного этому по их суровой жизни.

Но довольно об этом, опишу кратко их религию. Русские соблюдают греческий закон с таким крайним суеверием, подобного которому ничего не известно. В русских церквах нет изваянных изображений, но все нарисованные, так как они не хотят нарушать заповедей, но со своими образами они обращаются точно с идолами; о чем-нибудь подобном этому в Англии и не слышано. Русские не станут кланяться, ни уважать образов, нарисованных вне их страны. Они говорят: «Наши образа рисуются, чтобы показать, какие они и как от Бога (установлено), а английские не так; как живописец или ваятель изобразил их, так мы (англичане) и поклоняемся». Русские поклоняются только уже освященным образам. Нас они считают наполовину христианами, потому что мы не держимся Ветхого Завета, наравне с турками, почему и считают они себя более безгрешными, чем нас. Русские не учатся никакому другому языку, кроме своего родного, и не допускают другого языка между собой. Вся их служба в церквах совершается на родном языке. У них есть Ветхий и Новый Завет, который ежедневно читается, но суеверие не уменьшается: когда священники читают, то так странно, что никто не может понять их, да никто и не слушает их; пока они читают, народ сидит и болтает. Когда же священник совершает службу, никто не сидит, а все гогочут и кланяются, как стадо гусей; на молитвы они отвечают только: «Господи, помилуй!». И одна десятая населения не сумеет прочесть «Отче наш», а «Верую» никто и не решится читать, разве как в церкви; по их мнению, это можно читать только в церквах.

Джилс Флетчер

О государстве русском

Печатается по изданию:

Джильс Флетчер. О государстве русском.

Издание Акц. О-ва Типографского Дела в Спб., 1911.

Николай Голицын¹

Из предисловия
ко второму русскому изданию книги
Дж. Флетчера

Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» («О государстве русском») появилось в Лондоне в 1591 году.

Автор его приехал в Россию в ноябре 1588 года в качестве посланника английской королевы Елизаветы к царю Феодору Иоанновичу. Флетчеру поручено было вести переговоры с московским правительством по поводу предоставленной английской торговой компании в Москве монополии на беспошлинную торговлю с Россией. Миссия его не увенчалась успехом, и летом 1589 года он уже покинул Россию, немало раздраженный против московского правительства.

Следы этого раздражения сказались и на книге его, так что Московская английская компания, опасаясь, как бы это сочинение, попав в Москву, не оскорбило русское правительство и не вызвало неудовольствия его против всех англичан, торговавших с Россией, просила министра Сесилия запретить книгу, что и было исполнено.

Флетчер, по возвращении из России, занимал должность городского секретаря в Лондоне, затем — рекетмейстера королевы и казначея церкви Св. Павла и умер в 1610 году. Следует, кроме того, упомянуть, что, обнарудовав свою книгу о России,

¹ Голицын Николай Владимирович (1874—1942) — историк, филолог, в 1916—1917 годах директор Государственного и Петроградского Главного архивов Министерства иностранных дел. — *Примеч. редактора.*

он надеялся получить звание историографа королевы Елизаветы, но это ему не удалось.

Сочинение Флетчера делится на три части: в первой части даются сведения о космографии, географии и природе страны (гл. I—IV); вторая содержит в себе характеристику государственного строя (гл. V—XIII), суда (гл. XIV), военных сил (гл. XV—XX) и церковного устройства (гл. XXI—XXV) Московского государства; наконец, в третьей части рассматривается экономический и частный быт русского народа (гл. XXVI—XXVIII). По ясности и стройности изложения, по богатству содержания, по образованности автора (который был доктором прав) книга Флетчера занимает почетное место среди сочинений иностранных писателей о России в XVI веке. Несмотря на одностороннюю окраску, приданную автором своему описанию, на тенденциозность многих его известий, на поспешность делаемых им обобщений, книга Флетчера является незаменимым источником сведений о состоянии Московской Руси после царствования Иоанна Грозного, и изучение ее необходимо для всякого занимающегося историей России в XVI столетии.

Интересы власти и интересы страны представлены Флетчером прямо противоположными друг другу. Он видит на каждом шагу беззакония, отсутствие неприкосновенности личности и собственности, притеснения и злоупотребления администрации; а между тем власть царя кажется ему безграничной, административная и военная сила, на которую он опирается, — громадной, и он не может иначе объяснить себе, почему эта власть терпит подобные явления, когда в ее руках все средства для их искоренения, как сознательным с ее стороны стремлением сеять вражду и озлобление между классами, чтобы лучше ими править и упрочить окончательно свое собственное положение. Отношения центральной власти к населению и к местным властям, по схеме Флетчера, проникнуты, вследствие указанной им черты, глубоким недоверием; так, например, говоря об администрации областей, он уверяет, что местным администраторам даже не присвоено правительством, из-за подозрительности последнего, право суда по уголовным делам, причем он игнорирует то обстоятельство, что там, где были введены подобные учреждения, само население

чрез своих выборных имело право приговаривать преступников к наказанию до смертной казни включительно. Этой же подозрительностью центральной власти Флетчер объясняет частую смену наместников и воевод, практиковавшуюся будто бы с той только целью, чтобы они не заводили связей с местным населением.

Флетчер приписывает центральному правительству и в конечном счете самим царям Московским такую лукавую политическую систему, о которой они в действительности не могли иметь и представления, и часто не видит, сквозь призму этого предвзятого и тенденциозного взгляда, как на самом деле управлялся русский народ и какие условия мешали правительству вводить те улучшения, которые диктовались, по мнению ученого иностранца, самим существом дела и требованиями жизни. Отсюда — резко отрицательное отношение Флетчера к целому ряду явлений русской жизни, в особенности же — к деятельности центральной власти.

Если б он пригляделся к этой жизни поближе и не стремился во что бы то ни стало применять к ней свою западноевропейскую и даже специально английскую мерку, то он увидел бы, что многое из осуждаемого им в строе Московского государства объясняется условиями, при которых это государство слагалось и росло, что правительство не было еще в силах справиться с рядом задач, которые ставились ему жизнью, — а не сознательно, как он думает, игнорировало необходимость их удовлетворения, что отношения между отдельными классами населения не были так просты и не стояли друг перед другом в таком элементарном антагонизме, как он это себе представлял.

Эту основную ошибку Флетчера следует иметь в виду при пользовании его сочинением. И тем не менее нельзя назвать ни одного сочинения иностранного писателя о России во второй половине XVI века, которое могло бы сравниться с книгой Флетчера по своему научному значению. Большинство этих писателей обращало свое внимание на отдельные эпизоды русской истории за этот период, но никто не дал такой полной и многосторонней характеристики всей жизни Московского государства и общества, никто не затронул одновременно стольких сторон и явлений этой жизни, как то сделал Флетчер.

В этом несомненная и незаменимая ценность его труда, ставящая его в один ряд с сочинениями Герберштейна для первой половины XVI столетия, Олеария, Мейерберга и Котошихина — для XVII, и если он во многих случаях впал в ошибку от недостаточно глубокого знакомства с описываемым предметом или слишком сильного стремления обобщать отдельные явления, то эти погрешности искупаются широтой плана всей книги, стройностью его выполнения и сохранением для исторической науки целого ряда таких подробностей, которые иначе остались бы совершенно неизвестными. Если вспомнить при этом, что Флетчер пробыл в России меньше года и писал свое сочинение сравнительно очень краткое время, то следует признать, что нужны были особая наблюдательность и исключительные дарования, чтобы суметь в стройном изложении включить в эту книгу ту массу разнообразных сведений о русском государстве, какую мы в ней находим. Флетчер пользовался сочинениями иностранцев, преимущественно англичан, посетивших Россию до него, многое узнал из расспросов живших в Москве своих соотечественников, а также и русских людей, но главную часть своих известий основал на личных наблюдениях, и эти наблюдения являются наиболее интересной и ценной частью его труда. Если из этих наблюдений он вывел заключения односторонние и неблагоприятные для современной ему Руси, то это объясняется тем, что он не сумел, как и большинство иностранцев, посещавших Россию, понять характер русского народа, угадать его стремления и предвидеть его будущую роль в истории. Но для этого нужно было сжиться с этим народом, чего Флетчер сделать не мог.

Первая попытка обнародовать перевод сочинения Флетчера сопровождалась инцидентом, который представляет характерный эпизод в истории русского Просвещения в Николаевскую эпоху.

Перевод был предпринят по инициативе Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете, исполнен князем М. А. Оболенским и появился в первой книге издававшихся Обществом «Чтений» за 1848 год. Тотчас же по появлении перевода находившийся в то время в Москве министр народного просвещения граф С. С. Уваров приказал изъять из обращения книгу «Чтений» и опечатать от-

дельные оттиски перевода Флетчера. Эта мера вызвана была содержанием книги Флетчера, в которой усмотрены были оскорбительные для России, русских монархов и русской церкви отзывы, но скрытым побуждением к такому распоряжению явилась давняя вражда между графом Уваровым и попечителем Московского университета графом С. Г. Строгановым, состоявшим председателем Общества Истории и Древностей. Уваров воспользовался представившимся ему случаем свалить Строганова, придравшись к тому, что находившееся под его руководством Общество напечатало сочинение, изображавшее в мрачных красках прошлое России и оскорблявшее патристическое чувство. Это и удалось Уварову: Строганов получил высочайший выговор и вышел в отставку. Вместе с тем секретарь Общества, профессор славяноведения О. М. Бодянский, был отчислен от этого звания и переведен из Московского университета в Казанский.

Так на расстоянии двух с половиной веков повторилась с книгой Флетчера одна и та же история: в первом случае, как мы знаем, она была запрещена у себя на родине, по ходатайству английских торговых людей в Москве, из чисто практических соображений; во втором случае запрет, который на нее лег и не был снят с нее в течение почти 60 лет, был снова обусловлен соображениями об оскорбительности ее для русского национального чувства, но в действительности на этой почве сводились закулисные счеты между двумя враждовавшими сановниками.

О государстве русском Извлечения

Описание России, широта и длина ее и название областей

Россия некогда называлась Сарматией. Название свое переменила она (по мнению некоторых) от раздробления на разные мелкие, но самостоятельные области, независимые и неподвластные одна другой, ибо слово «роз» на языке русском значит то же, что и разъединить или разделить. Русские рассказывают, что четыре брата: Трувор, Рюрик, Синеус и Варяг разделили между собой северные части этой страны, между тем как южные находились также в руках других четырех братьев: Кия, Щека, Хорива и их сестры Лыбеди; каждый из них назвал свою область по своему имени. От этого разделения вся страна получила название Россия, около 860 года от Р. Х. Что касается до предположения, найденного мною у не-

Перевод с английского М. А. Оболенского.

Оболенский Михаил Андреевич (1807—1873) — историк, архивист, с 1840 года директор Московского Главного архива Министерства иностранных дел, с 1846 года член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

которых космографов, что русские заимствовали свое имя от роксоланов и составляли с ними один и тот же народ, то оно не заслуживает вероятия — как по словопроизводству (которое очень натянуто), так в особенности по месту жительства роксоланов, находившегося (по свидетельству Страбона) между двумя реками, Танаисом и Борисфеном, совершенно в противоположной стороне, чем Россия. <...>

Вся страна, находясь теперь под правлением одного Государя, заключает в себе следующие главные княжества, или области: Владимирскую (которая занимает первое место в титуле царей, потому что дом их происходит от князей этой области), Московскую, Нижегородскую, Псковскую, Смоленскую, Новагорода Великого (или Новагорода низовские земли¹), Ростовскую, Ярославскую, Белоозерскую, Рязанскую, Двинскую, Каргопольскую, Мещерскую, Важскую, Устюжскую, Галицкую. Это коренные области, принадлежащие России; но они гораздо более и обширнее английских широв, хотя менее населены. Прочие области и земли, завоеванные русскими царями и присоединенные ими недавно к другим владениям, суть следующие: Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская, Черниговская, Удорская, Обдорская, Кондийская, со значительной частью Сибири, коих жители хотя и не коренные русские, однако повинуются русскому царю, управляются законами его земли и платят подати и налоги наравне с его собственным народом. Сверх того ему подвластны царства Казанское и Астраханское, недавно завоеванные. Что же касается до всех владений его в Литве (коих до 30-ти значительных городов и более) с Нарвою и Дерптом в Ливонии, то они совсем утрачены, будучи отняты в последние годы королями польским и шведским. Все эти княжества или области подведены под четыре управления, называемые четвертями, то есть тетрархиями или четвертными частями. <...>

Вся страна занимает большое пространство в длину и ширину. От севера к югу (если мерить от Колы до Астрахани, что будет несколько по направлению к востоку) она простирает-

¹ Это объяснение, очевидно, следует отнести к Новгороду Нижнему, а не Великому. — *Здесь и далее, если не оговорено особо, примеч. переводчика М. А. Оболенского.*

ся в длину на 4260 верст или миль. Кроме того, русский царь имеет много владений к северу, далеко за Колу <...> но они не принадлежат ему исключительно, и границы их не определены еще ясно, потому что короли шведский и датский имеют там, так точно, как и русские, несколько городов, которые между собой перемешаны; почему каждый из них объявляет свое притязание на все эти северные области. Широта (если идти от той части, которая лежит далее на запад со стороны Нарвы, и до тех мест Сибири на востоке, где находится царская пограничная стража) простирается на 4400 верст или около того. Верста (по их счислению) содержит в себе 1000 шагов, четвертью менее английской мили. <...>

О почве и климате

Почва в России большею частью песчана, но весьма разнообразна для земных произведений. В северной части <...>, по самому климату и чрезвычайной стуже, зимой бесплодна и покрыта непроходимыми лесами. <...> От Вологды (лежащей почти в 1700 верстах¹ от пристани св. Николая) до Москвы и далее, на юг, к границе Крыма (пространство одинаковое, вмещающее в себе также 1700 верст или около того), почва весьма плодородная, и страна приятная: в ней много пастбищ, хлебородных полей, леса и воды в большом изобилии. То же должно сказать о пространстве между Рязанью (лежащей на юго-востоке от Москвы) и Новгородом и самой отдаленной частью Пскова, на северо-запад. Между Москвой и Смоленском (на юго-запад к Литве) почва также весьма плодородна и местоположение приятное.

Различные времена года здесь все изменяют, и нельзя не удивляться, смотря на Россию зимой и летом. Зимой все бывает покрыто снегом, который идет беспрестанно и выпадает иногда на один или два ярда; такой снег больше бывает на севере. Реки и другие воды замерзают на один ярд или более в толщину, как бы ни были быстры или широки. Зима продолжается обыкновенно пять месяцев, именно: от на-

¹ Так в подлиннике; ошибка, вместо 700, равно как и ниже.

чала ноября и до конца марта, когда снег начинает уже таять. От одного взгляда на зиму в России можно почувствовать холод. В это время морозы бывают так велики, что вода, выливаемая по каплям или вдруг, превращается в лед, не достигнув еще земли. В самый большой холод, если возьмете в руки оловянное, или другое какое металлическое блюдо, или кувшин (разумеется, не в комнате, где устроены печи), пальцы ваши тотчас примерзнут, и, отнимая их, вы сдерете кожу. Когда вы выходите из теплой комнаты на мороз, дыхание ваше спирается, холодный воздух душит вас. Не одни путешествующие, но и люди на рынках и на улицах, в городах, испытывают над собой действие мороза: одни совсем замерзают, другие падают на улицах; многих привозят в города сидящими в санях и замерзшими в таком положении; иные отмораживают себе нос, уши, щеки, пальцы, ноги и прочее. Часто случается, что медведи и волки (когда зима очень сурова), побуждаемые голодом, стаями выходят из лесов, нападают на селения и опустошают их: тогда жители принуждены бегут спасаться бегством. Напротив, летом все принимает совершенно другой вид: леса (большой частью сосновые и березовые) так свежи, луга и нивы так зелены (и это выше юга), такое множество разнообразных цветов и птиц (по большей части соловьев, которые здесь, кажется, голосистее и разнообразнее, нежели где-либо), что трудно отыскать другую страну, где бы можно было путешествовать с большим удовольствием. <...>

Естественные произведения России

Из плодов здесь рождаются яблоки, груши, сливы, вишни, красные и черные (впрочем, последние растут без прививки), дыня, похожая на тыкву, но слаще и приятнее вкусом, огурцы, арбузы, малина, земляника, брусника и много других ягод в каждом лесу и огороде. Хлебные же растения суть: пшеница, рожь, ячмень, овес, горох, греча, просо, которое почти одинакового вкуса с рисом. Все эти рода хлеба произрастают в весьма достаточном количестве, даже в избытке <...>.

Естественных произведений (употребляемых самими жителями и отправляемых в большом количестве за границу для

обогащения казны царской и народа) очень много, и они весьма важны.

Во-первых, меха всякого рода. Здесь виден также Божий промысл, даровавший жителям средства к защите от холодного климата. Главные меха суть: черно-бурые лисьи, собольи, рысьи, бурой лисицы, куньи, горностаевые, серые беличьи, бобровые, меха росомахи, шкуры большой морской крысы, имеющей запах выхухоли, беличьи, серые и красные, и лисьи, красные и белые. Кроме внутреннего употребления в государстве в большом количестве (ибо в продолжение всей зимы все носят меховую одежду), несколько лет тому назад, как слышал я от торговцев, купцы турецкие, персидские, бухарские, грузинские, армянские и разные промышленники христианского мира вывезли мехов на четыреста или на пятьсот тысяч рублей. Лучшие собольи меха добываются в областях Печорской, Югорской и Обдорской, а низших сортов в Сибири, Перми и других местах. Черные и красные лисицы идут из Сибири, а белые и бурые из Печоры, откуда получают также белые волчьи и белые медвежьи меха; лучшие меха росомахи вывозят оттуда и из Перми, а лучшие куньи из Сибири, Кадома, Муромы, Перми и Казани. Лучшие рысьи, беличьи и горностаевые меха идут из Галича и Углича, много также из Новгорода и Перми. Лучшего сорта бобры водятся в Мурманске, близ Колы. Другие пушные звери рождаются во многих местах, а некоторые из них даже везде.

Второе произведение — воск, которого ежегодно отправляли в чужие края (как слышал я от людей знающих) до 50 000 пудов, считая каждый пуд в 40 фунтов, а теперь вывозят ежегодно только до 10 000 пудов.

Третье произведение — мед, который, кроме того, что в значительном количестве употребляется самими жителями для напитков (заключающихся в медах разного рода) и для прочего, вывозится в довольно большом количестве за границу. Мед преимущественно получается из Мордвы и Кадома, близ земли черемисских татар, также в большом количестве из областей: Северской, Рязанской, Муромской, Казанской, Дорогобужской и Вяземской.

Четвертое — сало. Его приготавливают весьма много для вывоза за границу, не только по значительному количеству земли,

удобной для пастбищ и скотоводства, но и по причине многих постов и других постных дней; частью же и потому, что люди зажиточные употребляют на свечи воск, а те, которые беднее и из низшего класса, жгут березу, высушенную в печах и расщепанную вдоль на мелкие части, которые называют лучиной. Несколько лет тому назад сала вывозилось ежегодно до 100 000 пудов, теперь не более 30 000 или около того. <...>

Не менее важную отрасль промышленности составляет выделка лосиных и коровьих кож. Первые очень хороши и велики, а воловьи и коровьи меньше (ибо кожи бычачьи у них не выделяются). Прежде иностранные купцы вывозили за границу до 100 000 кож, теперь количество это уменьшилось до 30 000 или около того. Притом морем отправляют за границу значительное количество козьих кож. Лося самой крупной породы водятся около Ростова, Вычегды, Новгорода, Мурома и Перми, а мелкой — в царстве Казанском.

Важную отрасль промышленности составляет также ворвань, или рыбий жир. <...> Лучшая и очищенная ворвань продается и употребляется на смазывание шерсти для сукон, а из худшего сорта (который бывает красного цвета) делается мыло.

Икру добывают в большом количестве на реке Волге из рыб: белуги, осетра, севрюги и стерляди. Купцы французские и нидерландские, отчасти и английские, отправляют много икры в Италию и Испанию.

Льном и пенькой (по уверению купцов) ежегодно нагружалось в Нарвской пристани до 100 больших и малых судов, теперь не более пяти. Причиной упадка и уменьшения требований на это и на другие произведения, которые прежде отправляемы были за границу гораздо в большем количестве, полагают закрытие Нарвской пристани со стороны Финского залива, который находится теперь в руках и во владении шведов; другая причина заключается в пресечении сухопутного сообщения через Смоленск и Полоцк, по случаю войны с Польшей, отчего промышленники запасают и приготавливают всех товаров менее и не могут продавать их столько, сколько продавали прежде. Такой упадок в торговле отчасти зависит и оттого, что купцы и мужики (так называется простой народ) с недавнего времени обременены большими и невы-

носимыми налогами. Не будучи обеспечены в собственности, они поэтому мало заботятся о бережливости и ничем не запасаются, зная, что нередко подвержены опасности лишиться не только имущества, но и жизни. Лен растет почти в одной только Псковской области и ее окрестностях; пеньку доставляют Смоленск, Дорогобуж и Вязьма.

Соли в этой стране весьма много. Лучшая соль и в большом количестве добывается в Старой Русе, где устроено много солеварен в 250 верстах от моря. В Астрахани соль осаждается сама собой из морской воды; она скопляется большими пластами, которые срываются и развозятся купцами и другими промышленниками. Пошлин они платят по три русских деньги со ста фунтов весу. Соль добывается и во многих других местах... <...>

Деготь гонится в большом количестве из сосновых деревьев в областях: Двинской и Смоленской; его много отправляют за границу.

Кроме этих произведений (весьма важных и выгодных в торговле), есть различные другие, свойственные этой стране, хотя менее значительные, а именно: рыбы зубы, употребляемые самими жителями и вывозимые персиянами и бухарцами за границу для делания четок, ножей, сабельных рукояток, назначаемых для лиц высшего сословия, и других вещей. Некоторые употребляют тертый из них порошок (подобно роговому порошку единорога) как противоядие. Рыбы, снабженные этими зубами, называются моржами и ловятся близ Печоры. Есть зубы длиною почти в 2 фута, а весом в одиннадцать и двенадцать фунтов.

В области Карельской и на реке Двине к Северному морю есть мягкая скала, называемая слюдой. Ее разрубают и потом разделяют на тонкие слои, годные сами по себе и употребляемые вместо стекла, рога и т. п. Слюда пропускает свет изнутри и снаружи прозрачнее и чище, нежели стекло, и потому еще заслуживает преимущества перед стеклом и рогом, что не трескается, как первое, и не горит, как последний.

Селитру изготовляют во многих местах, как-то: в Угличе, Ярославле, Устюге; а селитру добывают в небольшом количестве на реке Волге, но не умеют очищать ее.

Здесь железно несколько ломко, но его весьма много добывается в Карелии, Каргополе и Устюге Железном. Других руд нет в России.

Особого рода животные суть: лось, олень, дикая лошадь, медведь, россомаха, или лесная собака, рысь, бобр, соболь, куница, черная и темная лисица, белый медведь, водящийся у морских берегов близ Печоры, горностай, серая белка. Есть также род белки, у которой на спине клок волос, очень похожий на перья, а хвост шире, нежели у других белок; перескакивая с одного дерева на другое, она расправляет его и действует им как будто крылом, прыгает на большое пространство и, по-видимому, летает, почему и называют ее летучею векшей. Зайцы и белки летом одного цвета с нашими; зимой шкура зайца становится белою, молочного цвета, а белки делаются серыми.

Диких оленей и коз весьма много. Лошади малорослы, но очень быстры на бегу и сносны; на них ездят без подков зимой и летом по всякой дороге. Овцы малы, шерсть их груба и жестка. Птицы очень разнородны: много ястребов, есть орлы, кречеты, соколы, коршуны и проч., но ястребов всего более.

Из других птиц главные: лебедь, ручной и дикий (их весьма много), цапля, журавль, тетерев, одного цвета с фазаном, но более его, и живет в сосновых лесах; фазанов и куропаток также много; совы весьма велики, на взгляд хуже наших сов, с широким рылом и ушами, похожими на человеческие.

Из рыб, живущих в пресных водах, кроме рыбы обыкновенной (как-то: карпа, щуки, окуня, линя, плотвы и проч.), есть много других пород рыбы, весьма хорошей и очень вкусной, как-то: белуга или белужина, в четыре или пять аршин 44 длиной, осетрина, севрюга и стерлядь, видом и вкусом несколько похожая на осетрину, но не так толста и велика. Эти четыре рыбы водятся в Волге; их ловят во множестве и рассылают отсюда на продовольствие всего государства. Из яиц их заготавливают большие запасы икры, как сказано было выше.

В реке Волге водится еще рыба, называемая белорыбицей, что есть белая семга, которая, по мнению русских, вкуснее красной семги; последняя также во множестве водится в северных реках: Двине, Коле и проч.

В озере, находящемся близ города, называемого Переславлем, недалеко от Москвы, ловится небольшая рыба, известная под именем свежей сельди, видом и отчасти вкусом похожая на морскую сельдь.

Города, замечательные по рыбной ловле, суть: Ярославль, Белоозеро, Новгород, Астрахань и Казань. Все они, за право производить рыбный промысел, ежегодно платят значительную пошлину в царскую казну. Рыбной ловлей занимаются летом, а зимой уже рассылают во все концы государства наловленную и замороженную рыбу.

Главные города в России

Главные города в России суть: Москва, Новгород, Ростов, Владимир, Псков, Смоленск, Ярославль, Переславль, Нижний Новгород, Вологда, Устюг, Холмогоры, Казань, Астрахань, Каргополь, Коломна.

Москва считается городом весьма древним, хотя основатель ее неизвестен русским. <...> Город значительно распространен Иваном, или Иоанном, сыном Даниила, который первый присвоил себе, вместо княжеского титула, титул короля; преемники его, однако ж, не именовались так оттого, что титул короля он получил в 1246 году от папского легата (папой в то время был Иннокентий IV), что весьма не понравилось русским, которые принадлежат к церкви восточной или греческой¹.

С того времени название Москвы сделалось славным и более известным свету, так что Московией некоторые стали называть не одно княжество, но всю Россию, по имени ее столицы. Вид этого города имеет очертание кругловатое с тремя большими стенами, окружающими одна другую, между коими проведены улицы. Самая внутренняя стена и заключающиеся в ней строения (лежащие здесь столь же безопасно, как сердце в теле, будучи омываемы Москвой-рекой, которая протекает близ самой стены) называются в своей целости царским

¹ Флетчер здесь, очевидно, смешал московского князя Даниила Александровича с королем Галицким Даниилом Романовичем.

замком¹. Число домов, как сказывали мне, во всем городе по исчислению, сделанному по царскому повелению (незадолго до сожжения его крымцами), простиралось до 41 500. <...>

Ближайший к ней город по величине и почти столько же обширный есть Новгород... <...> Эти оба города отличаются своим пространством перед другими. По укреплениям же в особенности замечательны города: Псков, Смоленск, Казань и Астрахань, как города пограничные. Но по местоположению Ярославль далеко превосходит прочие: кроме получаемых им произведений от богатых пажитей и плодоносных полей, он лежит на славной реке, Волге, и расположен на высоком и весьма красивом берегу... <...>

Другие города не имеют ничего замечательного, кроме некоторых развалин в их стенах, доказывающих упадок русского народа при теперешнем правлении. На улицах, вместо мостовых, лежат обтесанные сосновые деревья, одно подле другого. Дома их деревянные, без извести и камня, построены весьма плотно и тепло из сосновых бревен, которые кладутся одно на другое и скрепляются по углам связями. Между бревнами кладут мох (его собирают в большом изобилии в лесах) для предохранения от действия наружного воздуха. Каждый дом имеет лестницу, ведущую в комнаты со двора или с улицы, как в Шотландии. Деревянная постройка для русских, по-видимому, гораздо удобнее, нежели каменная или кирпичная, потому что в последних больше сырости и они холоднее, чем деревянные дома, особенно из сухого соснового лесу, который больше дает тепла. <...>

О доме или роде русских царей

<...> Иван Васильевич, отец теперешнего царя, часто гордился, что предки его не русские, как бы гнушаясь своим происхождением от русской крови. Это видно из слов его, сказанных одному англичанину, именно — его золотых дел мастеру. Отдавая слитки, для приготовления посуды, царь велел ему хорошенько смотреть за весом. «Русские мои все воры», —

¹ Имеется в виду Кремль.

сказал он. Мастер, слыша это, взглянул на царя и улыбнулся. Тогда царь, человек весьма проницательного ума, приказал объявить ему, чему он смеется. «Если ваше величество просите меня, — отвечал золотых дел мастер, — то я вам объясню. Ваше величество изволили сказать, что русские все воры, а между тем забыли, что вы сами русский». — «Я так и думал, — отвечал царь, — но ты ошибся: я не русский, предки мои германцы». <...>

Младший брат царя, дитя лет шести или семи (как сказано было прежде), содержится в отдаленном месте от Москвы, под надзором матери и родственников из дома Нагих, но (как слышно) жизнь его находится в опасности от покушений тех, которые простирают свои виды на обладание престолом в случае бездетной смерти царя. Кормилица, отведавшая прежде него какого-то кушанья (как я слышал), умерла скоропостижно. Русские подтверждают, что он точно сын царя Ивана Васильевича, тем, что в молодых годах в нем начинают обнаруживаться все качества отца. Он (говорят) находит удовольствие в том, чтобы смотреть, как убивают овец и вообще домашний скот, видеть перерезанное горло, когда течет из него кровь (тогда как дети обыкновенно боятся этого), и бить палкой гусей и кур до тех пор, пока они не издохнут. <...>

Образ правления

Образ правления у них весьма похож на турецкий, которому они, по-видимому, стараются подражать, сколько возможно, по положению своей страны и по мере своих способностей в делах политических.

Правление у них чисто тираническое: все его действия клонятся к пользе и выгодам одного царя и, сверх того, самым явным и варварским образом. <...> Впрочем, дворянству дана несправедливая и неограниченная свобода повелевать простым или низшим классом народа и угнетать его во всем государстве, куда бы лица этого сословия ни пришли, но в особенности там, где они имеют свои поместья или где определены царем для управления.

Простолюдинам сделана также некоторая маловажная уступка тем, что они могут передавать свои земли по наследству любому из сыновей, <...> располагать имуществом своим произвольно, имея право дарить и завещать его по собственному желанию.

Несмотря, однако, на это, оба класса, и дворяне и простолюдины, в отношении к своему имуществу суть не что иное, как хранители царских доходов, потому что все найденное ими рано или поздно переходит в царские сундуки <...>.

Что касается до главных пунктов или статей, входящих в состав самодержавного правления (как-то: издания и уничтожения законов, определения правительственных лиц, права объявлять войну и заключать союзы с иностранными державами и права казнить и миловать, с правом изменять решения по делам гражданским и уголовным), то все они так безусловно принадлежат царю и состоящей под ним Думе, что его можно назвать как верховным правителем, так и самим исполнителем в отношении ко всем исчисленным предметам.

Всякий новый закон или постановление, касающиеся до государства, определяются всегда прежде, нежели созывается по этому случаю какое-либо общее собрание или совет. Кроме своей Думы, царю не с кем советоваться о предметах, по которым уже предварительно сделано было постановление, за исключением немногих епископов, архимандритов и монахов, и то для того только, чтобы воспользоваться суеверием народа (притом всегда к его вреду), который считает святым и справедливым все, что ни сделано с согласия их епископов и духовенства. Вот почему цари, пользуясь для своих выгод теперешним упадком церкви, потворствуют ему чрезвычайными милостями и привилегиями, дарованными епископиям и монастырям, ибо они знают, что суеверие и лжеверие лучше всего согласуются с тираническим образом правления и особенно необходимы для поддержания и охранения его.

Во-вторых, что касается до общественных и правительственных должностей в государстве, то здесь нет ни одного наследственного звания, как бы ни было оно высоко или низко, и, напротив, определение к той или другой должности зависит непосредственно от самого царя, так что даже дяки в каждом главном городе большею частью назначаются им самим. <...>

В-третьих, то же можно сказать о заведывании делами судебными, в особенности касающимися до жизни и смерти. <...> Чтобы показать власть свою над жизнью подданных, покойный царь Иван Васильевич во время прогулок или поездок приказывал рубить головы тех, которые попадались ему навстречу, если их лица ему не нравились, или когда кто-нибудь неосторожно на него смотрел. Приказ исполнялся немедленно, и головы падали к ногам его. <...>

О дворянстве и средствах,
употребляемых к ослаблению его
согласно с видами правительства

<...> Самые знатные по роду, власти и доходам называются удельными князьями, то есть князьями выделенными или привилегированными. <...> Сначала они были только обязаны служить царю во время войны, выставляя известное число конных, но покойный царь Иван Васильевич, отец нынешнего царя, человек высокого ума и тонкий политик в своем роде, желая более усилить свое самодержавие, начал постепенно лишать их прежнего величия и прежней власти, пока, наконец, сделал их не только своими подчиненными, но даже холопами, то есть настоящими рабами или крепостными. В самом деле, они сами не иначе себя называют как в государственных бумагах, так и в частных просьбах, подаваемых ими царю... <...>

Средства и меры, употребленные для этого царем, как против князей удельных, так и других дворян (сколько я мог заметить, судя по рассказам о его действиях), были следующие или тому подобные: во-первых, он посеял между ними личное соперничество за первенство в чинах и званиях и с этой целью подстрекал дворян, менее знатных по роду, стать выше или наравне с теми, которые происходили из домов более знатных. Злобу их и взаимные распри он обращал в свою пользу, принимая клеветы и доносы касательно козней и заговоров, будто бы умышляемых против него и против государства. Ослабив таким образом самых сильных и истребив одних с помощью других, он, наконец, начал действовать открыто и остальных принудил уступить ему права свои.

Во-вторых, разделил он своих подданных на две части или партии, разъединив их совершенно между собой. Одни из них были названы им опричными или отборными людьми. Сюда принадлежали те из лиц высшего сословия и мелких дворян, коих царь взял себе на часть, чтобы защищать и охранять их, как верных своих подданных. Всех прочих он назвал земскими или общими.

Земские были самый низкий и простой класс людей с теми из дворян, которых царь думал истребить, как будто бы недовольных его правлением и имеющих против него замыслы. Что касается до опричников, то он заботился, чтобы они своим числом, знатностью, богатством, вооружением и проч. далеко превосходили земских, коих он, напротив, как бы лишил своего покровительства, так что, если кто из них был ограблен или убит кем-нибудь из опричников (которых он причислял к своей партии), то нельзя уже было получить никакого удовлетворения ни судом, ни жалобой царю.

Те и другие по порядку были вносимы и записываемы в книгу, почему всякий знал, кто был земским и кто принадлежал к разряду опричников. И эта свобода, данная одним грабить и убивать других без всякой защиты судебными местами или законом (продолжавшаяся семь лет), послужила к обогащению первой партии и царской казны и, кроме того, способствовала к достижению того, что он имел при этом в виду, т. е. к истреблению дворян, ему ненавистных, коих в одну неделю и в одном городе Москве было убито до трехсот человек.

Такие тиранские его поступки, с целью произвести всеобщий раздор и повсеместное разделение между подданными, произошли (как должно думать) от чрезвычайной мнительности и безнадежного страха, возникших в нем ко многим из туземного дворянства во время войны с поляками и крымскими татарами, когда он впал в сильное подозрение (родившееся в нем вследствие худого положения дел), что они состоят в заговоре с поляками и крымцами. На основании этого некоторых из них он казнил и означенное средство избрал для того, чтоб отделаться от остальных.

Столь низкая политика и варварские поступки (хотя и прекратившиеся теперь) так потрясли все государство и до того возбудили всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что

(по-видимому) это должно окончиться не иначе, как всеобщим восстанием.

Овладев всем их наследственным имением и землями, лишив их почти всех прав и проч. и оставив им одно только название, он дал им другие земли на праве поместном (как оно здесь называется), владение коими зависит от произвола царя и которые находятся на весьма дальнем расстоянии и в других краях государства, и этим способом удалил их в такие области, где бы они не могли пользоваться ни милостью, ни властью, не будучи тамошними уроженцами или хорошо известными в тех местах; почему теперь знатнейшие дворяне (называемые удельными князьями) сравнялись с прочими, с той только разницею, что во мнении народа и относительно привязанности его к ним они стоят выше и что во всех общественных собраниях они постоянно занимают свое первое место.

Средства, коими стараются препятствовать возвышению этих домов и возвращению себе прежнего значения, суть следующие, вместе с другими, им подобными: во-первых, многим из наследников не дозволяется вступать в брак, дабы род прекратился вместе с ними. Иных отправляют в Сибирь, в Казань и в Астрахань, под предлогом службы, и там умерщвляют или же сажают в темницу. Некоторых заключают в монастыри, где они постригаются в монахи, под видом обета, данного добровольно и по собственному желанию, но на самом деле поневоле, из опасения, что их обвинят в каком-нибудь взведенном на них преступлении. Здесь они находятся под столь бдительным надзором особенной стражи и самих монахов (которые отвечают головой за их побег), что им не остается никакой надежды, как кончить дни свои в заточении. Из числа таких лиц многие принадлежат к высшему дворянству.

Как эти, так и другие подобные им средства, придуманные царем Иваном Васильевичем, доселе еще употребляются Годуновыми, которые, возвысившись через брак царицы, родственницы их, правят и царем и царством (в особенности Борис Федорович Годунов, брат царицы), стараясь всеми мерами истребить или унижить все знатнейшее и древнейшее дворянство. <...>

Названия знатнейших дворянских родов, по порядку их, следующие: 1. Род князя Владимира, который заключается те-

перь в одной дочери, вдове и бездетной (как упомянуто выше), некогда бывшей в замужестве за Гартоком Магнусом, братом короля Датского, а теперь заточенной в монастырь. 2. Князь Мстиславский. Он также заключен в монастырь, а единственному сыну его не дозволено вступать в брак для пресечения их рода. 3. Глинские. Из них остался один, и тот бездетный, за исключением только одной дочери. 4. Шуйские. Их четыре брата, все молодые люди и холостые. 5. Трубецкие. Из этого дома остается в живых четверо. 6. Булгаковы. Теперь дом этот имеет название Голицыных, коих пятеро в живых, но все еще юноши. 7. Воротынские. Из этого дома осталось всего двое. 8. Одоевские. Также двое. 9. Телятевские. Один. 10. Татевы. Их трое. Вот название главных фамилий, известных под именем удельных князей, которые в самом деле теперь все утратили, кроме одного титула и расположения к ним народа, готового со временем восстановить их снова, если кто-нибудь из них останется в живых.

Вторую степень дворянства составляют бояре. Сюда принадлежат те, коих царь удостоивает (при дворянстве их) названия советников. Эти оба класса дворян получают доход с земель, жалованных им царем и владеемых ими по его произволу (ибо наследственных осталось у них весьма мало, как было сказано выше), который простирается до тысячи марок в год, кроме денежного жалованья от царя за службу их на войне, в количестве около 700 рублей в год, более чего никто не получает. <...>

К третьему разряду принадлежат воеводы, или те дворяне, которые в настоящее время или прежде были главными начальниками на войне. Звание свое или титул они передают потомству и занимают место выше прочих князей и дворян, не принадлежащих к первым двум разрядам, то есть удельным князьям и боярам.

Эти три разряда дворянства, именно: князья удельные, бояре и воеводы — имеют то преимущество, что к именам их прибавляется «вич», как-то: Борис Федорович, и проч., что считается почестью, на которую другие не имеют права. В случае же опущения этого слога при наименовании их они могут искать бесчестие, или штраф за неуважение, на тех, которые не так их назвали.

Четвертую и низшую степень дворянства составляют лица, носящие название князей, но происходящих от младших братьев главных домов, будучи их потомками через многие поколения. Они не имеют никакого родового наследства, кроме одного пустого имени или титула князя, ибо у них в обычае передавать свои звания и титулы равно всем детям, несмотря на то, что бы они им ни оставляли, так что сыновья воеводы или главного начальника на войне называются воеводами, хотя бы никогда не бывали в сражении, а сыновья князя носят титул князей, хотя не имеют у себя никакого наследственного имени, чем бы могли содержать себя. Последнего рода дворян так много, что их считают за ничто, и вы нередко встретите князей, готовых служить простолюдину за пять или шесть рублей или марок в год; а при всем том они горячо принимают к сердцу всякое бесчестие или оскорбление прав своих. Вот все различные разряды дворянства.

Вторую степень лиц вообще составляют сыновья боярские, или дети дворян, пользующиеся почетом и получившие это название за службу на войнах царских, принадлежа к военному званию по самому своему состоянию и рождению. Сюда же причисляются дьяки или секретари, которые состоят на службе у царя в каждом главном городе, находясь по назначению при тамошних князьях.

Последнюю степень образуют простолюдины, называемые мужиками. Сюда причисляют также купцов и простых ремесленников. Самый же низший класс этого разряда (не относящийся ни к какой степени) составляют сельские жители, называемые крестьянами. <...>

Об управлении областями и княжествами

Вся Россия (как было сказано выше) разделяется на четыре части, называемые русскими Четвертями, или тетрархиями. Каждая Четверть заключает в себе несколько областей и приписана к какому-нибудь приказу, от которого заимствует свое название. Первая Четверть, или тетрархия, называется Посольской Четвертью, или областью (юрисдикцией) приказа Посольского, и находится в настоящее время под ведением

главного секретаря¹, начальника Посольского приказа, Андрея Щелкалова. Он ежегодно получает от царя за службу 100 рублей или марок определенного жалованья или оклада.

Вторая Четверть называется Разрядной, потому что она присоединена к разрядному или верховному констеблю. Теперь эту четверть по должности занимает Василий Щелкалов, брат канцлера, а управляет ею некто Сапун Абрамов. Жалованья получает он 100 рублей в год.

Третья Четверть — Поместная, как принадлежащая этому приказу. Этот приказ ведет списки всем землям, розданным царем за службу знати, дворянам и иным, выдает и принимает все крепости на них. Ею заведует в настоящее время Елеазар Вылузгин. Жалованье его — 500 рублей в год.

Четвертая называется Казанским Дворцом, так как она присоединена к приказу, управляющему царствами Казанским и Астраханским, равно как и другими городами, лежащими по Волге. Теперь ею управляет некто Дружина Пантелеев, человек весьма уважаемый между русскими за его ум и расторопность в делах правительственных. Жалованье его 150 рублей в год.

В состав Четвертей, или тетрархий, не входит наследственное имение царя, или вотчина (как она здесь называется)...
<...>

Для управления каждой отдельной областью в этих четырех Четвертях определяется один из тех князей, о коих упомянуто было выше, как принадлежащих к низшей степени дворянства. Они имеют пребывание в главных городах означенных областей. К каждому из них присоединяется дьяк, или секретарь, назначаемый ему в помощники или, лучше сказать, руководители, ибо такой дьяк заведует всеми делами, относящимися до исполнения их должности.

Обязанности их на самом деле состоят в следующем. Во-первых, они должны выслушивать и решать все гражданские дела в своей области. С этою целью им подчинены некоторые чиновники, как-то: губные старосты, или коронеры, которые, кроме производства следствий о самоубийцах, обязаны преследовать преступников, и судьи, имеющие право

¹ Думный дьяк.

сами выслушивать и решать все дела подобного рода между крестьянами в своем округе или участке, но с тем, что, в случае неудовольствия той или другой стороны, они имеют право апелляции и могут жаловаться князю и дьяку, имеющим пребывание в главном городе. Отсюда дело можно еще перевести в Москву, в Царскую Думу, как в высшее судебное место, куда окончательно поступают все апелляции. Далее им также подвластны сотские старосты, то есть олдермены сотен.

Во-вторых, во всех делах уголовных, как-то: воровстве, убийстве, измене и проч., они имеют власть задержать, допросить и заключить в тюрьму преступника; по окончании же всех справок и следствия обязаны переслать дело, уже совершенно готовое и правильно изложенное, в Москву к управляющему Четвертью, в которой числится их область, а последний передает его на рассмотрение Царской Думе. Но они не имеют права ни решать дела уголовные, ни наказывать виновного.

В-третьих, им также вменяется в обязанность отправление разных общественных дел в их областях, как-то: обнародование законов или учреждений посредством прокламаций, сбор податей и налогов в пользу царя, набор ратников и отправление их в срок и место, назначенные царем или Думой.

Князья и дьяки определяются на места самим царем и в конце каждого года по обыкновению сменяются, за исключением некоторых, пользующихся особым благоволением или расположением, для коих этот срок продолжается еще на год или на два. Сами по себе они не могут похвалиться ни доверием, ни любовью народа, которым управляют, не принадлежа к нему ни по рождению, ни по воспитанию и не имея притом собственного наследственного имени ни в его округе, ни даже в другом месте. Только от царя получают они за свою службу по большей мере около 100 марок в год, а некоторые только пятьдесят, другие же всего тридцать. Народ еще более недоверчив к ним и ненавидит их за то, что, не имея никакой собственности и являясь каждый год свежие и голодные, они мучают и обирают его без всякой справедливости и совести. Главные начальники Четвертей не обращают внимания на такие поступки, для того, чтоб в свою очередь обирать их самих и получить большую добычу, когда потребуют от

них отчета, что, обыкновенно, делают при истечении их службы, извлекая, таким образом, свои выгоды из их несправедливости и притеснений бедного народа. <...>

Городом Москвой (где имеет постоянное пребывание царь) управляет одна Царская Дума. Все производящиеся здесь дела, как гражданские, так и уголовные, выслушиваются и решаются в известных судах, где заседают члены Думы, постоянно живущие здесь. Только для решения дел самых обыкновенных (как-то: построек, поправок, содержания улиц в опрятности и чистоте, сбора податей, налогов и т. п.) определены два дворянина и два дьяка, или секретаря, составляющие все вместе присутственное место для управления подобного рода делами, которое называется Земским Двором.

Если кто из городских обывателей подозревает своего служителя в воровстве или подобном преступлении, то он может привести его сюда для допроса посредством пытки или другого истязания. Кроме этих двух дворян и секретарей, заведывающих всем городом, есть еще старосты, или олдермены, в каждой отдельной общине. Такой старшина имеет своих сотских, или констеблей, а сотский известное число десятских, или декурионов, ему подчиненных, из коих поручен каждому надзор над десятью домами, отчего всякий беспорядок скорее обнаруживается, а общественная служба отправляется поспешнее. Все граждане, бедные и богатые, разделяются на общины. Главные начальники (как-то: дьяки и дворяне) определяются самим царем, старосты — дворянами и дьяками, сотские — старостами, или олдерменами, а десятские — констеблями.

Если бы такой образ управления областями и городами был столько же полезен для беспристрастного правосудия ко всем жителям, сколько он удобен для предупреждения нововведений, удерживая дворянство в порядке, а простой народ в подчинении, то, по-видимому, он был бы недурен, даже в политическом отношении, для государства, столь обширного и имеющего такое протяжение в длину и ширину, какова Россия. Но угнетение и рабство так явны и так резки, что надобно удивляться, как дворянство и народ могли им подчиниться, имея еще некоторые средства, чтоб избежать их или же от них освободиться, равно как и тому, каким образом цари, утвер-

дившись в настоящее время на престоле так прочно, могут довольствоваться прежним правлением, соединенным со столь явной несправедливостью и угнетением их подданных, тогда как сами исповедуют веру христианскую. <...>

О мерах к обогащению царской казны имуществом подданных

1

Не препятствовать насилиям, поборам и всякого рода взяткам, которым князья, дьяки и другие должностные лица подвергают простой народ в областях, но позволять им все это до окончания срока их службы, пока они совершенно насытятся; потом поставить их на правож (или под кнут) за их действия и вымучить из них всю или большую часть добычи (как мед высасывается пчелой), награбленной ими у простого народа, и обратить ее в царскую казну, никогда, впрочем, не возвращая ничего настоящему владельцу, как бы ни была велика или очевидна нанесенная ему обида. <...>

2

Показывать иногда публичный пример строгости над должностными лицами (грабившими народ), если кто из них особенно сделается известным с худой стороны, дабы могли думать, что царь негодует на притеснения, делаемые народу, и таким образом сваливать всю вину на дурные свойства его чиновников. Так, между прочим, поступил покойный царь Иван Васильевич с дьяком одной из своих областей, который (кроме многих других поборов и взяток) принял жареного гуся, начиненного деньгами. Его вывели на торговую площадь в Москве, где царь, находясь лично, сам сказал речь: «Вот, добрые люди, те, которые готовы съесть вас, как хлеб, и проч.»; потом спросил у палачей своих, кто из них умеет резать гуся, и приказал одному из них сначала отрубить у дьяка ноги по половине икр, потом руки выше локтя (все спрашивая его, вкусно ли гусиное мясо) и, наконец, отсечь голову,

дабы он совершенно походил на жареного гуся. Поступок этот мог бы служить достаточным примером правосудия (как понимают правосудие в России), если б не имел в виду хитрую цель прикрыть притеснения, делаемые самим царем.

3

Явно показывать нужду в случае предстоящей новой значительной подати или налога. Так теперешний царь, Феодор Иоаннович, поступил по совету некоторых приближенных в начале своего царствования, когда, оставшись весьма богатым (как полагали) после отца, он продал большую часть своего серебра и перелил некоторую часть в деньги, дабы показать, что нуждается в них. Вслед за тем было объявлено о новом налоге.

4

Дозволять подданным отказывать беспрепятственно имущество монастырям (что по суеверию делают весьма многие, особенно в духовных завещаниях) и вносить туда деньги и пожитки на сбережение. Все это дозволено без всякого ограничения и безусловно, как-то было прежде и теперь еще продолжается в некоем христіанских государствах. От таких взносов монастыри чрезвычайно обогащаются. Дозволяют же это для того, чтобы государственные суммы хранились все вместе и были ближе к рукам, если бы вздумалось взять их, что делается часто и без всякой тревоги, потому что монахи охотнее готовы отдать какую-либо часть (по мере умножения богатства), нежели лишиться всего вдруг, а этому они нередко подвергались в царствование последнего государя.

С такой целью покойный царь Иван Васильевич прибегнул к весьма странной мере, которой бы весьма немногие государы воспользовались, даже в особенной крайности. Он уступил царство одному великому князю, Симеону, сыну царя Казанского, как бы намереваясь удалиться от всех общественных дел и вести покойную частную жизнь. К концу года заставил он нового государя отобрать все грамоты, жалованные епископиям и монастырям, коими последние пользовались уже

несколько столетий. Все они были уничтожены. После того (как бы недовольный таким поступком и дурным правлением нового государя) он взял опять скипетр и, будто бы в угодность церкви и духовенству, дозволил возобновить грамоты, которые роздал уже от себя, удерживая и присоединяя к казне столько земель, сколько ему самому было угодно.

Этим способом он отнял у епископий и монастырей (кроме земель, присоединенных им к казне) несметное число денег: у одних 40, у других 50, у иных 100 тысяч рублей, что было сделано им с целью не только умножить свою казну, но также отстранить дурное мнение об его жестоком правлении, показав пример еще худшего в руках другого царя. В этом поступке видна вся странность его характера; невзирая на то, что он был ненавидим своими подданными (что сам знал очень хорошо), решился он, однако, посадить на свое седло другого, который мог бы ускакать с лошадей, оставив его пешим.

5

Отправлять нарочных в области или княжества, где добываются особенные произведения, как-то: меха, воск, мед и проч., и там забирать и захватывать целиком какое-либо одно произведение, а иногда два или более по дешевым ценам, какие сами назначат, и потом продавать их по высокой цене как своим, так и иноземным купцам, а если они будут отказываться от покупки, то принуждать их к тому силой.

Точно так же поступают, когда какое-либо произведение, туземное или иностранное (как-то: парча, тонкое сукно и проч.), захваченное царем и принятое в казну, испортится от долгого лежания или по другой причине: испорченное принуждают купцов покупать волею или неволею, по цене, назначенной царем. В прошлом 1589 году был забран весь воск в государстве, так что никто не имел права торговать им, кроме царя.

6

Присваивать иногда таким же образом иностранные произведения, как-то: шелковые материи, сукно, свинец, жемчуг и проч., привозимые в государство купцами турецкими, ар-

мянскими, бухарскими, польскими, английскими и другими, и потом принуждать своих купцов покупать эти произведения у царских чиновников по цене, назначенной им самим.

7

Обращать на некоторое время в монополию произведения, вносимые в подать, и возвышать цену их, как-то: меха, хлеб, лес и проч. В продолжение этого времени никто не может продавать тот же товар до тех пор, пока не распродается весь товар царский. Таким способом царь получает от оброчного хлеба и других припасов (как было сказано выше) около 200 000 рублей или марок в год, а от оброчного леса, сена и проч. 30 000 рублей или около того.

8

В каждом большом городе устроен кабак или питейный дом, где продается водка (называемая здесь русским вином), мед, пиво и проч. С них царь получает оброк, простирающийся на значительную сумму: одни платят 800, другие 900, третьи 1000, а некоторые 2000 или 3000 рублей в год. Там, кроме низких и бесчестных средств к увеличению казны, совершаются многие самые низкие преступления. Бедный работник и мастеровой часто проматывают все имущество жены и детей своих. Некоторые оставляют в кабаке двадцать, тридцать, сорок рублей или более, пьянствуя до тех пор, пока всего не истратят. И это делают они (по словам их) в честь господаря, или царя. Вы нередко увидите людей, которые пропили с себя все и ходят голые (их называют нагими). Пока они сидят в кабаке, никто и ни под каким предлогом не смеет вызвать их оттуда, потому что этим можно помешать приращению царского дохода.

9

Заставлять некоторых из приближенных бояр или дворян (пользующихся доверием царя), у коих есть в Москве дома, делать объявление, что они ограблены; потом посылать за

земскими, или олдерменами города, и отдавать им приказание, чтобы они отыскивали похищенное; если же оно не найдется, брать или взysкивать с города за худое их управление 8, 9 или 10 тысяч рублей вдруг. Это делается весьма часто.

10

Чтобы показать свое самодержавие при таких поборах, они употребляют иногда весьма простые, но довольно странные уловки. Вот как, например, поступал Иван Васильевич, отец нынешнего царя. Он отправил в Пермь за несколькими возами кедрового дерева, зная, что оно там не растет; когда же жители отвечали, что не могут найти такого дерева, то царь велел взysкать с них 12 000 рублей, как будто бы они с намерением его скрывают. В другой раз он послал в Москву добыть ему колпак или меру живых блох для лекарства. Ему отвечали, что этого невозможно исполнить, и если бы даже удалось наловить столько блох, то ими нельзя наполнить меру, оттого что они распрыгаются. За это царь взysкал с них штраф, или выбил из них правожом 7000 рублей.

Подобной же уловкой отнял он у своих бояр 30 000 рублей за то, что, отправившись на охоту за зайцами, не изловил ничего, как будто бы бояре вытравили и перебили всех зайцев, а они (по обыкновению) тотчас обратили этот правож на мужиков, или простой народ. Как ни странным должен казаться такой забавный способ грабить бедных подданных без основательного повода, но он совершенно согласен со свойствами тамошних царей и с жалким рабством этого несчастного государства. Такие-то и подобные способы употребляют русские цари для обогащения казны своей.

О простом или низшем классе народа в России

<...> Во-первых, о свободе их, в какой мере они ею пользуются, можно судить по тому, что они не причислены ни к какому разряду и не имеют ни голоса, ни места на соборе, или в высшем земском собрании, где утверждаются законы и публич-

ные постановления, клонящиеся обыкновенно к угнетению простолюдинов, ибо остальные два класса, то есть дворянство и духовенство, которые имеют голос в таких собраниях (хотя далеко не пользуются свободой, необходимой в общих совещаниях для блага всего государства, согласно со значением и правами каждого по его званию), довольствуются тем, чтобы все бремя лежало на простолюдинах и что могут облегчить сами себя, сваливая все на них.

Далее, до какого рабского состояния они унижены не только в отношении к царю, но и к боярам и вообще дворянам (которые и сами суть не что иное, как рабы, особливо с некоторого времени), это можно видеть из собственного сознания их в просьбах и других бумагах, подаваемых кому-либо из дворянства или высших правительственных лиц: здесь они сами себя называют и подписываются холопами, то есть их крепостными людьми или рабами, так точно, как, в свою очередь, дворяне признают себя холопами царя. <...>

Во-вторых, что касается до земель, движимого имущества и другой собственности простого народа, то все это принадлежит ему только по названию и на самом деле несколько не ограждено от хищничества и грабежа как высших властей, так даже и простых дворян, чиновников и солдат. Кроме податей, пошлин, конфискаций и других публичных взысканий, налагаемых царем, простой народ подвержен такому грабежу и таким поборам от дворян, разных властей и царских посыльных по делам общественным, особенно в так называемых ямах и богатых городах, что вам случается видеть многие деревни и города, в полмили или в целую милю длины, совершенно пустые, народ весь разбежался по другим местам от дурного с ним обращения и насилий.

Так по дороге к Москве, между Вологдой и Ярославлем (на расстоянии двух девяностых верст, по их исчислению, немного более ста английских миль), встречается по крайней мере до пятидесяти деревень, иные в полмили, другие в целую милю длины, совершенно оставленные, так что в них нет ни одного жителя. То же можно видеть и во всех других частях государства, как рассказывают те, которые путешествовали в здешней стране более, нежели сколько дозволили мне это время или случай.

Чрезвычайные притеснения, которым подвержены бедные простолюдины, лишают их вовсе бодрости заниматься своими промыслами, ибо чем кто из них зажиточнее, тем в большей находится опасности не только лишиться своего имущества, но и самой жизни. Если же у кого и есть какая собственность, то старается он скрыть ее, сколько может, иногда отдавая в монастырь, а иногда зарывая в землю и в лесу, как обыкновенно делают при нашествии неприятельском. Этот страх простирается в них до того, что весьма часто можно заметить, как они пугаются, когда кто из бояр или дворян узнает о товаре, который они намерены продать. <...> Вот почему народ (хотя вообще способный переносить всякие труды) предается лени и пьянству, не заботясь ни о чем более, кроме дневного пропитания. <...>

Что касается до других качеств простолюдинов, то, хотя и заметна в них некоторая способность к искусствам (как можно судить по природному здравому рассудку людей взрослых и самых детей), однако они не отличаются никаким даже ремесленным производством, тем менее в науках или какими-либо сведениями в литературе, от коих, так точно, как и ото всех воинственных упражнений, их с намерением стараются отклонить для того, чтобы легче было удержать их в том рабском состоянии, в каком они теперь находятся, и чтобы они не имели ни способности, ни бодрости решиться на какое-либо нововведение. С тою же целью им не дозволяют путешествовать, чтобы они не научились чему-нибудь в чужих краях и не ознакомились с их обычаями.

Вы редко встретите русского путешественника, разве только с посланником или беглого; но бежать отсюда очень трудно, потому что все границы охраняются чрезвычайно бдительно, а наказание за подобную попытку, в случае, если поймут виновного, есть смертная казнь и конфискация всего имущества. Учатся только читать и писать, и то весьма немногие. По той же причине не дозволено у них иностранцам приезжать в их государство из какой-либо образованной державы иначе, как по торговым сношениям для сбыта им своих товаров и для получения через их руки произведений чужеземных. <...>

Об отправлении правосудия
и судопроизводстве по делам
гражданским и уголовным

<...> Гражданские дела начинаются и производятся у них следующим порядком. Во-первых, истец подает челобитную, в которой он объясняет предмет иска или причиненную ему обиду. На основании этой челобитной ему вручается выписка, или приказ, передаваемый им приставу или сержанту, о задержании ответчика, который, после того, должен представить удостоверение, что он явится к ответу в назначенный день, иначе сержант может обеспечить себя такими мерами, какие сам признает нужными.

Сержантов много, и они отличаются строгим и жестоким обращением с арестантами, коих обыкновенно заковывают в такие тяжелые кандалы, какие они только в состоянии вынести, для того, чтобы сорвать с них большую взятку. Иногда из-за каких-нибудь шести пенсов вы увидите человека с цепями на ногах, руках и на шее.

Когда тяжущиеся станут перед судьей, проситель начинает объяснять свое дело, основываясь на своей челобитной. Что касается до ходатаев, консулентов, поверенных и адвокатов для того, чтобы защищать вместо истца его дело, то здесь нет ничего такого, и каждый обязан излагать свой иск и защищать права свои так хорошо, как умеет.

Если есть свидетели или другие доказательства, то их предъявляют судье. За неимением их или в случае неясности дела, при равносильных доказательствах, судья спрашивает того или другого из тяжущихся (кого ему самому вздумается, истца или ответчика), согласен ли он принять на себя крестное целование в том, чем уличает противника, или в чем отпирается. Тот, кто (вследствие такого предложение судьи) примет на душу крест, считается правым и выигрывает тяжбу. Эта церемония происходит не в суде, но так, что истца, который согласится на присягу, один из чиновников ведет в церковь, где она и совершается. Между тем деньги вешают на гвоздь или под образом, и как скоро присягающий поцелует крест пред этим образом, то ему тотчас и отдают их.

Такой обряд крестного целования равняется у них клятве и почитается столь святым делом, что никто не дерзнет его нарушить или осквернить ложным показанием. Если обе стороны соглашаются поцеловать крест в спорном деле, то бросают жребий. Тот, кому он достанется, почитается правым и выигрывает тяжбу. Сторона, признанная виновной, присуждается к уплате долга, или штрафа, и, сверх того, к уплате царской пошлины, заключающейся в 20 пенсах на каждую марку, как было замечено выше.

По окончании таким образом дела обвиненный отдается на руки пристава (который имеет на то приказ из суда) для представления его на правеж, если он не заплатит тотчас деньги или не удовлетворит просителя. Правежом называется место, находящееся близ суда, где обвиненных по решению и отказывающихся платить присужденный предмет или сумму бьют батогами по икрам. Каждый день от восьми до одиннадцати часов утра их ставят на правеж и бьют до тех пор, пока они не заплатят деньги. Все время после полудня и ночью пристав держит их в кандалах, за исключением тех, которые представят достаточное обеспечение, что будут сами являться на правеж в назначенный час. На правеже человек сорок или пятьдесят ставят в один ряд и каждое утро стегают и бьют по икрам, между тем как они испускают жалобные вопли. После годичного стояния на правеже, если обвиненный не захочет или не в состоянии удовлетворить кредитора, последнему дозволяется законом продать жену его и детей, во все или на известное число лет; а если предлагаемая за них сумма недостаточна на полное удовлетворение, то он сам может взять их себе в рабы на несколько лет или навсегда, смотря по количеству долга.

Спорные дела, не утверждающиеся на прямых доказательствах или основанные на предположениях и обстоятельствах, которые должны быть взвешены судьей, тянутся весьма долго и доставляют большие выгоды как судье, так и прочим должностным лицам. Напротив, дела, возникающие на основании записей или письменных обязательств, решаются у них большей частью удовлетворительно и скоро. <...>

Если кто попадает в каком-либо преступлении (как-то: измене, убийстве, воровстве и т. п.), то, прежде всего, при-

водят его к князю и дьяку той области, где он числится, для допроса. Допрос в подобных случаях производится обыкновенно посредством истязаний (что называется пыткой), состоящих в том, что преступника бьют кнутьями, сделанными из ремней из белой кожи, шириною в палец, так что каждый удар производит рану, врезываясь в тело, или привязывают к вертелу и жарят на огне, иногда же ломают и вывертывают у него какой-либо член раскаленными щипцами, разрезают тело под ногтями и т. п.

Сделанный таким образом допрос, вместе с доказательствами и уликами, какие найдутся против обвиняемого, отсылается в Москву к управляющему той Четвертью, под ведением коей состоит область, а он представляет его на рассмотрение и решение Думы, где только и могут быть окончательно решаемы дела, относящиеся до жизни и смерти. В этом случае считают достаточным одних улик, излагаемых в деле, хотя сами члены Думы никогда не видали и не допрашивали обвиняемого, который между тем содержится в тюрьме того места, где совершено преступление, и никогда не пересылается туда, где решается само дело. Если подсудимого найдут действительно виновным, то приговаривают его к смертной казни, смотря по роду преступления, и управляющий Четвертью отсылает этот приговор к князю и дьяку для приведения его в исполнение. Преступника везут на место казни со связанными руками и с зажженной восковой свечой, которую он держит между пальцами.

Различные виды употребляемой у них смертной казни суть: повешение, обезглавление, умерщвление ударом в голову, утопление, погружение зимой под лед, сажание на кол и т. п. Но большею частью преступников, приговоренных к смерти летом, не казнят до зимы: тогда убивают их ударом в голову и пускают под лед. Это разумеется о простолюдинах. Что же касается до лиц дворянского сословия, если кто из них окрадет или убьет бедного мужика, то их не так тяжело наказывают или даже вовсе не призывают к ответу. Причина та, что простолюдинов почитают их холопами, или крепостными рабами.

Если какой-либо сын боярский или дворянин военного звания совершит убийство или что украдет, то иногда посадят

его в тюрьму, по усмотрению царя; но если уже слишком известно, каким образом сделано им преступление, то его, может быть, высекут, и этим обыкновенно ограничивается все наказание. Когда кто убьет своего человека, то весьма мало за него отвечает или вовсе не считается виновным по той же причине, что слуга признается холопом, или крепостным, над жизнью которого господин имеет полную власть. Самое большое наказание за подобный поступок состоит в какой-нибудь незначительной пене в пользу царя, если преступник богат, так что суд имеет дело скорее с кошельком, нежели с противозаконным действием. <...>

О военной силе, главных военачальниках и жалованье их

Военные в России называются детьми боярскими, или сыновьями дворян, потому что все они принадлежат к этому словию, будучи обязаны к военной службе по самому своему званию.

В самом деле, каждый воин в России есть дворянин, и нет иных дворян, кроме военных, на коих такая обязанность переходит по наследству от предков, так что сын дворянина (рожденный воином) всегда остается дворянином и вместе с тем воином и не занимается ничем другим, кроме военной службы. Как скоро они достигают того возраста, когда в состоянии носить оружие, то являются в Разряд <...> и объявляют о себе: имена их тотчас вносят в книгу, и им дают известные земли для исправления их должности, обыкновенно те же самые, какие принадлежали их отцам, оттого, что земли, определенные на содержание войска, владение коими обуславливается этой повинностью, все одни и те же, без малейшего увеличения или уменьшения.

Но если царю покажется достаточным число лиц, состоящих на таком жалованье (ибо все земли на всем пространстве государства уже заняты), то часто их отпускают, и они не получают ничего, кроме небольшого участка земли, разделенного на две доли. Такое распоряжение производит большие беспорядки. Если у кого из военных много детей и только один

сын получает содержание от царя, то остальные, не имея ничего, принуждены добывать себе пропитание несправедливыми и дурными средствами, ко вреду и угнетению мужиков, или простого народа. <...>

Число войска, получающего постоянное жалованье, следующее: во-первых, дворян <...> считается до 15 000 всадников с их начальниками, которые всегда должны быть в готовности на службу.

Эти 15 000 всадников разделяются на три разряда, или степени, отличные одна от другой как по значению, так и по жалованью. Первый разряд составляют так называемые Дворяне Большие, или полк главных окладных, из коих одни получают сто, другие восемьдесят рублей в год, и ни один менее семидесяти. Второй разряд составляют Средние Дворяне, или вторые по количеству их оклада. Дворянам этого разряда уплачивается по шестидесяти или пятидесяти рублей в год, и никому менее сорока. К третьему, или низшему, разряду принадлежат Дети Боярские, самые последние по окладу. Из них те, коим дается наибольшее жалованье, получают тридцать рублей в год, а другие только двадцать пять или двадцать, но никто менее двенадцати. Половина жалованья выдается им в Москве, другую же получают они в поле от главного военачальника, если бывают в походе и участвуют в военных действиях. <...>

Такое денежное жалованье получают они сверх земель, приписанных к каждому из них, как к старшим, так и к младшим, сообразно степеням. Тот, кто имеет наименее земли, получает еще двадцать рублей или марок в год. Кроме этих 15 000 отборных всадников (находящихся при особе государя, когда он сам бывает на войне, подобно римским оруженосцам, называвшимся преторианцами), царь избирает еще 110 человек из дворян, наиболее знаменитых по происхождению и пользующихся его особенной доверенностью. В список их вносятся имена тех, которые в совокупности могут выставить от себя, в случае войны, до 65 000 всадников, со всеми необходимыми военными снарядами, по русскому обычаю, для чего они ежегодно получают от царя, собственно на себя и на их отряды, около 40 000 рублей. Эти 65 000 человек должны каждый год отправляться в поход на границу к земле крымских татар

(когда не получат иного назначения), все равно, есть ли война с татарами или нет. <...>

Если встретится надобность в бóльшем числе войска (что, впрочем, редко случается), то царь берет на службу боярских детей, не получающих жалованья, сколько ему нужно, а если и их недостаточно, то дает приказание дворянам, коим пожалованы им поместья, выставить каждому в поле соразмерное число рабов (называемых холопами и обрабатывающих землю) со всей амуницией, смотря по количеству всего набираемого войска. Эти ратники (по окончании службы) немедленно снимают с себя оружие и возвращаются к своим прежним рабским занятиям.

Пехоты, получающей постоянное жалованье, царь содержит до 12 000 человек, называемых стрельцами. Из них 5 000 должны находиться в Москве или в ином месте, где бы ни имел пребывание царь, и 2 000 (называемые стремянными стрельцами) при самой его особе, принадлежат к дворцу, или дому, где он живет. Прочие размещены в укрепленных городах, где остаются до тех пор, пока не понадобится отправить их в поход. Каждый из них получает жалованья по семи рублей в год, сверх двенадцати мер ржи и столько же овса. Наемных солдат из иностранцев (коих называют немцами) у них в настоящее время 4 300 человек, именно: поляков, то есть черкес (подвластных полякам), около 4 000, из коих 3 500 размещены по крепостям; голландцев и шотландцев около 150; греков, турок, датчан и шведов, составляющих один отряд, в числе 100 человек или около того. Последних употребляют только на границе, смежной с татарами, и против сибиряков, а татар (коих иногда нанимают, но только на время), наоборот, против поляков и шведов, почитая благоразумнейшей мерой употребить их на противоположной границе. <...>

О сборе войск, вооружении и продовольствии в военное время

Когда предстоит война (которая бывает каждый год с татарами и часто с поляками и шведами), начальники четырех Четвертей именем царя рассылают повестки ко всем областным

князьям и дьякам, для объявления в главных городах каждой области, чтобы все дети боярские, или сыновья дворян, являлись на службу на такую-то границу, в такое-то место и в такой-то день и там представлялись бы таким и таким начальникам. <...>

Когда соберется все войско, то распределяется оно на отряды, или партии, состоящие из десяти, пятидесяти, ста, тысячи человек и проч., каждый отряд под своим начальником, а из всех этих отрядов составляется четыре полка, или легиона (однако гораздо многочисленнее легионов римских), под начальством четырех предводителей, имеющих значение генерал-майоров (как было сказано выше).

Вооружение ратников весьма легкое. У простого всадника нет ничего, кроме колчана со стрелами под правой рукой и лука с мечом на левом боку, за исключением весьма немногих, которые берут с собой сумы с кинжалами, или дротик, или небольшое копье, висящее на боку лошади; но ближайшие начальники их имеют при себе еще другое вооружение, как-то: латы или нечто подобное. У военачальника и других главных предводителей и знатных лиц лошади покрыты богатою сбруей, седла из золотой парчи, узды также роскошно убраны золотом, с шелковой бахромой, и унижены жемчугом и драгоценными камнями; сами они в шегольской броне, называемой булатной, из прекрасной блестящей стали, сверх которой обыкновенно надевают еще одежду из золотой парчи с горностаевой опушкой; на голове у них дорогой стальной шлем, сбоку меч, лук и стрелы, в руке копье с прекрасным нарукавником, и перед ними везут шестопер, или начальнический жезл. Их сабли, луки и стрелы похожи на турецкие. Убегая или отступая, стреляют они так же, как татары, и вперед и назад.

Стрельцы, составляющие пехоту, не носят никакого оружия, кроме самопала в руке, бердыша на спине и меча сбоку. Ствол их самопала не такой, как у солдатского ружья, но гладкий и прямой (несколько похожий на ствол охотничьего ружья); отделка ложа очень груба и неискусна, и самопал весьма тяжел, хотя стреляют из него очень небольшой пулей.

Что касается до съестных припасов, то царь не дает никакого продовольствия ни начальникам, ни нижним чинам и ни-

чего никому не отпускает, кроме как иногда некоторого количества хлеба, и то на их же деньги. Каждый обязан иметь с собой провиант на четыре месяца и в случае недостатка может приказать, чтобы добавочные припасы были ему привезены в лагерь от того, кто обрабатывает его землю, или из другого места. Много помогает им то, что в отношении жилища и пищи каждый русский заранее готовится быть воином, хотя главные начальники и другие значительные лица возят с собой палатки, похожие на наши, и имеют у себя несколько лучшие запасы. В поход они обыкновенно берут сушеный хлеб (называемый сухарями) и несколько муки, которую мешают с водой и таким образом делают небольшой комок теста, что называют толокном и едят сырое вместо хлеба. Из мясного употребляют они в пищу ветчину, или другое сушеное мясо, или рыбу, приготовленные на манер голландский. Если бы русский солдат с такой же твердостью духа исполнял те или другие предприятия, с какой он переносит нужду и труд, или столько же был бы способен и навычен к войне, сколько равнодушен к своему помещению и пище, то далеко превзошел бы наших солдат, тогда как теперь много уступает им и в храбрости и в самом исполнении военных обязанностей. Это происходит частью от его рабского состояния, которое не позволяет развиваться в нем сколько-нибудь значительной храбрости или доблестям, а частью от недостатка в почестях и наградах, на которые ему нет никакой надежды, какую бы услугу он ни оказал.

О походах, нападении и других военных действиях

Русский царь надеется более на число, нежели на храбрость своих воинов или на хорошее устройство своих сил. Войско идет, или ведут его, без всякого порядка, за исключением того, что четыре полка, или легиона (на которые оно разделяется), находятся каждый у своего знамени, и таким образом все вдруг, смешанной толпой, бросаются вперед по команде генерала. Знамя у них с изображением св. Георгия. Большие дворяне, или старшие всадники, привязывают к своим седлам по

небольшому медному барабану, в который они бьют, отдавая приказание или устремляясь на неприятеля.

Кроме того, у них есть барабаны большого размера, которые возят на доске, положенной на четырех лошадях. Этих лошадей связывают цепями, и к каждому барабану приставляется по восьми барабанщиков. Есть у них также трубы, которые издают дикие звуки, совершенно различные от наших труб. Когда они начинают дело или наступают на неприятеля, то вскрикивают при этом все за один раз так громко, как только могут, что вместе со звуком труб и барабанов производит дикий, страшный шум. В сражении они прежде всего пускают стрелы, потом действуют мечами, размахивая ими хвастливо над головами, прежде нежели доходят до ударов.

Пехоту (которой в противном случае надлежало бы командовать в порядке) обыкновенно помещают в какой-нибудь за-саде или удобном месте, откуда бы она могла более вредить неприятелю, с меньшей опасностью для себя. В войне оборонительной, или в случае сильного нападения татар на русскую границу, войско сажают в походную или подвижную крепость (называемую Вежа или Гуляй-город), которая возится при нем под начальством гулевого воеводы <...>.

Эта походная или подвижная крепость так устроена, что (смотря по надобности) может быть растянута в длину на одну, две, три, четыре, пять, шесть или семь миль, именно на сколько ее станет. Она заключается в двойной деревянной стене, защищающей солдат с обеих сторон, как с тылу, так и спереди, с пространством около трех ярдов между той и другой стеной, где они могут не только помешаться, но также имеют довольно места, чтоб заряжать свои огнестрельные орудия и производить из них пальбу, равно как и действовать всяким другим оружием. Стены крепости смыкаются на обоих концах и снабжены с каждой стороны отверстиями, в которые выставляется дуло ружья или какое-либо другое оружие. Ее возят вслед за войском, куда бы оно ни отправлялось, разобрав на составные части и разложив их на телеги, привязанные одна к другой и запряженные лошадьми, коих, однако, не видно, потому что они закрыты поклажей, как бы навесом. <...> Ставят ее очень скоро, не нуждаясь притом ни в плотнике, ни в каком-либо инструменте, ибо отдельные доски так сдела-

ны, чтобы прилаживать их одну к другой, что не трудно понять тем, коим известно, каким образом производятся все постройки у русских.

Эта крепость представляет стреляющим хорошую защиту против неприятеля, особенно против татар, которые не берут с собой в поле ни пушек, ни других орудий, кроме меча, лука и стрел. Внутри крепости ставят даже несколько полевых пушек, из коих стреляют, смотря по надобности. Таких пушек они берут с собой очень немного, когда воюют с татарами; но в войне с поляками (коих силы у них на лучшем счету) запасаются орудиями всякого рода и другими нужными предметами. Полагают, что ни один из христианских государей не имеет такого хорошего запаса военных снарядов, как русский царь, чему отчасти может служить подтверждением Оружейная палата в Москве, где стоят в огромном количестве всякого рода пушки, все литые из меди и весьма красивые.

Русский солдат, по общему мнению, лучше защищается в крепости или городе, нежели сражается в открытом поле. Это замечено во всех войнах, и именно при осаде Пскова, за восемь лет тому назад, где польский король, Стефан Баторий, был отражен со всей его армией, состоявшей из 100 000 человек, и принужден, наконец, снять осаду, потеряв многих из лучших своих вождей и солдат. Но в открытом поле поляки и шведы всегда берут верх над русскими.

Тому, кто отличится храбростью перед другими или окажет какую-либо особенную услугу, царь посылает золотой, с изображением св. Георгия на коне, который носят на рукавах или шапке, и это почитается самой большой почестью, какую только можно получить за какую бы то ни было услугу. <...>

О церковном управлении и духовных лицах

<...> Должностей или чинов духовных как по числу, так и по названию и по степеням у них столько же, сколько и в западных церквах. Во-первых, патриарх, потом митрополиты, архиепископы, владыки, или епископы, протопопы, или прото-

иереи, попы, или священники, дьяконы, монахи, монахини и пустынножители. <...>

Ведомство патриаршего престола, переведенного теперь в Москву, заключается во власти над всеми церквами не только в России и других царских владениях, но всюду над всеми церквами христианского мира, бывшими прежде под властью патриарха Константинопольского или Сионского: по крайней мере, русский патриарх воображает, что имеет те же самые права. Ему подчинена также в виде собственной его епархии область Московская, кроме других ведомств. Двор или местопребывание его в Москве.

До постановления этого нового патриарха у них был всего один митрополит, который назывался митрополитом Московским. Теперь же, для большей пышности церковной и вследствие вновь учрежденного патриаршества, поставлены два митрополита, один в Новгороде Великом, другой в Ростове. Должность их заключается в том, чтобы принимать от патриарха все его приказания по церковным делам и передавать их для исполнения архиепископам, сверх того, что каждый из них управляет собственной епархией. Архиепископов четыре: Смоленский, Казанский, Псковский и Вологодский. Обязанность их одинакова с обязанностью митрополитов, с той разницей, что им принадлежит особая судебная часть, как викарным митрополитов и как стоящим выше епископов. За ними следуют владыки, или епископы, коих шестеро: Крутицкий, Рязанский, Тверской, Новоторжский, Коломенский, Владимир-Суздальский. Каждый из них заведывает обширной епархией, потому что и все прочие области государства разделены между ними.

<...> У епископов есть также свои помощники, составляющие соборы (как они их называют), в которых заседают попы, принадлежащие к их епархии и живущие в городах, где они сами имеют пребывание, в числе двадцати четырех членов при каждом. С ними рассуждают они об особенных и нужных делах по своей должности.

Доходы и суммы, назначенные для поддержания достоинства их, довольно значительны. Ежегодный доход патриарха с поместий (кроме других статей) простирается до 3000 рублей

или марок, а митрополитов и архиепископов до 2500 рублей. Из епископов одни получают 1000 рублей, другие 800, иные 500 и проч. Были и такие, которым приходилось даже (как сказывали мне) десять или двенадцать тысяч рублей в год, как, например, митрополит Новгородский.

Одежда их (когда они бывают в полном облачении и в торжественных случаях): митра на голове, наподобие папской, осыпанная жемчугом и драгоценными камнями, риза обыкновенно из золотой парчи, изукрашенная жемчугом, и жезл в руке, отделанный густо вызолоченным серебром, с крестом на верхнем конце или загнутый наподобие пастушеского посоха. Обыкновенная же одежда их, когда они выезжают или выходят со двора: клобук на голове черного цвета, который спускается сзади, а спереди накрывает подобно капюшону. Верхняя одежда их (называемая рясою) есть мантия из черной шелковой материи со многими нашитыми на ней полосами белого атласа, каждая шириной около двух пальцев, и пастырский жезл, который всегда носят впереди их. Сами они идут вслед за ним, благословляя народ двумя перстами с удивительной грацией.

Избрание или назначение епископов и прочих духовных лиц зависит совершенно от царя. Их всегда определяют на места из монастырей, так что нет ни одного епископа, архиепископа или митрополита, который бы не был прежде монахом, и по этой причине все они холостые и должны оставаться в безбрачном состоянии, давая обет целомудрия при самом своем пострижении. Как скоро царь избрет кого-либо по своему желанию, то его посвящают в соборной церкви той епархии, к которой он принадлежит, со многими обрядами, весьма сходными с теми, как посвящают и в папской церкви. Есть у них также диаконы и архидиаконы.

Что касается до объяснения в проповедях Слова Божия, поучения или увещаний, то это у них не в обычае и выше их знаний, потому что все духовенство не имеет совершенно никаких сведений ни в других предметах, ни в Слове Божиим. <...>

Будучи сами невеждами во всем, они стараются всеми средствами воспрепятствовать распространению просвещения, как бы опасаясь, чтобы не обнаружилось их собственное не-

вежество и нечестие. По этой причине они уверили царей, что всякий успех в образовании может произвести переворот в государстве и, следовательно, должен быть опасным для их власти. В этом случае они правы, потому что человеку разумному и мыслящему, еще более возвышенному познаниями и свободным воспитанием, в высшей степени трудно переносить принудительный образ правления. Несколько лет тому назад, еще при покойном царе, привезли из Польши в Москву типографский станок и буквы, и здесь была основана типография с позволения самого царя и к величайшему его удовольствию. Но вскоре дом ночью подожгли, и станок с буквами совершенно сгорел, о чем, как полагают, постаралось духовенство. <...>

Священнику дозволяется вступать в брак только однажды, и если первая жена его умрет, то он не может жениться на другой, иначе должен лишиться своего сана, а вместе с тем и прихода. <...> По этой причине попы очень дорожат своими женами, которые пользуются большим уважением и считаются самыми почетными из всех приходских женщин.

Что касается до жалованья, получаемого священником, то у них нет обычая давать ему десятину хлеба или чего другого, но он должен зависеть от усердия своих прихожан и собирать, как умеет, на прожиток доходы от молебнов, исповедей, браков, похорон, панихид и так называемых молитв за живых и усопших, потому что, кроме общей службы в церквах, каждому частному лицу священник обыкновенно читает еще особенную молитву по какому бы то ни было поводу или делу, собирается ли он куда ехать, идти, плыть водою или пахать землю, словом, при всяком его предприятии. Молитвы эти не приспособлены к обстоятельствам замышляемого дела, но избираются случайно из обыкновенных молитв церковных, однако их считают святее и действительнее, когда они произносятся священником, нежели когда читаются кем-либо самим. Сверх того, у них есть обычай праздновать один раз в год день святого, во имя которого сооружена церковь. В это время все соседи и обыватели ближайших приходов собираются в церковь, где бывает праздник, чтобы отслужить молебен ее святому за себя и своих родственников, и тут священник получает плату за свои труды.

<...> Кроме того, они ходят по домам своих прихожан со святой водой и курениями обыкновенно один раз каждые четыре месяца и таким образом, окропив и окурив хозяина, жену его и всех домашних, с их пожитками, получают за то большую или меньшую плату, смотря по достатку хозяина. Все это вместе доставит священнику на его содержание около 30 или 40 рублей в год, из коих десятую часть он платит епископу своей епархии. <...>

Монашествующих у них бесчисленное множество, гораздо более, нежели в других государствах, подвластных папе. Каждый город и значительная часть всей страны ими наполнены, ибо они умели сделать (так точно, как добились того же католические монахи посредством суеверия и лицемерия), что все лучшие и приятнейшие места в государстве заняты обителями или монастырями, сооруженными во имя того или другого святого. Число монахов тем более значительно, что они размножаются не только от суеверия жителей, но и потому, что монашеская жизнь наиболее отстранена от притеснений и поборов, падающих на простой народ, что и заставляет многих надевать монашескую рясу, как лучшую броню против таких нападений. Кроме лиц, поступающих в это звание по доброй воле, есть и такие, которых принуждают постригаться в монахи вследствие какой-либо опалы. К последним большей частью принадлежат члены знатного дворянства.

Некоторые идут в монастыри, как в места неприкосновенные, и постригаются здесь в монахи, чтобы избежать наказания, которое заслужили по законам государства, ибо успевший поступить в монастырь и надеть рясу прежде, нежели его схватят, пользуется навсегда защитой против всякого закона, все равно, какое бы ни совершил преступление, исключая измены. Но такое условие допускается с тем, что никто не может поступить в монастырь (кроме лиц, которых принимают по царскому повелению) иначе, как отдав ему свои поместья или принеся с собой капитал, который обязан внести в общую монастырскую казну. Одни вносят 1000 рублей, другие более; но с капиталом менее трех- или четырехсот рублей никого не принимают.

Пострижение в монахи совершается следующим образом. Прежде всего игумен снимает с постригаемого светское или

обыкновенное его платье, потом надевает на него белую фланелевую рубаху и сверх нее длинную мантию, висящую до земли, и опоясывает ее широким кожаным поясом. Самая верхняя одежда его сделана из гарусной или шелковой материи и весьма похожа цветом и покроем на одежду заведывающих чисткой печных труб. Затем выстригают ему волосы на маковке, шириной в ладонь или более, до самой кожи, и в то самое время, когда игумен стрижет волосы, произносит следующие или подобные слова: «Как эти волосы отнимаются от главы твоей, так точно принимаем мы теперь и совершенно отделяем тебя от мира и всех сует мирских», — и проч. Окончив это, помазует он маковку головы его елеем, надевает на него рясу и таким образом принимает в число братии. Постриженники дают обет вечного целомудрия и воздержания от мяса.

Кроме того, что монахи владеют поместьями (весьма значительными), они самые оборотливые купцы во всем государстве и торгуют всякого рода товарами. Некоторые из монастырей имеют доходу от поместий по тысяче или по две тысячи рублей в год. Один монастырь, называемый Троицким, получает от поместий и повинностей в его пользу до ста тысяч рублей или марок годового дохода. Он построен вроде крепости, обнесен вокруг стеной, на которой поставлены огнестрельные орудия, и в этой ограде занимает большое пространство земли со множеством зданий. Здесь одних монахов (не считая должностных лиц и служителей) до 700 человек. <...>

Также много у них и женских монастырей, из которых иные принимают только вдов и дочерей дворян, когда царь намеревается оставить их в безбрачном состоянии для пресечения рода, который он желает погасить. О жизни монахов и монахинь нечего рассказывать тем, коим известно лицемерие и испорченность нравов этого сословия. Сами русские (хотя, впрочем, преданные всякому суеверию) так дурно отзываются о них, что всякий скромный человек поневоле должен замолчать.

Кроме монахов, у них есть особенные блаженные (которых они называют святыми людьми) <...>. Они ходят совершенно нагие, даже зимой в самые сильные морозы, кроме того, что посредине тела перевязаны лохмотьями, с длинными волосами, распущенными и висящими по плечам, а многие еще с ве-

ригами на шее или посредине тела. Их считают пророками и весьма святыми мужами, почему и дозволяют им говорить свободно все, что хотят, без всякого ограничения, хотя бы даже о самом Боге. Если такой человек явно упрекает кого-нибудь в чем бы то ни было, то ему ничего не возражают, а только говорят, что заслужили это по грехам; если же кто из них, проходя мимо лавки, возьмет что-нибудь из товаров, для отдачи, куда ему вздумается, то купец, у которого он таким образом что-либо взял, почтет себя весьма любимым Богом и угодным святому мужу.

Но такого рода людей немного, потому что ходить голым в России, особенно зимой, очень нелегко и весьма холодно. <...>

О брачных обрядах

Брачные обряды у них отличны от обрядов в других странах. Жениху (хотя он никогда не видал прежде своей невесты) не позволяют видеть ее во все время, пока продолжается сватовство, в котором действующим лицом не он сам, а мать его, или какая другая пожилая его родственница, или знакомая. Как скоро изъявлено согласие (как родителями, так и самими вступающими в брак, ибо если брак заключен без ведома и согласия родителей, то он считается незаконным), отцы с обеих сторон, или заступающие их место, с другими близкими родственниками сходятся и говорят о приданом, которое бывает весьма значительно, смотря по состоянию родителей, так что нередко какой-нибудь торговец (как они называют их) дает за свою дочь 1000 рублей или более.

От мужчины никогда не требуется и вовсе у них не в обычае, чтобы он делал какой-нибудь дар в виде вознаграждения за приданое; но если у него будет уже дитя, то жена, от которой оно родилось, получает на прожиток третью часть по смерти мужа; а когда у него двое или более от нее детей, то получает она еще более, по благоусмотрению мужа. Но если муж умрет, не оставив детей от жены, то ее отсылают домой в ее семейство, без всякого вознаграждения, кроме того, что ей возвра-

шается ее приданое, в том случае, когда после мужа останется на столько имущества.

Условившись о приданом, договаривающиеся лица пишут взаимное обязательство как о выдаче приданого, так и о совершении брака в назначенный день. Если невеста не была еще прежде замужем, то отец ее и родственники обязаны, кроме того, удостоверить в ее непорочности, вследствие чего возникают большие ссоры и тяжбы, когда муж возьмает сомнение насчет поведения и честности жены своей. По окончании переговоров вступающие в брак начинают посылать друг другу подарки, сначала невеста, потом жених, но все не видятся между собой до самого совершения брака. Накануне свадебного дня невесту отвозят в колымаге или (зимой) в санях в дом жениха, с приданым и кроватью, на которой будут спать молодые, потому что кровать всегда доставляется со стороны невесты и обыкновенно бывает очень роскошно отделана и стоит больших денег. Здесь невеста ночует со своей матерью и другими женщинами, но жених не встречает и даже ни разу не видит ее.

В день, назначенный для совершения брака, на невесту надевают покрывало из тонкого вязанья или полотна, которое накидывается ей на голову и опускается до пояса. После того невеста и жених в сопровождении своих родственников отправляются в церковь, все верхами, хотя бы церковь находилась подле самого дома и сами они были простого звания. Слова, произносимые во время совершения брака, и другие соблюдаемые при этом обряды весьма сходны с нашими, не исключая и того, что невесте также подают кольцо. Как скоро она его наденет и провозглашены будут слова брачного союза, руку ее соединяют с рукой жениха, который все это время стоит по одну сторону анаоя, или стола, а невеста по другую.

Когда таким образом священник свяжет брачный узел, невеста подходит к жениху (стоящему у самого конца анаоя) и падает ему в ноги, прикасаясь головой к его обуви, в знак ее покорности и послушания, а жених накрывает ее полой кафтана, или верхней одежды, в знак обязанности своей защищать и любить ее. После того жених и невеста становятся

рядом у самого конца аналая, и здесь к ним подходит сперва отец и другие родные невесты, кланяясь низко жениху, потом родные жениха, кланяясь невесте, в знак будущего между ними свойства и любви. Вместе с тем отец жениха подносит ломоть хлеба священнику, который тут же отдает его отцу и другим родственникам невесты, заклиная его перед Богом и образами, чтобы он выдал приданое в целости и сполна в назначенный день и чтобы все родственники хранили друг к другу неизменную любовь. Тут они разламывают хлеб на куски и едят его в изъявление истинного и чистосердечного согласия на исполнение этой обязанности и в знак того, что будут с тех пор как бы крохами одного хлеба или участниками одного стола.

По окончании этих обрядов жених берет невесту за руку и вместе с ней и родными, которые за ними следуют, идет на паперть, где встречают их с кубками и чашами, наполненными медом и русским вином. Сперва жених берет полную чарку, или небольшую чашку, и выпивает ее за здоровье невесты, а за ним сама невеста, приподняв покрывало и поднося чарку к губам как можно ниже (чтобы видел ее жених), отвечает ему тем же. По возвращении из церкви жених идет не к себе домой, а в дом к своему отцу; так точно и невеста отправляется к своим, и здесь оба угощают порознь своих родственников. При входе в дом жениха и невесты на них бросают из окон зерновой хлеб в знак будущего изобилия и плодородности.

Вечером невесту привозят в дом отца женихова, где она и проводит ночь, все еще не снимая покрывала с головы. Во всю эту ночь она не должна произносить ни одного слова (ибо так приказывается ей по особому преданию матерью ее и другими пожилыми женщинами из ее родственниц), дабы жених не мог ни слышать, ни видеть ее до другого дня после брака. Также в продолжение трех следующих дней не услышишь от нее ничего, кроме нескольких определенных слов за столом, которые она должна сказать жениху с особенной важностью и почтительностью. Если она держит себя иначе, то это считается для нее весьма предосудительным и остается пятном на всю ее жизнь, да и самим женихом вовсе не будет одобрено.

По прошествии трех дней супруги отправляются в свой собственный дом и дают общий пир своим родным с обеих сторон. В день свадьбы и во все время празднеств жениха величают молодым князем, а невесту молодой княгиней.

В обращении со своими женами мужья обнаруживают варварские свойства, обходясь с ними скорее как со своими прислужницами, нежели равными. Исключением пользуются только жены дворян, которых, по крайней мере, по-видимому, мужья более уважают, чем в низшем классе людей. Есть у них также грубый обычай, противный доброму порядку вещей и самому Слову Божию, именно тот, что муж, разлюбивший жену или по какой-либо другой причине, может идти в монастырь и постричься в монахи под видом благочестия и, таким образом, оставить свою жену, чтобы она заботилась сама о себе, как умеет. <...>

О домашней или частной жизни царя

Домашняя жизнь царя, сколько она известна, состоит в следующем. Обыкновенно встает он около четырех часов утра. Когда оденется и умоется, к нему приходит его отец духовный, или придворный священник, с крестом, которым благословляет его, прикасаясь сперва ко лбу, потом к ланитам царя, и дает ему поцеловать конец креста. Затем так называемый крестный дяк вносит в комнату живописную икону с изображением святого, празднуемого в тот день, ибо каждый день у них имеет своего святого, как бы своего патрона. Образ этот он ставит к прочим образам, которыми уставлена вся комната, сколько можно поместить на стене, с горящими перед ними лампадами и восковыми свечами. Образа богато и пышно украшены жемчугом и драгоценными камнями. Когда поставят образ на место, царь начинает креститься по русскому обычаю, осеняя сперва голову, потом обе стороны груди и произнося: Господи помилуй, помилуй мя, Господи, сохрани меня грешного от злого действия. С этими словами он обращается к образу, или к святому того дня, которого поминает в молитве, вместе с Богородицей (называемую у них

Пречистою), св. Николаем или другим святым, в которого более верует, падая перед ним на землю и ударяя об нее головою. Такой молитве царь посвящает четверть часа или около того.

Затем входит опять духовник, или придворный священник, с серебряной чашей, наполненной святой водой и кропилом св. Василия (как они его называют), которым окропляет сперва образа, потом царя. Святую воду приносят каждый день свежую из дальних и ближних монастырей, так что присылает ее царю игумен от имени того святого, в честь которого построен монастырь, в знак особенного благоволения его к царю.

Окончив этот религиозный обряд, царь посылает к царице спросить, хорошо ли она почивала и проч., и через несколько времени сам идет здороваться с нею в средней комнате, находящейся между ее и его покоями. Царица почивает особо и не имеет ни общей комнаты, ни общего стола с царем, исключая как в заговенье или накануне постов, когда обыкновенно разделяет с ним и ложе и стол. После утреннего свидания идут они вместе в свою домовую церковь или часовню, где читается или поется утренняя служба, называемая заутренней, которая продолжается около часу. Возвратясь из церкви домой, царь садится в большой комнате, в которой для свидания с ним и на поклон являются те из бояр, которые в милости при дворе. Здесь царь и бояре, если имеют что сказать, передают друг другу. Так бывает всякий день, если только здоровье царя или другой случай не заставят его изменить принятому обыкновению.

Около девяти часов утра идет он в другую церковь в Кремле, где священники с певчими отправляют полное богослужение, называемое обедней, которая продолжается два часа, и в это время царь обыкновенно разговаривает с членами Думы своей, с боярами или военачальниками, которые о чем-либо ему докладывают, или же сам отдает им свои приказания. Бояре также рассуждают между собой, как будто бы они находились в Думе. По окончании обедни царь возвращается домой и отдыхает до самого обеда.

За обедом прислуживают ему следующим образом: во-первых, каждое блюдо (как только оно отпускается к накладчи-

ку) должен прежде отвеживать повар в присутствии главного дворецкого или его помощника. Потом принимают его дворежане-слуги (называемые жильцами) и несут к царскому столу, причем идет впереди их главный дворецкий или его помощник. Здесь кушанье принимает кравчий, который каждое блюдо дает отвеживать особому для того чиновнику, а потом ставит его перед царем. Число блюд, подаваемых за обыкновенным столом у царя, бывает около семидесяти, но готовят их довольно грубо, с большим количеством чеснока и соли, подобно тому, как в Голландии. В праздник или при угощении какого-либо посланника готовят гораздо более блюд. За столом подают вместе по два блюда и никогда более трех, дабы царь мог кушать их горячие, сперва печеное, потом жареное, наконец похлебки. В столовой есть еще другой стол, за коим сидят некоторые из знатнейших лиц, находящихся при дворе, и духовник царский <...>.

По одну сторону комнаты стоит стол с прекрасной и богатой посудой и большим медным чаном, наполненным льдом и снегом, в коих поставлены кубки, подаваемые к столу. Чашу, из которой пьет сам царь, в продолжение всего обеда держит особый чиновник (чашник) и подносит ее царю с приветствием всякий раз, как он ее потребует. Когда поставят кушанье на стол, то обыкновенно раскладывают его на несколько блюд, которые потом отсылает царь к тем дворянам и чиновникам, кому он сам заблагорассудит. Это почитается великим благоволением и честью.

После обеда царь ложится отдыхать и обыкновенно почиывает три часа, если только не проводит один из них в бане или на кулачном бою. Спать после обеда есть обыкновение, общее как царю, так и всем русским. После отдыха идет он к вечерне и, возвратясь оттуда, большей частью проводит время с царицей до ужина. Тут увеселяют его шуты и карлы мужского и женского пола, которые кувыркаются перед ним и поют песни по-русски, и это самая любимая его забава между обедом и ужином.

Другая особенная потеха есть бой с дикими медведями, которых ловят в ямах и тенетами и держат в железных клетках, пока царь не пожелает видеть это зрелище. Бой с медведем происходит следующим образом: в круг, обнесенный сте-

ной, ставят человека, который должен возиться с медведем, как умеет, потому что бежать некуда. Когда спустят медведя, то он прямо идет на своего противника с отверстой пастью. Если человек с первого раза дает промах и подпустит к себе медведя, то подвергается большой опасности; но как дикий медведь весьма свиреп, то это свойство дает перевес над ним охотнику. Нападая на человека, медведь поднимается обыкновенно на задние лапы и идет к нему с ревом и разинутой пастью. В это время если охотник успеет ему всадить рогатину в грудь между двумя передними лапами (в чем обыкновенно успевает) и утвердить другой конец ее у ноги так, чтобы держать его по направлению к рылу медведя, то обыкновенно с одного раза сшибает его. Но часто случается, что охотник дает промах, и тогда лютый зверь или убивает, или раздирает его зубами и когтями на части. Если охотник хорошо выдержит бой с медведем, его ведут к царскому погребу, где он напивается допьяна в честь государя, и в этом вся его награда за то, что он жертвовал жизнью для потехи царской. Чтобы пользоваться этим удовольствием, царь содержит несколько ловчих, определенных для ловли диких медведей. Травлею царь забавляется обыкновенно по праздникам.

Иногда проводит он время, рассматривая работу своих золотых дел мастеров и ювелиров, портных, швей, живописцев и т. п., а потом идет ужинать. Когда приходит время спать, священник читает несколько молитв, и царь молится и крестится, как и поутру, около четверти часа, после чего ложится.

Теперешний царь (по имени Феодор Иванович), относительно своей наружности, росту малого, приземист и толстоват, телосложения слабого и склонен к водяной; нос у него ястребиный, поступь нетвердая от некоторой расслабленности в членах; он тяжел и не деятелен, но всегда улыбается, так что почти смеется. Что касается до других свойств его, то он прост и слабоумен, но весьма любезен и хорош в обращении, тих, милостив, не имеет склонности к войне, мало способен к делам политическим и до крайности суверен. Кроме того, что он молится дома, ходит он обыкновенно каждую неделю на богомолье в какой-нибудь из ближних монастырей. От роду ему 34 года или около того, а царствует он почти шесть лет.
<...>

О домашней жизни и свойствах
русского народа

О домашней жизни и свойствах русского народа можно иметь некоторое понятие из того, что было сказано в главе об общественном состоянии и обычаях государства. Что касается до их телосложения, то они большей частью роста высокого и очень полны, почитая за красоту быть толстыми и дородными и вместе с тем стараясь отпускать и растить длинную и окладистую бороду. Но большей частью они вялы и недеятельны, что, как можно полагать, происходит частью от климата и сонливости, возбуждаемой зимним холодом, частью же от пищи, которая состоит преимущественно из кореньев, лука, чеснока, капусты и подобных растений, производящих дурные соки; они едят их и без всего и с другими кушаньями.

Стол у них более нежели странен. Приступая к еде, они обыкновенно выпивают чарку, или небольшую чашку, водки (называемой русским вином), потом ничего не пьют до конца стола, но тут уже напиваются вдоволь и все вместе, целуя друг друга при каждом глотке, так что после обеда с ними нельзя ни о чем говорить, и все отправляются на скамьи, чтобы соснуть, имея обыкновение отдыхать после обеда, так точно, как и ночью. Если наготовлено много разного кушанья, то подают сперва печенья (ибо жареного они употребляют мало), а потом похлебки. Напиваться допьяна каждый день в неделю у них дело весьма обыкновенное. Главный напиток их мед, а люди победней пьют воду и жидкий напиток, называемый квасом, который есть не что иное, как вода, заквашенная с небольшою примесью солода.

Такая пища могла бы произвести в них разные болезни, но они ходят два или три раза в неделю в баню, которая служит им вместо всяких лекарств. Всю зиму и большую часть лета топят они свои печи, устроенные подобно баннным печам в Германии <...>. Эти две крайности, особенно зимой, жар внутри домов и стужа на дворе, вместе с пищей придают им темный болезненный цвет лица, потому что кожа от холода и жара изменяется и сморщивается, особенно у женщин, у ко-

торых цвет лица большей частью гораздо хуже, чем у мужчин. По моему мнению, это происходит оттого, что они постоянно сидят в жарких покоях, занимаются топкой бань и печей и часто парятся.

Русский человек, привыкнув к обеим крайностям, и к жару и к стуже, может переносить их гораздо легче, нежели иностранцы. Вы нередко увидите, как они (для подкрепления тела) выбегают из бань в мыле и, дымясь от жару, как поросенок на вертеле, кидаются нагие в реку или окачиваются холодной водой, даже в самый сильный мороз. Женщины, стараясь скрыть дурной цвет лица, белятся и румянятся так много, что каждый может заметить. Однако там никто не обращает на это внимания, потому что таков у них обычай, который не только вполне нравится мужьям, но даже сами они позволяют своим женам и дочерям покупать белила и румяна для крашения лица и радуются, что из страшных женщин они превращаются в красивые куклы. От краски морщится кожа, и они становятся еще безобразнее, когда ее смывают.

Одежда их сходна с греческой. Бояре одеваются таким образом. Во-первых, на голову надевают тафью, или небольшую ночную шапочку, которая закрывает немного поболее маковки и обыкновенно богато вышита шелком и золотом и украшена жемчугом и драгоценными камнями. Волосы на голове стригут плотно до самой кожи, кроме того, когда кто бывает в опале у царя. Тогда отращивает он волосы до плеч, закрывая ими лицо, как можно уродливее и безобразнее.

Сверх тафьи носят большую шапку из меха черно-бурой лисицы (почитаемого за лучший мех) с тиарой или длинной тульей, которая возвышается из меховой опушки наподобие персидской или вавилонской шапки. На шею (всегда голую) надевается ожерелье из жемчуга и драгоценных камней, шириной в три и четыре пальца. Сверх рубахи (разукрашенной шитьем, потому что летом они дома носят ее одну) надевается зипун, или легкая шелковая одежда, длиною до колен, которая застегивается спереди, и потом кафтан, или узкое застегнутое платье, с персидским кушаком, на котором вешают ножи и ложку. Кафтаны шьются обыкновенно из золотой парчи и спускаются до самых лодыжек. Сверх кафтана надевают распашное платье из дорогой шелковой материи, подбитое мехом

и обшитое золотым галуном: оно называется фerezью. Другая верхняя одежда из камлота или подобной материи есть охабень, весьма длинный, с рукавами и воротником, украшенным камнями и жемчугом.

При выходе из дома набрасывается сверх всей этой одежды (которая очень легка, хотя состоит из нескольких платьев) так называемая однорядка, похожая на охабень, с той разницей, что шьется без воротника; она бывает обыкновенно из тонкого сукна или камлота. Сапоги, которые носят с заправленными в них онучками (вместо носков), делаются из персидской кожи, называемой сафьян, и вышиваются жемчугом. Нижнее платье обыкновенно из золотой парчи. Со двора они всегда выезжают верхом, хотя бы на самое близкое расстояние, что соблюдается и боярскими (детьми), или дворянами.

Боярские дети, или дворяне, одеваются точно так же, употребляя только другую материю на платья, но кафтан или нижнее платье и у них бывает иногда из золотой парчи, а прочее платье суконное или шелковое.

Благородные женщины (называемые женами боярскими) носят на голове тафтяную повязку (обыкновенно красную), а сверх нее шлык, называемый науруз, белого цвета. Сверх этого шлыка надевают шапку (в виде головного убора, из золотой парчи), называемую шапкой земской, с богатой меховой опушкой, с жемчугом и камнями, но с недавнего времени перестали унижать шапки жемчугом, потому что жены дьяков и купеческие стали подражать им. В ушах носят серьги в два дюйма и более, золотые, с рубинами, сапфирами или другими драгоценными камнями.

Летом часто надевают покрывало из тонкого белого полотна или батиста, завязываемое у подбородка, с двумя длинными висящими кистями. Все покрывало густо унижено дорогим жемчугом. Когда выезжают верхом или выходят со двора в дождливую погоду, то надевают белые шляпы с цветными завязками (называемые шляпами земскими). На шее носят ожерелье, в три и четыре пальца шириной, украшенное дорогим жемчугом и драгоценными камнями. Верхняя одежда широкая, называемая опашень, обыкновенно красная, с пышными и полными рукавами, висящими до земли, застегивается спереди большими золотыми или, по крайней мере, серебря-

ными вызолоченными пуговицами, величиной почти с грецкий орех. Сверху, под воротником, к ней пришит еще другой большой широкий воротник из дорогого меха, который висит почти до половины спины. Под опашнем, или верхней одеждой, носят другую, называемую летником, шитую спереди без разреза, с большими широкими рукавами, коих половина до локтя делается обыкновенно из золотой парчи, под нею же ферезь земскую, которая надевается свободно и застегивается до самых ног. На руках носят весьма красивое запястье, шириною пальца в два, из жемчуга и дорогих камней. У всех на ногах сапожки из белой, желтой, голубой или другой цветной кожи, вышитые жемчугом. Такова парадная одежда знатных женщин в России.

Платье простых дворянских жен отличается только материей, но покрой один и тот же.

Что касается до мужиков и жен их, то они одеваются очень бедно: мужчина ходит в однорядке или широком платье, которое спускается до самых пят и подпоясано кушаком, из грубого белого или синего сукна, с надетой под ним шубой или длинным меховым или овчинным камзолom, в меховой шапке и в сапогах. У мужиков победнее однорядки из коровьей шкуры. Так одеваются они зимой. Летом обыкновенно не носят они ничего, кроме рубахи на теле и сапог на ногах. Женщина, когда она хочет нарядиться, надевает красное или синее платье и под ним теплую меховую шубу зимой, а летом только две рубахи (ибо так они их называют), одну на другую, и дома, и выходя со двора. На голове носят шапки из какой-нибудь цветной материи, многие также из бархата или золотой парчи, но большей частью повязки. Без серег серебряных или из другого металла и без креста на шее вы не увидите ни одной русской женщины, ни замужней, ни девицы.

Что касается до их свойств и образа жизни, то они обладают хорошими умственными способностями, не имея, однако, тех средств, какие есть у других народов для развития их дарований воспитанием и наукой. Правда, они могли бы заимствоваться в этом случае от поляков и других соседей своих; но уклоняются от них из тщеславия, предпочитая свои обычаи обычаям всех других стран. Отчасти причина этому заключается и в том (как было замечено мною выше), что образ их вос-

питания (чуждый всякого основательного образования и гражданственности) признается их властями самым лучшим для их государства и наиболее согласным с их образом правления, которое народ едва ли бы стал переносить, если бы получил какое-нибудь образование и лучшее понятие о Боге, равно как и хорошее устройство.

С этую целью цари уничтожают все средства к его улучшению и стараются не допускать ничего иноземного, что могло бы изменить туземные обычаи. Такие действия можно бы было сколько-нибудь извинить, если б они не налагали особый отпечаток на самый характер жителей. Видя грубые и жестокие поступки с ними всех главных должностных лиц и других начальников, они так же бесчеловечно поступают друг с другом, особенно со своими подчиненными и низшими, так что самый низкий и убогий крестьянин (как они называют простолудина), унижающийся и ползающий перед дворянином, как собака, и облизывающий пыль у ног его, делается несносным тираном, как скоро получает над кем-нибудь верх. От этого бывает здесь множество грабежей и убийств.

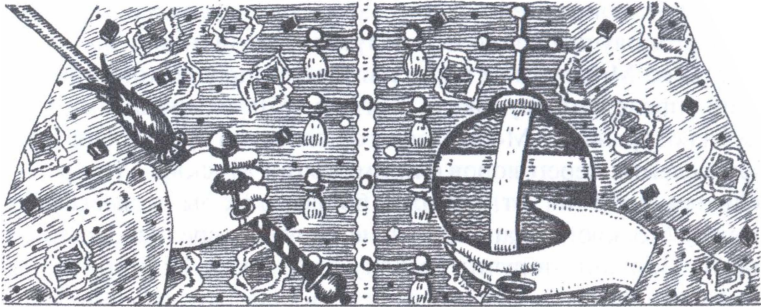
Жизнь человека считается ничем. Часто грабят в самих городах на улицах, когда кто запоздает вечером, но на крик ни один человек не выйдет из дому подать помощь, хотя бы и слышал вопли. Я не хочу говорить о страшных убийствах и других жестокостях, какие у них случаются. Едва ли кто поверит, чтобы подобные злодейства могли происходить между людьми, особенно такими, которые называют себя христианами.

<...> Отсюда можно заключить, каково обращение их с иностранцами, когда они так бесчеловечны и жестоки к своим единоземцам. И, несмотря на то, нельзя сказать наверное, что преобладает в этой стране — жестокость или невоздержание. Впрочем, о последнем я и говорить не стану, потому что оно так грязно, что трудно найти приличное для него выражение. Все государство преисполнено подобными грехами. И удивительно ли это, когда у них нет законов для обуздания блуда, прелюбодеяния и других пороков?

Что касается до верности слову, то русские большей частью считают его почти ничем, как скоро могут что-нибудь выиграть обманом и нарушить данное обещание. Поистине можно

сказать (как вполне известно тем, которые имели с ними более дела по торговле), что от большого до малого (за исключением весьма немногих, которых очень трудно отыскать) всякий русский не верит ничему, что говорит другой, но зато и сам не скажет ничего такого, на что бы можно было положиться. Эти свойства делают их презренными в глазах всех их соседей, особенно татар, которые считают себя гораздо честнее и справедливее русских. Те, которые внимательно обсуждали состояние обоих народов, полагают, что ненависть к образу правления и поступкам русских была до сих пор главной причиной язычества татар и их отвращения от христианской веры.

Роберт Виппер¹
Из книги «Иван Грозный»

Записки о Московии двух немцев, вестфальца Штадена и померанца Шлихтинга, принадлежат к так называемым «сказаниям иностранцев», но резко отличаются от всех других мемуаров и описаний, подходящих под это название, — от Герберштейна, Ченслера, Флетчера, Поссевино и т. п. Те все написаны лицами, приезжавшими с официальной миссией, на короткий срок; их наблюдения не могли не быть поверхностными, тем более что за ними самими следили и многое от них старательно скрывали. Эти, напротив, составлены людьми, которые подолгу оставались в Московском государстве (Штаден прожил на Руси двенадцать лет, от 1564 до 1576 года, из них шесть лет был на службе в опричнине), вмешивались в самую гущу жизни, наблюдали втихомолку, никем не замеченные, свободно проникали в самую интимную среду высшего общества, в обстановку, близкую ко двору и особе государя, вращаясь в то же время и в широких народных кругах. К сожалению, преимущества, которыми пользовались эти

¹ Виппер Роберт Юрьевич (1859—1954) — историк, действительный член АН СССР с 1943 года. — *Примеч. редактора.*

тайные свидетели событий и нравов, обращаются у них почти исключительно во зло, и показания их утрачивают поэтому значительную долю своей цены и достоинства. Оба они — натуры низкие, неблагородные, лишенные всякого сознания чести и совести; наживши и награбивши в Москве много добра, не только очевидцы, но и участники ужасов и злодейств, которые они описывают, они не питают к народу и государю, их приютившим, иных чувств, кроме презрения и ненависти.

Благополучно ускользнув за границу, они пишут злые памфлеты на Москву и ее царя, каждый с определенной целью и по определенному заказу. Когда в 1570 году папа Пий V задумал отправить в Москву своего польского нунция Портико для ведения переговоров о примирении Москвы с Польшей, Сигизмунд II Август, который боялся, как бы не завязалась между Москвой и папской курией дружба, вредная для интересов Польши, поручил беглецу из Москвы Шлихтингу написать обличительный трактат о злодействах «московского тирана»; документ этот король передал нунцию для доклада в Ватикане, где он произвел сильное впечатление. В результате Портико получил от папы следующую инструкцию: «Мы ознакомились с тем, что вы сообщали нам о московском государе; не хлопчите более и прекратите сборы. Если бы сам король польский стал теперь одобрять нашу поездку в Москву и содействовать ей, даже и в этом случае мы не хотим вступать в общение с такими варварами и дикарями».

И Штаден, так же как Шлихтинг, пишет обвинительный акт против московского царя, с той только разницей, что, как ум крупный и самостоятельный, он ставит собственную цель в грандиозном плане: в его большой рукописи наиболее важное место занимает проект военной оккупации Москвы, который он, беглец, в 1578 году решил представить, через посредство пфальцграфа Георга Ганса, императору Рудольфу II Габсбургскому; остальные две части, содержащие «Описание страны и правления московитов» и автобиографию Штадена, составляют как бы приложение к военно-политическому плану и предназначены для того, чтобы осветить слабые пункты московской политики и доказать негодность строя, основанного якобы на голой жестокости и на ограблении правителем своих собственных подданных.

Оба автора, избегая называть Ивана IV царем и применяя к нему только прежний титул великого князя, стараются возбудить против него общественное мнение в Западной Европе, подстрекнуть государей к борьбе против восточных «нехристей». Донесения Шлихтинга и Штадена вполне достигли цели. Они много содействовали тому, что в дипломатии, публицистике и литературе Запада за Иваном IV утвердилась невыгодная репутация... Попутно «обличители» бросили мрачную тень на весь русский народ: москвиты, благодаря их озлобленным характеристикам, прослыли невеждами, которых ничего не стоит обманывать и водить за нос, толпой дикарей, склонных к грабежу и насилиям.

На этом кончается сходство между двумя авторами. Гораздо более значительна разница между ними, не одинакова степень ценности их показаний, находящихся в зависимости от их личных свойств и дарований, от их поведения и круга их деятельности. Различие их карьеры начинается уже с того, что Шлихтинг попал в Москву не по своей воле, а как пленник, взятый при падении литовской крепости Озерище в 1564 году, тогда как Штаден последовал сознательно за военным счастьем, перебравшись, после взятия Полоцка Иваном Грозным, с польской службы на русскую.

В Москве Шлихтинг, знавший русский и латинский языки, занял место слуги и переводчика у придворного врача Альберта (которого он ошибочно называет итальянцем, тогда как это был бельгиец); в этой малозаметной должности он оставался в течение всех семи лет (1564—1571 годы) своего пребывания в Московском государстве. Шлихтинг называет себя военным: его дворянское происхождение заставляет его горячо сочувствовать боярству, преследуемому Грозным. Его мировоззрение весьма примитивно. Свирепствование «тирана» и его опричников находит себе, по его мнению, объяснение в дурном нраве русских. «Московитам врождено какое-то зложелательство, в силу которого у них вошло в обычай взаимно обвинять и клеветать друг на друга перед тираном и пылать ненавистью один к другому, так что они убивают себя взаимной клеветой. А тирану все это любо, и он никого не слушает охотнее, как доносчиков и клеветников, не заботясь, лживы они или правдивы, лишь бы только иметь удобный случай

для гибели людей, хотя бы многим и в голову не приходило о взведенных на них обвинениях».

В рассказе Шлихтинга нет исторической последовательности, отсутствует хронология. Все его внимание направлено на то, чтобы нагромоздить побольше отвратительных сцен жестоких истязаний, которыми тешился «кровавый деспот» и его клеветы. Показательны заголовки его рассказа: «Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича», «Торжок и Тверь», «Тиранство его над женщинами», «Тиран — толкователь сновидений», «Тиранство над боярами», «Предчувствие тирана или предзнаменование». Мы не узнаем никакой мотивации повсеместных и беспредельных злодейств, а читаем лишь однообразный материал для уголовного романа.

Что у Шлихтинга множество грубых преувеличений и прямых выдумок, можно судить из следующего обстоятельства: когда известный географ и публицист Гваньини воспроизвел в своем «Описании всех стран Московии» рассказы Шлихтинга, хотя и в весьма смягченном виде, он все-таки подвергся резкой критике своего соотечественника, итальянского купца Тедадьди: «О тех фактах, что написал против Московита и поныне еще живущий веронец Гваньини, он, Тедадьди, во время пребывания своего в Московии ничего не видел и не слышал, что им своевременно и было поставлено на вид названному писателю».

При всех своих недостатках, однако, памфлет Шлихтинга заключает несколько важных фактических сведений, и совсем пренебречь им нельзя: наиболее существенны его показания, относящиеся к заговору 1567 года.

Совершенно иной характер носит произведение Генриха Штадена, которое смело можно назвать первоклассным документом истории Москвы и Московской державы в 60 и 70-х годах XVI века. Надо только приспособиться к изучению этого своеобразного памятника, в котором глубокие наблюдения, остроумные замечания, яркие и наглядные описания сплетаются с циничными признаниями автора в своих собственных подлейших поступках. Штаден вообще производит на нас

жуткое впечатление личности, одаренной блистательными талантами и в то же время откровенно порочной и преступной.

Из какой социальной среды он происходил? То, что он родился в бюргерской семье в глухом провинциальном городке, — говорит нам слишком мало; размах его карьеры был очень широкий и разнообразный. Важнее данная им самим характеристика того слоя бродячего военного люда, к которому он рано примкнул, вынужденный покинуть родину из-за уголовного преследования. В своем проекте завоевания Московии он говорит: «Потребная для того первоначальная сумма равна 100 000 талерам. И воинские люди должны быть снаряжены так, что, когда они придут в страну (великого князя), они могли бы служить и в коннице. Это должны быть такие воинские люди, которые *ничего не оставляли бы в христианском мире: ни кола, ни двора*. Таких ведь много найдется в христианском мире. Я видел, что такое великое множество воинских людей побиралось, что с ними можно было бы взять и не одну страну. И если бы великий князь имел в своей стране всех побирох из военных, которые шатаются по христианскому миру — при чем *некоторые из них поворовывают, за что кое-кого вешают*, — то он захватил бы все окрестные страны, у которых нет государей и которые стоят пустыми, и овладел бы ими». (Курсивы в этом отрывке мои. — *Р. В.*)

Генрих Штаден был, может быть, гениальнейшим из «побирох», но он не был великим человеком: его цели никогда не поднимались выше «поворовывания, за которое вешают».

В самом деле, что за удивительные таланты обнаруживает Штаден и какое жалкое, отталкивающее применение дает он им! После блуждания по лифляндским мызам и службы в вольном отряде дольского коменданта Феллина, Полубенского, 22-летний юноша решает бежать под страхом виселицы, как он говорит. Выдавая себя за писателя или подьячего, проявляя невероятную дерзость, он посылает с границы русскому наместнику в Дерпте Мих. Морозову запрос: «Если великий князь даст мне содержание, то я готов ему служить, а коли нет, то я иду в Швецию; ответ я должен получить тотчас же». Наместник верит наглцу и, предполагая в этом иностранце очень нужного для войны специалиста, отправляет за

ним эскорт всадников: «Великий князь даст тебе все, что ты ни попросишь».

Штаден при своем первом появлении очаровал Морозова. Тот предложил ему остаться в Ливонии, ввиду того что Штаден близко знаком с делами и людьми в этой стране. Но Штаден, еще более подняв цену на особу свою, потребовал аудиенции у самого государя московского, и Морозов отправил его немедленно на ямских лошадях в столицу: расстояние в 200 миль (1400 километров) он проехал в шесть дней. В Москве он был доставлен в Посольский приказ: «Дьяк Андрей Васильевич расспрашивал меня о разных делах. И все это тотчас же записывалось для великого князя. Тогда же мне немедленно выдали память, или памятную записку: на основании ее каждый день я мог требовать и получать auf der Jammen 1 1/2 ведра меда и 4 деньги кормовых денег. Тогда же мне выдали в подарок шелковый кафтан, сукно на платье, а также золотой.

По возвращении великого князя в Москву я был ему представлен, когда он шел из церкви в палату. Великий князь улыбнулся и сказал: «Хлеба есть», — этими словами приглашая меня ко столу. Тогда же мне была дана память, или памятная записка, в Поместный приказ, и я получил село Тесмино со всеми приписными к нему деревнями... Итак, я делал большую карьеру: великий князь знал меня, а я его. Тогда я принялся за учение; русский язык я знал уже изрядно».

Вкрадчивость, умение держаться в обществе открывают Штадену доступ в дома лиц, самых влиятельных при дворе и в управлении, что оказывается потом очень полезным в разных опасных случаях его жизни. Он обнаруживает и другие таланты. Острый глаз на окружающую жизнь знакомит его с московским бытом, с порядками и обычаями деревни, что и отражается в его замечательных картинках Москвы 60-х годов, его характеристике отношений между помещиками и крестьянами (между прочим, он отметил обычай «Юрьева дня»), его сценах судебной волокиты и т. д.: бытописатель он удивительный. Крайне интересны его заметки по экономической жизни, его таблицы рыночных цен, его тонкое понимание ювелирного дела и пушной торговли. Он прекрасно понял торговое и стратегическое значение Поморья. Но если спросить, чему служат все эти наблюдения географа, этнографа,

военного техника, сельского хозяина, финансиста, литератора, — придется дать ответ, невыгодный для автора «Записок»: они обращаются исключительно на интриги, вымогательства, самовольный захват чужих дворов, грубую наживу, спекуляции, ростовщичество, обкрадывание и вытеснение соседей и конкурентов, присвоение чужой добычи, подкуп судей. Присоединив к основному имени еще несколько других, Штаден заводит всюду кабаки (пользуясь в данном случае привилегией иностранцев, тогда как русским помещикам винокурение было строго воспрещено). Корчемство давало ему громадные доходы; всегда у него были в распоряжении также неограниченные запасы золота и драгоценностей.

У Штадена много завистников: среди них есть и немцы, служащие в опричнине. По этому поводу мы узнаем кое-что интересное о внутренней жизни немецкой колонии в Москве. У сынов Германии нет ни малейшего подобия товарищества, нет и понятия о каком-либо общем отечестве. Два лифлянца, Таубе и Крузе, держатся польской ориентации (конечно, тайно, готовые в любую минуту изменить Москве), двое других, Штаден и Конрад Эльферфельд, — имперской, то есть мечтают перекинуться к Габсбургам. Но эти двое смертельно ненавидят друг друга; в затеянной ими чисто феодальной усобице, сопровождаемой обманом, подкупом слуг, наездами друг к другу, сутяжничеством, побеждает Штаден, как всегда высыпая судьям пригоршни золота и цветных камней. Запрятанный им в тюрьму Эльферфельд пал духом, признался в своих прегрешениях и униженно молил продать все его имущество и выдавать ему только немного на пропитание в тюрьме. «В этом я ему отказал» — так цинически заканчивает Штаден свой рассказ об этом эпизоде.

За все время службы Штадена в опричнине мы не слышим о выполнении им крупных поручений военного или административного характера. Зато Штаден, уверенный в своей безнаказанности, как привилегированный гвардеец, участвует в наиболее «лихих» делах, совершаемых опричниками по способу частных предприятий. Сам он рассказывает об этом в связи с походом Ивана IV на Новгород: «Тут начал я брать к себе всякого рода слуг, особенно же тех, которые были наги и босы; одел их. Им это пришлось по вкусу. А дальше я начал

свои собственные походы и повел своих людей назад внутрь страны по другой дороге. За это мои люди оставались верны мне. Всякий раз, когда они забирали кого-нибудь в полон, то расспрашивали честью, где — по монастырям, церквам или подворьям — можно было бы забрать денег и добра, и особенно добрых коней. Если же взятый в плен не хотел добром отвечать, то они пытали его, пока он не признавался. Так добывали они мне деньги и добро».

Среди этих разбойничьих набегов есть и такой случай: «Из окон женской половины на нас посыпались камни. Кликнув с собою моего слугу Тешату, я быстро взбежал вверх по лестнице с топором в руке. Наверху меня встретила княгиня, хотевшая броситься мне в ноги. Но, испугавшись моего грозного вида, она бросилась, назад в палаты. Я же всадил ей топор в спину, и она упала на порог. А я перешагнул через труп и познакомился с их девичьей».

После сожжений в 1571 году Москвы, которую не сумели сберечь и спасти опричные войска, и нового нападения Девлет-Гирея в 1572 году, которое было отбито земскими воеводами, доверие царя к опричнине пошатнулось; начался новый «перебор людишек», по выражению Грозного, то есть просмотр военных списков, а в связи с этим отобрание у опальных опричников поместий и возвращение их согнанным со своих мест, при учреждении опричнины, вотчинникам. Штаден не был принят ни в один из новых списков, лишился всех своих владений, но, благодаря своей изворотливости, избежал прямой опалы. Он бросил все московские дела и предприятия и перебрался на север; сначала построил в Рыбной слободе (Рыбинске) мельницу, потом, обдумывая, «как бы уйти из этой страны», двинулся дальше на Поморье, где занялся торговлей мехами. Устроению побега помогли его связи с сильными людьми, его актерские дарования, его опыт в торговом деле: «Я был хорошо знаком с Давидом Кондиным, который собирает дань с Лапландии. Когда я пришел туда, то я заявил, что я жду купца, который должен мне некоторую сумму денег. Здесь я встретил голландцев. Я держался, как знатный купец и был посредником между голландцами, англичанами, бергенцами из Норвегии и русскими».

В 1576 году в Коле он сел на голландский корабль, который вез 500 центнеров каменных ядер для артиллерии инсургентов, боровшихся в Нидерландах против Испании; сам он увозил с собой большой груз мехов, которыми вместе с одним из русских купцов удачно расторговался на Лейпцигской ярмарке. Он и не думал покидать совсем и навсегда русскую землю.

Неистошимый на фантазии, он придумывает все новые и новые способы, чтобы вернуться в Московию, хотя бы и другим манером, чем раньше. Первый план состоял в том, чтобы поступить на службу к врагу Москвы — Швеции: «Я предпринял свою поездку к королю шведскому и просил его о пропуске, чтобы на описанном Поморье получить мне долг с великого князя». Но рядом с таким расчетом на мирные сделки с московским правительством он принимает поручение от брата короля, герцога Карла Зюдерманландского, разузнать, есть ли в Голландии русские торговые люди, караван которых герцог мог бы перехватить на своих пиратских судах по дороге к Балтике. Разыскивая по Германии шведского принца, Штаден попадает к его родственнику пфальцграфу Георгу Гансу, безземельному князю империи, своего рода бездомному авантюристу, мечтающему о создании подобного шведскому германского флота для борьбы с «нехристями-московитами». Штаден крайне заинтересовал пфальцграфа своими рассказами о Московии. Оба искателя приключений отлично спелись между собой: сначала через пфальцграфа, потом лично Штаден представил императору Рудольфу II ни более ни менее как план завоевания Московской державы с севера: объехав вокруг Норвегии и высадившись в Коле и Онеге, предполагалось направить десант через Поморье, которое в предшествующие 1573—1576 годы Штаден успел так основательно изучить...

Этот план есть новое доказательство удивительной изобретательности и основательнейших географических и стратегических исследований и познаний Штадена: в нем предусмотрена и новая дипломатическая комбинация — союз Германской империи, выставляющей большое наемное войско, с королями шведским и польским; имеется в виду подчинение Московии императору; Ивана IV предполагается взять

в плен и отвезти в Германию, где и держать под строгим надзором. Штаден — бродяга, спекулянт и прожигатель жизни не претендует на важную роль в грандиозном предприятии. Свою автобиографию он кончает очень скромным пожеланием: «Сильно и неоднократно тянуло меня при этом (то есть во время дипломатических поездок по организации коалиции) в Русскую землю, в Москву, *ко двору великого князя* (курсив мой. — *Р. В.*). Благодарение Вседержителю Богу, удостоившему меня пережить столь (великое)!»

Такова личность этого оборотня, который соединял в себе поразительные таланты с мелочностью и низостью поведения. Однако, забывая об отрицательных моральных качествах немца-опричника, историк должен удержать в памяти суждение об Иване Грозном одного из умнейших его современников, а у Штадена, как он ни враждебен царю, вырывается такое невольное признание величия Ивана IV: «Хотя всемогущий Бог и наказал Русскую землю так тяжело и жестоко, что никто и описать не сумеет, все же нынешний великий князь достиг того, что по всей русской земле, по всей его державе — одна вера, один вес, одна мера! Только он один и правит! Все, что ни прикажет он, — все исполняется, и все, что запретит, — действительно остается под запретом. Никто ему не перечит: ни духовные, ни миряне. И как долго продержится это правление — ведомо Богу Вседержителю!»

Содержание

Генрих Штаден

Записки немца-опричника
о Московии

Сергей Бахрушин. Из предисловия к первому изданию
«Записок» Генриха Штадена на русском языке. 7

Записки о Московии. Извлечения.

Перевод с немецкого И. И. Полосина 9

I. Прошение императору Рудольфу II 9

II. План обращения Московии в имперскую
провинцию 11

Неизвестный путь или дорога водою
и сушею на Москву. 12

III. Страна и правление московитов. 23

Как великий князь завоевал и добыл Казань
и Астрахань. 52

IV. Автобиография Генриха Штадена 57

Альберт Шлихтинг

Краткое сказание
о характере и жестоком правлении
московского тирана Васильевича

Александр Малейн. Из введения к первому изданию
«Сказания» Альберта Шлихтинга на русском языке 75

Краткое сказание о характере и жестоком правлении
московского тирана Васильевича. Извлечения.

Перевод с латинского А. И. Малейна 83

Торжок и Тверь 100

Тиранство его над женщинами 103

Тиран — толкователь сновидений	103
Тиранство над боярами	108
Предчувствие тирана или предзнаменование	112

Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе

<i>Михаил Рогинский</i> . Из вступительной статьи «Иоганн Таубе и Элерт Крузе» к первому изданию «Послания» на русском языке.	115
---	-----

Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. Извлечения. <i>Перевод с немецкого М. Г. Рогинского</i>	120
---	-----

Ричард Ченслер

Книга о великом и могущественном царе русском и великом князе Московском и о владениях, порядках и произведениях сюда относящихся

<i>Сергей Середонин</i> . Из введения к первому изданию книги Р. Ченслера на русском языке	141
--	-----

Книга о великом и могущественном царе русском и великом князе Московском и о владениях, порядках и произведениях сюда относящихся. Извлечения.

<i>Перевод с английского С. М. Середонина</i>	144
---	-----

Джилльс Флетчер

О государстве русском

<i>Николай Голицын</i> . Из предисловия ко второму русскому изданию книги Дж. Флетчера	155
--	-----

О государстве русском. Извлечения.

<i>Перевод с английского М. А. Оболенского</i>	160
--	-----

Описание России, широта и длина ее и название областей	160
---	-----

О почве и климате	162
-----------------------------	-----

Естественные произведения России.	163
---	-----

Главные города в России	168
-----------------------------------	-----

О доме или роде русских царей.	169
--	-----

Образ правления	170
---------------------------	-----

О дворянстве и средствах, употребляемых к ослаблению его согласно с видами правительства	172
---	-----

Об управлении областями и княжествами	176
---	-----

О мерах к обогащению царской казны имуществом подданных	180
О простом или низшем классе народа в России	184
Об отправлении правосудия и судопроизводстве по делам гражданским и уголовным	187
О военной силе, главных военачальниках и жалованье их	190
О сборе войск, вооружении и продовольствии в военное время	192
О походах, нападении и других военных действиях	194
О церковном управлении и духовных лицах	196
О брачных обрядах	202
О домашней или частной жизни царя	205
О домашней жизни и свойствах русского народа	209

Приложение

Роберт Виппер. Из книги «Иван Грозный»	215
--	-----

М82 Москва при Иване Грозном глазами иностранцев. — М.: Ломоносовъ, — 2014. — 232 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-206-6

В книгу включены описания Московии, сделанные иностранцами, которые во время правления Ивана Грозного разными путями оказались на русской земле. Одни из них прибыли по собственной воле — в поисках богатства, по торговым делам или с дипломатическими поручениями, другие попали в качестве пленников, однако сумели устроиться на русскую службу и сделали быструю карьеру. Кто-то осел в России надолго, чье-то пребывание было коротким. Среди них англичане — мореплаватель Ричард Ченслер и дипломат Джильс Флетчер, представители знатных лифляндских родов — царские переговорщики Иоганн Таубе и Элерт Крузе, слуга и переводчик личного врача Ивана Грозного немец Альберт Шлихтинг и еще один немец — авантюрист Генрих Штаден, ставший царским опричником. Их описания пристрастны, порой однобоки, но вкуче они составляют ценнейший источник сведений о русской жизни второй половины XVI века. Каждому свидетельству предпослано предисловие, написанное к первому его изданию на русском языке.

УДК 94(47).043

ББК 63.3(2)44

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Московия при Иване Грозном глазами иноземцев

Редактор О. Иванов
Верстка А. Петровой

Подписано в печать 14.01.2014.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 14,5. Тираж 1000 экз. Зак. 258

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(495)988-63-76

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- Лев Минц. Котелок дядюшки Ляо
Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ
Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»
Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ
Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА
Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО
Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ
Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ ФРЭНСИС ДРЕЙК
и Уильям ДАМПИР
Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
Виолен Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
Лев Минц. Блистательный Химьяр и плиссировка юбок
Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СВЕНА ХЕДИНА
Гомбожаб Цыбиков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СВЯТЫНЬ ТИБЕТА
Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ
Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ
Виктор Бердинских. Речи немых
Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ
Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ И ПРОЧИЕ...
Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ
Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ
и МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА
Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ и ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ

Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ
Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА
Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ
Олег Ивик. ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА
Стефан Цвейг. ПОДВИГ МАГЕЛЛАНА
Вашингтон Ирвинг. ЖИЗНЬ ПРОРОКА МУХАММЕДА
Владимир Новиков. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ УСАДЬБА
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ
Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ XVIII ВЕКА
Сергей Ольденбург. КОНФУЦИЙ. БУДДА ШАКЬЯМУНИ
Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ
Генрих Бёмер. ИСТОРИЯ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ
Алексей Смирнов. СКИФЫ
Андрей Снесарев. НЕВЕРОЯТНАЯ ИНДИЯ: РЕЛИГИИ, КАСТЫ, ОБЫЧАИ
Генри Чарлз Ли. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УСТРОЙСТВО ИНКВИЗИЦИИ
Олег Ивик, Владимир Ключников. ХАЗАРЫ
Вячеслав Шпаковский. ИСТОРИЯ РЫЦАРСКОГО ВООРУЖЕНИЯ
Лев Ельницкий. ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ АНТИЧНОГО МИРА
Юрий Чернышов. ДРЕВНИЙ РИМ: МЕЧТА О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ
Виктор Бердинских. РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: БЫТ И НРАВЫ
Сергей Макеев. ДЕЛО О СИНЕЙ БОРОДЕ
Борис Романов. ЛЮДИ И НРАВЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
ПЕЧЕНЕГИ
Генрих Вильгельм Штоль. ДРЕВНИЙ РИМ В БИОГРАФИЯХ
Алексей Смирнов. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РУССКИЙ ЦАРЬ КАРЛ ФИЛИПП,
или ШВЕДСКАЯ ИНТРИГА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ
Александр Куланов. ОБНАЖЕННАЯ ЯПОНИЯ
Валерий Ярхо. ИЗ ВАРЯГ В ИНДИЮ
ИНСТИТУТЫ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ В МЕМУАРАХ ВОСПИТАННИЦ
Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СЕКСА В МИФАХ И ЛЕГЕНДАХ
Михаил Мочалов. ДРЕВНЯЯ АССИРИЯ
Константин Кудряшов. АЛЕКСАНДР I И ТАЙНА ФЕДОРА КОЗЬМИЧА
Виктор Калашников. РУССКАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ
Рафаил Нудельман. ПРОГУЛКИ С БИБЛИЕЙ

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

Московия при Иване Грозном глазами иноземцев

В книгу включены описания Московии, сделанные иностранцами, которые во время правления Ивана Грозного разными путями оказались на русской земле. Одни из них прибыли по собственной воле — в поисках богатства, по торговым делам или с дипломатическими поручениями, другие попали в качестве пленников, однако сумели устроиться на русскую службу и сделали быструю карьеру. Кто-то осел в России надолго, чье-то пребывание было коротким. Среди них англичане — мореплаватель Ричард Ченслер и дипломат Джильс Флетчер, представители знатных лифляндских родов — царские переговорщики Иоганн Таубе и Элерт Крузе, слуга и переводчик личного врача Ивана Грозного немец Альберт Шлихтинг и еще один немец — авантюрист Генрих Штаден, ставший царским опричником. Их описания пристрастны, порой однобоки, но вкуче они составляют ценнейший источник сведений о русской жизни второй половины XVI века. Каждому свидетельству предпослано предисловие, написанное к первому его изданию на русском языке.

ISBN 978-5-91678-206-6

9 785916 782066